СЕКРЕТНО

Министерство Государственной Безопасности СССР

Центральный архив

ОБЩИЙ СЛЕДСТВЕННЫЙ ФОНД

ДЕЛО по обвинению _____

_____

_____

_____

АРХ. № Н-501

Количество томов „19“, **том** „2“

_____

(наименование органа, в производстве которого

_____

находилось дело)

Год производства

ПО ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДЕЛО ДОЛЖНО БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНО В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ МГБ СССР

3807

В. Ч. К.

ДЕЛО № ~~12089~~

"Дело Колчака"

ТОМ № 2

Особый Архив

Арх. № Н-501 в 19 томах

С П Р А В К А

Во 2-м томе подшиты второй экземпляр заверенной стенограммы допроса КОЛЧАКА и подлинные стенографи - ческие записи.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ 7 ОТДЕЛЕНИЯ
УСО ГУГБ НКВД: (Дубровин)

"27" апреля 1935 г.

I-

Допрос

бывшего Верховного Правителя Адмирала Колчака

допрошенного 21 января 1920 г. Чрезвычайной Следственной Комиссией под председательством К.А. Попова, при участии членов Комиссии Деникина, Лукьянчикова и Алексеевского.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы присутствуете перед Следственной Комиссией в составе ее Председателя К.А. Попова, заместителя Председателя В.О. Деникина, членов Комиссии Г.Г. Лукьянчикова и Алексеевского для допроса по поводу Вашего задержания. Вы Адмирал Колчак?

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Да, я Адмирал Колчак.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Мы предупреждаем Вас, что Вам принадлежит право, как и всякому человеку, опрашиваемому Чрезвычайной Следственной Комиссией, не давать ответов на те или иные вопросы и вообще не давать показаний. Вам сколько лет?

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Я родился в 1873 году, теперь мне 46 лет. Родился я в Петрограде на Обуховском заводе. Я женат формально законным браком, имею одного сына в возрасте 9 лет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы являлись Верховным Правителем?

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Я был Верховным Правителем в Омске Российского Правительства, - его называли Всероссийским, но я лично этого термина не употреблял. Моя жена Софья Федоровна раньше была в Севастополе, а теперь находится во Франции и переписку с ней я вел через посольство. При ней находится мой сын Ростислав.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Здесь дополнительно арестовалась г-жа Тимирева. Какое она имеет отношение к Вам?

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Она моя давнишняя хорошая знакомая, она находилась в Омске, где работала в моей мастерской по шитью белья и по раздаче его воинским чинам больным и раненым. Она оставалась в Омске до последних дней и затем, когда я должен был уехать по военным обстоятельствам, она поехала со мной в поезде. В этом поезде она проехала сюда до того времени, когда я был задержан чехами. Когда я выехал сюда, она захотела разделить участь со мной.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Как бы то ни было, Адмирал, она не является Вашей гражданской женой, мы не имеем права зафиксировать этого?

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Нет.

К.А. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Скажите нам фамилию Вашей жены.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Софья Федоровна Омирова. Я женился в 1904 году, здесь в Иркутске в марте месяце. Моя жена уроженка Каменец-Подольской губ. Отец ее был судебным деятелем или членом Каменец-Подольского суда, он умер давно, я его не видал и не знал. Отец мой Василий Иванович Колчак, служил в морской артиллерии. Как все морские артиллеристы, он проходил курс в Горном Институте, затем он был на Уральском златоустовском заводе, после этого он был приемщиком морского ведомства на Обуховском заводе. Когда он шел в отставку в чине генерал-майора, он остался на этом заводе в качестве инженера или горного техника, там я и родился. Мать моя Ольга Ивановна, урожденная Посохова. Так ее происходит из дворян херсонской губ. Мать моя уроженка Одессы и тоже из дворянской семьи. Обе мои родители умерли. Состояние они не имели никакого. Мой отец был служащий офицер. После Севастопольской войны он был в плену у французов и при возвращении из плена женился, а затем он в артиллерии в Горном Институте и т.д. Вся семья моего отца содержалась исключительно только на его заработки. Я православный, до времени поступления в школу я получал семейное воспитание под руководством отца и матери. У меня есть одна сестра - Екатерина, была еще одна маленькая сестра - Лассось, но она умерла в детстве. Сестра моя Екатерина замужем, фамилия ее Крихановская. Она осталась в России, где она находится в настоящее время, я не знаю. Была она в Петрограде, но я не имел о ней никаких сведений, с тех пор, как я уехал из России.

Свое образование я начал в 6-й Петроградской классической гимназии, где я прошел до 3-го класса, затем в 1888 году я поступил в морской корпус Т.Е.И. и окончил воспитание в Морском Корпусе в 1894 году. В Морской Корпус я перевелся по собственному желанию и по желанию

На 1-ой стр. вписано между строк „Окружающего" и „был" вторично; запрещу Гон Двое - не играет -

Подпредседателя Колч

отца. Я был предпоследним, пел я все время первым или вторым в своем выпуске мичмана со своим товарищем, с которым поступил в корпус. Из Корпуса вышел вторым и получил премию Министерства Финансов. Мне тогда было 19 лет. В корпусе был установлен целый ряд премий для пяти или шести первых выходящих и они получались по старшинству. По окончании корпуса я начал свою службу. По выходе из корпуса в 1894 году я поступил в Петроградский 7-й флотский экипаж, пробыл там несколько месяцев до весны 1895 года, когда был назначен помощником вахтенного начальника на только что законченном тогда постройкой и готовящемся к отходу за границу броненосном крейсере "Рюрик". Затем я пошел в первое мое заграничное плавание. Крейсер "Рюрик" ушел на Восток и здесь во Владивостоке я ушел на другой крейсер "Крейсер" в качестве вахтенного начальника в конце 1896 года; на нем я плавал в водах Тихого Океана до 1899 года, когда этот крейсер вернулся обратно в Кронштадт. Это было первое мое большое плавание. В 1898 году я был произведен в лейтенанты и вернулся уже из этого плавания вахтенным начальником. Во время моего первого плавания главная задача была чисто строевая на карабле, но кроме того я специально работал по океанографии и гидрологии. С этого времени я начал заниматься научными работами, я готовился к южно-полярной экспедиции, но занимался этим в свободное время, писал записки, изучал южно-полярные страны, у меня была мечта идти на южно-полярные поляс, но я так и не попал в плавание на южном Океане.

Н.А.АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Как протекала Ваша служба по возвращении. Вы поступили в Академию?

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Нет, это мне не удалось сделать. Когда я вернулся в мае 1899 го года в Петроград, а затем в декабре ушел опять на Восток уже на линейном карабле - на броненосце "Петропавловск". Лето я провел в Морском Кадетском корпусе на крейсере "Князь Пожарский" и ушел на Дальний Восток.

Когда я в 1899 году вернулся в Кронштадт, я встретился там с Адмиралом Макаровым, который ходил на "Ермаке" в свою первую полярную экспедицию. Я просил его взять меня с собой, но по служебным обстоятельствам, он не мог этого сделать и "Ермак" ушел без меня. Тогда я решил снова идти на Дальний Восток, полагая, что может быть мне удастся попасть в какую-нибудь экспедицию - меня очень интересовала северная часть Тихого океана в гидрологическом отношении. Я хотел попасть на какое нибудь судно, которое уходит для охраны котикового промысла, на Командорские острова к Берингову морю на Камчатку. С Адмиралом Макаровым я очень близко познакомился в эти дни, так как он сам много работал по океанографии.

Тут произошли большие изменения в моем плавании. В сентябре месяце я ушел на "Петропавловске" в Средиземное море, чтобы через Суэц пройти на Дальний Восток и в сентябре я прибыл в Пирей. Здесь я совершенно неожиданно для себя получил предложение барона Толя принять участие в организуемой Академии наук под его командованием Северной Полярной экспедиции, в качестве гидролога этой экспедиции. Мои работы и некоторые печатные труды обратили на себя внимание бар. Толя, ему нужно было тех морских офицеров и из морских офицеров он выбрал меня. Я получил предложение через Академию Наук принять участие в этой экспедиции. Я это предложение принял немедленно, так как оно отвечало моим желаниям и в декабре месяце Морское Министерство меня откомандировало в распоряжение Академии Наук. Из Пирея я уехал в Одессу, затем в Петроград и в январе я явился к бар. Толю и поступил в его распоряжение. Мне было предложено, кроме гидрологии помощника заведующего принять на себя еще должность второй магнитовой экспедиции, там был специалист по магнитологии Зеберг, и мне было предложено в качестве его помощника этим заняться. Для того, чтобы меня подготовить к этой задаче, я был назначен в главную физическую обсерваторию в Петрограде а затем в Павловскую магнитную обсерваторию. Там я три месяца усиленно занимался практическими работами по магнитному делу для изучения магнитизма. Это было в 1900 году. С самого начала, я проходил в Петроградской земной коры физической обсерватории, а детально я уже работал в Павловской. Наконец экспедиция была снаряжена и она вышла в июле месяце из Петрограда на судне "Заря", которое было оборудовано в Норвегии для полярного плавания строителем "Фрама". Я поехал в Норвегию, где занимался в Христиании у Нансена, который был другом барона Толя. Он научил меня работать по новым методам.

Н.А.АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Не можете ли сказать, кто из состава этой экспедиции в настоящее время жив и находится с Вами в отношениях.

на 2-ой стр. Неправильно "западный" 1899 г." и вписано между "Земного" и "краткий курс" - верить

Помощник Председателя Иркутск

как "помощника зав.

2

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Теперь все сношения со всеми у меня порвались. Бар. Толь погиб вместе с Зейбергом, Л-р Вальтер умер, с зоологом Бируля я до войны постоянно поддерживал связь, где теперь Бируля - я не знал. Затем был еще один мой большой приятель, товарищ по экспедиции, Волосович, который потом пошел геологом, где он находится теперь, я тоже не знаю. Из офицеров там был Коломийцев, он и сейчас здесь в Иркутске. Видался я с ним, когда в 1917 году он опять уходил к устью Лены.

Экспедиция ушла в 1900 году, ~~где~~ она пробыла до 1902 года. Я все время был в этой экспедиции. Зимовали мы в Таймыре, две зимовки на ново-Сибирских островах, на острове Котельни ово. Затем на 3-ий года барон Толь, видя, что нам не удалось пробраться на север от Ново-Сибирских островов предпринял ~~самую~~ санную экспедицию. Вместе с Зейбергом и двумя казаками он отправился на север Сибирских островов, - у него была идея расположения большого материка, который он хотел найти, но в этом году состояние льда было такое что мы могли проникнуть только к земле Бенета, а дальше не могли. Тогда он решил, что на судне туда не пробраться и он ушел. В виду того, что у нас окончились запасы, он приказал нам пробраться к земле Бенета и занятое, а если это не удастся, то идти к устью Лены и вернуться через Сибирь в Петроград, привезти все коллекции и начать работать по новой экспедиции. Сам он расчитывал самостоятельно вернуться на Ново-Сибирские острова, где мы ему оставили Склады. В 1902 году весной бар. Толь ушел от нас с Зейбергом с тем, чтобы потом больше не возвращаться: он погиб во время прохода обратно с земли Бенета. Лето мы использовали на попытку пробраться на север к земле Бенета, но нам не удалось, состояние льда было еще хуже. Когда мы проходили северную параллель Сибирских островов, нам встречались большие льди, которые не давали нам проникнуть дальше. С окончанием навигации мы пришли к устью Лены, и тогда к нам вышел старый пароход "Лена", снял всю экспедицию с устья Тикси, коллекции были перегружены на "Лену", и мы вернулись в Якутск, затем в Иркутск и в декабре месяце 1902 года мы приехали в Петроград.

На заседании Ак Домии Наук было доложено о ходе и положении работ экспедиции и о положении бар. Толя. Его участь чрезвычайно встревожила Академию. Действительно, предприятие его было чрезвычайно рискованное, запасов было очень мало, но бар. Толь был человек, который верил в свою звезду и в то, что ему все сойдет, и пошел на это предприятие. Академия была чрезвычайно встревожена и тогда я на заседании поднял вопрос о том, что надо сейчас немедленно, не откладывая ни одного дня снаряжать новую экспедицию на землю Бенета, для оказания помощи бар. Толю и его спутникам, и так как на "Заре" это сделать было невозможно, был декабрь, а весной надо было быть на Ново-Сибирских островах, чтобы использовать лето - "Заря" была вся избита - то нужно было оказать быструю и решительную помощь. Тогда я, подумавши и взвесивши все, что можно было сделать, предложил пробраться на землю Бенета и, если нужно, даже за поисками барона Толя на шлипках. Предприятие это было такого же порядка, как и предприятие барона Толя, но другого выхода не было, по моему убеждению. Когда я предложил этот план, мои спутники отнеслись к нему чрезвычайно скептически и говорили, что это такое же безумие, как и шаг барона Толя. Но когда я предложил самому взяться за выполнение этого предприятия, то Академия Наук дала мне средства и согласилась предоставить мне возможность выполнить этот план так, как я нахожу нужным. Академия дала мне полную свободу и обеспечила меня средствами и возможностью это выполнить. Тогда я в январе месяце уехал в Архангельск, где я выбрал себе 4-х спутников из Мезенских тюленепромышленников. Со мной согласились идти еще двое из моих матросов из экспедиции - Величев и Орлов. Когда я приехал на съезд тюленепромышленников, они заинтересовались этим делом, выбрали мне 4-х охотников, привыкших к плаванию во льду и ними, с 2-мя матросами и 4-мя тюленепромышленниками в декабре выехали обратно в Иркутск. для того, чтобы здесь подготовить для севера все необходимое, чтобы немедленно уехать на Ново-Сибирские острова, которые я избрал, как базу. Я обратился по телеграфу в Якутск к одному политическому ссыльному П.В. Оленину, с которым я познакомился. Он занимался изучением якутского края. Я обратился к нему, чтобы он за время моего отсутствия проехал на север подготовить вещи, собак для перехода на Ново-Сибирские острова. Он на это согласился и все это выполнил. Затем из Иркутска я поехал обратно в Якутск не теряя нигде ни одного дня, как можно скорее из Якутска поехал в

На 3 стр. - вписано „мой", зачеркнуто „эф", вписано "так", исправлено „сапную", исправлено „то", вписано „что-нибудь предпринять, чтобы", исправлено „Оленину", вписано „ранее" - чтобы открыть.

Товарищ Председателя Иркутского Кам

Нов. Арх. Отдельная

Верхоянск, затем в Устьянск, где меня ожидал Оленин, который закупил собак; затем на собаках я поехал к устью Такомы, взял с "Зари" один из хороших китобойных вельботов, на собаках протащил обратно в Устьянск и в начале мая = вместе со своими 6-ью путниками, Олениным и партией местных якутов и тунгузов, которые были как кажры с транспортом из 160 собак, вышел из Устьянска на остров Котельников. Я перебрался на Ново-Сибирские острова, вышел около мыса Медвежьего, около острова Котельникова. Этот переход на ово-Сибирские острова я делал в мае месяце. Там началась уже таль, разлив рек и затем я остался ожидать вскрытия моря. Я оставил запас провизии, больше я не мог взять с собой, на три месяца; мне надо было прокормить людей, собак и приберегать на обратный путь. Тогда мы разделились: Оленин с туземцами остались летовать на островах и заниматься охотой для того, чтоби приготовить мясо. Часть собак пришлось убить, часть этой партии с собаками осталась на лето у на Ново-Сибирских островах, а я с 6-ью спутниками остался на мысе Медвежьем ожидать вскрытия моря и занимался главным образом охотой, чтоб прокормить себя. Затем в июле месяце море вскрылось и я на зельботе, который был там подготовлен с 6-ью спутниками, когда лед тронулся от берега, в этот же день поплыл вдоль ближнего берега Сибирских островов, вдоль Котельникова, направился в Благовещенский пролив между и Ново-Сибирью. Затем пробираясь через этот пролив, я вышел на северо-западную часть острова / Новая Сибирь /. Это был ближайший пункт, с которого надо было идти в открытый океан, на землю Беннета. Затем переодолев на Ново-Сибири мы отправились дальше на север. В противоположность предшествующему 1902 году, когда все море было в этом месте засыпано льдами, я встретил совершенно открытое море, не было даже льда достаточно большого, чтобы можно было вылезть на него и отдохнуть, приходилось сидеть все время в плашках, а все время был сводящий ветер. Наконец мы добрались до земли Беннета 5-го августа, и в день Преображения - этот мыс я назвал мысом Преображенским, я высадился на остров Беннета. Ближайшее же обследование этого берега очень скоро дало нам признаки пребывания там партии барона Толля. Мы нашли груду камней, в которой находилась бутылка с запиской, со схематическим планом острова с указанием, что там находятся документы. Руководствуясь этим, и очень скоро в ближайшие дни пробрались к тому месту, где бар. Толь со своей партией находились на этом острове. Там мы нашли коллекции, геологические инструменты научные, которые были с бар. Толем. А затем и вот краткий документ, который дал последние сведения о судьбе барона Толля. Он говорил, что бар. Толь прибыл в 1902 году летом на остров Беннета, где он в конце концов решился сначала зимовать, так как уже было поздно, а главное, что их чрезвычайно задержало там - это попытка охот. Они старались там охотиться, чтобы пополнить свои запасы, но это сделать им не удалось. Поэтому бар. Толь сначала решил перезимовать, надеясь на весеннюю охоту и продолжать уже дальнейшее движение весной, с наступлением светлого времени, так как в августе уже становится темно. Охота эта была неудачна и в октябре месяце выяснилось, что партия перезимовать не может, что ей придется умереть там с голода. Тогда в конце ноября 1902 года барон Толь пошел на отчаянное решение: идти на юг в то время, когда уже наступили полярные ночи, когда температура понижается до 40°, когда море в сущности говоря, даже в открытых местах не имеет воды, а покрыто льдом, так что двигаться почти совершенно невозможно ни на собаках, ни на плашках, ни пешком. В такой обстановке в полярную ночь он двинулся со своими спутниками на юг. Документ его начинался такими словами: "сегодня отправились на юг, все здоровы, провизии на 14 дней". Партия, конечно, вся погибла. Тогда я увидал, что моя задача разрешена, что Толь ушел на юг, значит, осталось сделать последний переход на Сибирских островах и осмотреть все склады, которые были там заложены, чтобы узнать не оставался ли где-нибудь барон Толь. Эту задачу частью выполнял Оленин. В том я отправился обратно в августе на Ново-Сибирские острова. Осмотрел по дороге все склады, которые были заложены: все было цело, никаких признаков пребывания барона Толля не было. Фактически гибели остался почти неизвестным. Через 42 дня плавания на этой плашке, я вернулся снова к своему первому исходному пункту около мыса Медвежьего острова Котельникова, был конец августа и начало сентября. Там я оставался до замерзания моря, а в ноябре я перешел обратно на материк в Устьянск. Все спутники мои остались живы, Оленин выполнил свою задачу, - сохранил собак, без крайних лишений мы

На 4-ой стр. - Исправлено "такеи" "прибереч", "пошел" "ноябрь", вписано "накануне", "было", "имели"
зачеркнуто "умышли", предложено на "пошел" - вычеркнуть.
Товарищ Председателя Ивубека

3

вернулись все, не потеряв ни одного человека; оттуда мы обычным путем поехали в Верхоянск, а затем в Якутск. Это было уже в 1903 году. В декабре месяце я ушел из Устьянска, в январе был в Верхоянске, а затем в конце января прибыл в Якутск, как раз накануне объявления Русско-японской войны. С тех пор я с Олениным не видался до прошлого года в Харбине, он потом работал на Амуре в золотопромышленной компании.

А.А.АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Он был политический ссыльный или уголовный?

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Он был политический ссыльный; он студент Московского университета. У него была склонность к изысканиям, я бы сказал, к научному авантюризму, его интересовал край и когда он получил амнистию за свою экспедицию, он вернулся обратно из Петрограда в Якутск.

А.А.АЛЕКСЕЕВСКИЙ. А с другими ссыльными Вы в Якутской области не входили в сношения?

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Я встречался с ними в Верхоянске и в Устьянске, но не завязывал сношений, потому что я бывал временно, близко я ни с кем не знакомился, потому что я везде бывал по несколько дней.

Когда я в Якутске получил извещение о том, что случилось нападение на наши корабли в Порт-Артуре и вслед затем известие о том, что адмирал Макаров назначается командующим флотом в Тихом океане, я по телеграфу обратился в Академию Наук с просьбой вернуть меня в Морское ведомство, и обратился в Морское ведомство с просьбой послать меня на Дальний Восток в Тихоокеанскую эскадру для участия в войне. Затем, так как Оленин был в курсе всех дел экспедиции, я ему мог сдать все дела, людей, заботы о них, затем ценности, многия, научные коллекции, которые он главным образом составил и со всем этим ехать в Петроград для доклада в Академии Наук. А сам я из Иркутска поехал на Дальний Восток. Меня не хотели отпускать, но в ко де концов после некоторых колебаний Президент Академии Великий Князь Константинъ Константинович, к которому я непосредственно обратился, устроил так, что меня Академия отчислила и передала в Морское ведомство, а тут я получил приказание поехать в Порт-Артур. Тогда я выехал в Иркутск. В Иркутск приехали меня повидать мой отец и моя теперешняя жена. Я ушел женихом, должен был жениться после первой экспедиции, но вторая экспедиция помешала, затем наступила война и я решил, что надо жениться. Здесь в Иркутске я обвенчался со своей женой, после чего пробывши здесь несколько дней я уехал вместе со своим другом Величевым, оставив жену, что он пойдет со мною дальше, поморы же вернулись назад. Я прибыл в Порт-Артур примерно в марте месяце или в начале апреля. Макаров тогда еще был жив. Приехавши в Порт-Артур я явился к адмиралу Макарову, которого я просил о назначении меня на более активную деятельность. Он меня назначил на крейсер "Аскольд", так как по его мнению мне нужно было немного отдохнуть, пожить в человеческой обстановке на большом судне. Я просил назначить меня на миноносец; он упорно не хотел назначить меня на минные суда. На этом "Аскольде" я пробыл до гибели Адмирала Макарова, которая произошла на моих глазах 31-го марта. После гибели адм. Макарова я был назначен на очень короткое время на минный заградитель "Амур", а затем на миноносец "Сердитый" в качестве командира. На этом миноносце, после того, как я вступил в командование-я не расчитал своих сил, которые уже за все это время были подорваны, - я получил очень тяжелое воспаление легких, которое заставило меня слечь в госпиталь. Там я провел около месяца, затем в июле, оправившись от воспаления легких, я снова продолжал командовать миноносцем до осени. К осени у меня начали снова сказываться последствия моего преохлаждения на крайнем севере, а именно появились признаки суставного ревматизма.

А.И.АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Значит Вы в выходе эскадры в июле не участвовали?

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Нет, в выходе эскадры я участвовал, я был уже на миноносце, но в боях наш миноносец не участвовал, шел другой отряд, мы только проводили выход эскадры, а затем вернулись, так как мой миноносец должен был оставаться в Порт-Артуре. Затем я осенью видел, что мне становится на миноносце все хуже и хуже. После того, как был июльский неудачный бой и прорыв во Владивосток и началась систематическая планомерная осада крепости, центр тяжести всей борьбы перенесся на сухопутный фронт. Здесь последнее время мы уже занимались

-ой стр. Вместо "морское", "слова", "управлять", "Оленевым", "сказавшим" - верить

Товарищ Председателя Иркутска Ком

Товарищ Председателя Иркутска Ком

Нов. Прес. Архив

постановкой главным образом минных заграждений около Порт-Артура и мне удалось в конце концов поставить минную банку на подходах к Порт-Артуру, на которой взорвался Японский крейсер "Такосадо". Результат пребывания на севере - ревматизм и общее положение дел, при котором центр тяжести войны переносился на сухопутный фронт заставили меня в сентябре просить назначить меня на сухопутный фронт. Все время я принимал участие в мелких столкновениях и боях во время выходов. Осенью я перешел на сухопутный фронт. Я вступил в крепость, командовал там батареей морских орудий на северо-восточном фронте крепости и на этой батарее я оставался до сдачи Порт-Артура до последнего дня и едва даже не нарушил мира, потому что мне не было дано знать, что мир заключен. Я жил в Порт-Артуре до 20 чисел октября, когда крепость пала. Когда была сдача крепости я уже еле-еле ходил, но держался еще и когда было падение Порт-Артура, мне пришлось лечь в госпиталь, т.к. у меня развился в очень тяжелой форме суставной ревматизм. Ранен я был легко, так что это меня почти не беспокоило, а ревматизм меня совершенно свалил с ног. Эвакуировали всех, кроме тяжело больных и раненых, я остался лежать в госпитале в Порт-Артуре. В плену японском я пробыл до апреля месяца, когда я начал уже несколько поправляться, оттуда нас отправили в Дальний, а затем в Нагасаки. В Нагасаки партия наших больных и раненых получили очень великодушное предложение японского правительства переданное французским консулом о том, что правительство Японии предоставляет нам возможность пользоваться, где мы захотим водами и лечебными учреждениями Японии, или же, если мы не желаем оставаться в Японии вернуться на Родину, без всяких условий. Мы все предпочли вернуться домой. И я вместе с группой больных и раненых офицеров через Америку отправились в Россию. Это было в конце апреля 1905 года. Все мы через Америку вернулись в Петроград. В Петрограде меня сначала освидетельствовала комиссия врачей, которая признала меня совершенно инвалидом, дала мне 4-х месячный отпуск для лечения на водах, где я лечился все лето до осени. С осени я продолжал свою службу, при чем на мне лежала обязанность перед Академией Наук дать прежде всего отчет, привести в порядок наблюдения и разработку предшествующей экспедиции, которая была мною брошена, все мои труды по гидрологии, по магнитологии, съемки были брошены, так что я опять поступил в распоряжение Академии Наук и осень 1905 года я занимался в Академии Наук, но уже занимался трудом кабинетным, работал в физической обсерватории и приводил в порядок свои работы. Это относится к периоду моей большой связи с Академией и с Географическим обществом, с которыми я находился в связи. Затем в Географическом обществе я получил свою высшую научную награду за свои последние экспедиции - большую Константиновскую золотую медаль. Эта работа продолжалась до января 1906 года. Затем приведя до известной степени в порядок и передав в передаботку специалистам свои научные труды моей экспедиции.

В 1906 году январе месяце произошли такого рода обстоятельства.

После того, как наш флот был уничтожен и совершенно потерял все свое могущество во время несчастной войны, группа офицеров, в числе которых был и я, решила заняться самостоятельной работой над тем, чтобы снова подвинуть дело возсоздания флота и в конце концов тем или иным путем как нибудь стараться в будущем загладить тот наш грех, который выпал на долю флота в этом году: возродить флот на началах более научных, тем более систематизированных, чем это было до сих пор. В сущности единственным светлым деятелем флота был Адмирал Макаров, а деятельность была не военная и несерьезная. Нашей задачей явилась идея возрождения нашего флота и морского могущества. Группа этих морских офицеров, с разрешения Морского Министра, образовала военно-морской кружок, полуофициозный. Там нам было предоставлено в Морской Академии помещение, средства кое какие Морское Министерство дало, так как оно относилось благожелательно к этой работе. Я был в числе основателей этого военно-морского кружка в Петрограде, где мы занялись прежде всего разработкой вопроса, как поставить дело возсоздания флота на соответствующих научных и правильных началах. В результате этого в конце концов мною и членами этого кружка была разработана большая записка, которую мы подали Министру, по поводу создания Морского Генерального Штаба, т.е. такого органа, который бы ведал специальной подготовкой флота к войне, чего раньше не было, был Морской штаб, который ведал личным составом флота и только. В этот кружок входили Щеглов, Римский-Корсаков, Пилкин.

(на стр. 6-ой: Вместо "новой" зачеркнуто "нашей", исправлено "научных", "над тем" "правильных" "нашего" "привел" зачеркнуто "направлено" товарищ Председателя Трубчева)

4

.... В этот кружок входили Петров, Рикоки, Корсаков, Шлихт, затем к этому кружку присоединялись очень многие. Я долгое время был председателем этого кружка.

К поданной записке отнеслись очень сочувственно и весной 1906 года было решено создать Морской Генеральный Штаб. План этот был одобрен и весною, приблизительно в Апреле 1906 года он был осуществлен созданием Морского Генерального Штаба. В этот Штаб вошел и я в качестве Заведывающего Балтийским театром. Я был в то время капитаном 2-го ранга и явился одним из первых назначенных в этот штаб. С этого времени начинается период, обнимающий приблизительно 1906, 1907-1908 г.г., период, если можно так выразиться, борьбы за возрождение флота. В основание всего этого дела Морским Генеральным Штабом была выдвинута морская судостроительная программа, которой до сих пор не было. Постройка судов шла без всякого плана в зависимости от тех кредитов, которые отпускались на этот предмет, при чем доходили до таких абсурдов, что строили не тот корабль, который был нужен, а тот, который отвечал размерам отпущенных на это средств. Благодаря этому получались какие-то фантастические корабли, которые возникали неизвестно зачем. Таким образом прежде всего была выдвинута планомерная судостроительная программа. Первая работа, которая была выполнена Морским Генеральным Штабом, заключалась в изучении военно-политической обстановки. Это был именно тот период, когда Морской Генеральный Штаб работал совместно с сухопутным. Во главе нашего Штаба стоял ген. Брусилов, а там ген. Палицын. Это был единственный период, которого я знаю, когда оба штаба работали совместно и согласованно. Это был период изучения общей политической обстановки и еще в 1907 году мы пришли к совершенно определенному выводу о неизбежности большой европейской войны. Изучение всей обстановки военно-политической, главным образом германской, изучение подготовки, ее программы военной и морской и т.д. совершенно определенно и неизбежно указывало на эту войну, начало которой мы определяли в 1915 году, указывало, что эта война должна быть. В связи с этим надо было решить следующий вопрос. Мы знали, что инициатива в этой войне, начало ее будет исходить от Германии, знали, что в 1915 году она начнет войну. Надо решить вопрос как мы должны на это реагировать. После долгого и всестороннего детального изучения исторического и военно-политического, было решено, как Морским, так и сухопутным штабами, что мы будем на стороне противников Германии, что союза с Германией заключать нельзя и что эта война должна будет решить в конце концов вопрос о славянстве быть или не быть ему в дальнейшем. Были известные группы, которые резко расходились с этой точки зрения и указывали на необходимость союза с Германией, но та политическая обстановка, которая была положена в основание, показывала, что война произойдет на нашей стороне.

Я хочу только подчеркнуть, что вся эта война была совершенно предвидена, была совершенно предусмотрена. Она не была неожиданной и даже при определении начала ея ошибались только на полгода, да и то немцы и сами признают, что они начали ее раньше, чем предвидели. Таким образом, в связи с общим политическим положением и была разработана судостроительная программа, долженствовавшая быть законченной к 1915 году. К этому времени относится период чрезвычайно тесных сношений обоих штабов с Гос. Думой, которая принимала в этом деле большое участие. В период 1906-1907 года различные политические группы, политические организации, все интересовались военными вопросами. Мне приходилось постоянно бывать там в качестве докладчика и эксперта на многих заседаниях. Там часто ставились вопросы о подводном и надводном флоте и вообще общество чрезвычайно интересовалось этой войной и военным и морским делом. Этот период был чрезвычайно оживленным в это смысле. К этому периоду относится чрезвычайная близкая связь между обоими штабами и Гос. Думой и ея военными комиссиями. В этих военных комиссиях я был в качестве эксперта и присутствовал на всех решительно обсуждениях вопросов, кот. касались флота.

ЧЛ. КОМИССИИ АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Были ли среди офицеров флота, морского ведомства сторонники союза с Германией хотя бы по соображениям чисто профессиональным, техническим.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Я могу указать на Бернса, кот. был тогда нашим

агентом в Германии и который теперь в советской России / кажется после Альтатера он выполняет обязанности Командующего флотом/ Он был определенным сторонником союза с Германией, указывая, что разрывать с Германией нельзя, что все вопросы, которые существуют, могут быть разрешены удовлетворительно и что наоборот союз с Англией и Францией не сулит России ничего, кроме дальнейших осложнений. Вы, может быть помните одну книгу военно-политического содержания соч. Вандака: Там приводилась эта точка зрения о необходимости союза с Германией. Это наделало много шума и разделило общество на два лагеря: один германской ориентации и другой союзнической ориентации. Крупными противниками этой точки зрения были адм. Эссен и Непенин. Адмирал Эссен был определенно против немцев, хотя и был сам немецкого происхождения. Непенин также был их совершенным противником и ненавидел немцев. Среди крупных представителей морского ведомства не было представителей германской ориентации ; большинство склонялось к союзнической ориентации, так как всем было видно, что приготовления Германии к войне идут; было видно, что она готовится к войне и именно к войне с нами, о чем ясно говорили добытые документы. Конечно, могли быть ошибки, конечно, такие вещи легче говорить по ~~ст~~ ractum, но тогда для меня, напр., один Трейпке стоил откровения, т.к. ясно говорил об их отношении. Я думаю, что если у меня и были минуты колебания, то Трейпке их уничтожил. Ведь Трейпке исходил из изучения всей картины, всей исторической стороны этого дела, всей политики Германии.

ЧЛ. КОМИССИИ АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Таким образом новому Морскому Ген. Штабу приходилось составлять программу в смысле борьбы с Германией.

АДМ. КОЛЧАК. Для того, чтобы выработать программу в смысле борьбы надо было иметь определенного противника и определенный срок. Этот срок был фиксирован 1915 г.; главнейше противник был определен, как Германия.

Новая судостроительная программа была принята и представлена в Гос. Думу, но здесь произошли крупные события. Совершенно неожиданно Морским Министром был назначен Воеводский, предшественник Дикова.

Тогда у Морского Ген. Штаба явилась большая идея : будучи противниками Германии, мы, в сущности говоря, признавали, что германская военная организация является образцовой и оба Генеральных Штаба Сухопутный Морской - стремились к созданию положения Генеральных Штабов, как независимых органов, подчиненных только Верховной власти, а не Министру : Это вызвало смену Палицына и ясно было по моменту, что смещен будет и Брусилов, но он тогда заболел и умер. Вслед за этим явилась реакция против тенеденций, бывших в Морском Генеральном Штаба. Министром был назначен Воеводский, который почему то начал борьбу с Гос. Думой, именно на почве этой судостроительной программы. Он старался препятствовать этому и повел борьбу с Гос. Думой в то время, когда дело уже налаживалось. Между тем время шло и не ждало, по нашему убеждению, и программу надо было проводить. В конце концов Воеводским дело было поставлено так, что программа эта остановилась. На многих, для которых эта программа являлась всем смыслом, целью нашего существования, в том числе и на меня, это произвело ужасное впечатление. Я был одним из главных составителей этой программы, большую часть этой программы я писал и разрабатывал, наконец, с этой целью я ездил в Гос. Думу к Гучкову и другим членам Гос. Думы. Я старался сделать это дело возможно быстро, прилагая все усилия, но сделать было ничего нельзя, Тогда я сказал себе, что при таких условиях, когда эта программа Морского Министерства не может быть проведена из за разногласий, которые были для меня непонятны, из за какой то борьбы, которую вел Морской Министр с Государственной Думой, - оставаться в Ген. Штабе я не могу. Я видел, что с этим ничего нельзя сделать, что дело погибнет и поэтому решил оставить военную работу и вернуть

На стр 8-ой. вписано „морским" , исправлено „разгадка" „разгадки" „раз-гадки" „загадку" „загадки" „надписано „ея" , исправлено „ея" , исправлено „говора" - вторично тов. Яреде Урубкова

ся к прежней научной деятельности.

Воеводский, будучи назначен Министром, начал изменять и перерабатывать эту программу, задерживать запросы, которые делались Государственной Думой и которые были необходимы для решения вопросов и т.д. Почему он это делал было совершенно неизвестно, но вред этим делу был нанесен ужасный. В конце концов это отразилось тем, что программу не выполнили к тому сроку, к которому она могла и должна была быть выполнена.

В начале эта программа была тем, что было известно под именем "большой программы"; затем она распалась на два проекта - большой и малый. Это было делом Воеводского. На меня это подействовало самым печальным образом и я решил, что при таких условиях ничего не удастся сделать и потому решил дальше заниматься академической работой. Я перестал тогда работать над этим делом и начал читать лекции в Академии Морской, которая была тогда образована. Я читал лекции несколько месяцев и решил, что лучше вернуться к научной работе. В это время Начальник Главного Гидрографического Управления Вилькицкий, его я хорошо знал, т.к. он был полярный исследователь, который меня хорошо знал и сочувствовал всей моей деятельности, предложил мне организовать экспедицию для исследования северо-восточного морского пути из Антлатического Океана в Северный океан вдоль берега Сибири. Встретившись и поговорив с ним, я решил заняться этим делом. Находясь в Ген. Штабе, я разработал проект этой экспедиции, я на основании всего предшествующего опыта плавания, на основании опыта плавания здесь на севере, остановился на организации новой экспедиции на стальных судах ледокольного типа - конечно нет таких, которые могли бы ломать полярный лед, так как опыт Ермака показал, что это невыполнимо и что активная борьба с океанским льдом невозможна. Но опыт показал, что конструировать судно, которое выдержало бы давление льдов вполне возможно, что это затруднений не вызывает и что, конечно, построить стальное судно большой вместимости легко.

Я считал необходимым иметь 2 таких судна, чтобы избежать случайностей, неизбежных в такой экспедиции. В конце концов в 1908 г. Главное Гидрографическое Управление выступило с проектом организации такой экспедиции для изучения вопроса о северном морском пути из Тихого в Антлатический океан кругом северного побережья Сибири. Я, оставаясь пока в Штабе, принимал в разработке этого проекта активное участие: все свободное время я работал над этим проектом, ездил на заводы, разрабатывал с инженерами типы этих судов. В этом принимал участие и мой бывший спутник Маттисен. Решено было построить два ледоходных стальных судна, которые были названы "Таймыр" и "Вайгач". Командиром был назначен Маттисен. Когда это было решено, я просил отчислить меня от Генерального Штаба. Кружок офицеров продолжал функционировать до последнего времени и я продолжал там работать в качестве председателя этого кружка. Я смотрел на этот кружок главным образом, как на образовательный, имеющий целью поднять уровень военного образования в военной среде, там делались интересные доклады, производились научные работы и т.д.

Решив заняться всецело делом экспедиции, я в 1908 г., ушел из Генерального Штаба и всецело посвятил себя наблюдению за постройкой судов на Невском Судостроительном заводе. В 1909 г. суда были спущены и мы осенью ушли на Д. Восток с тем, чтобы летом 1910 г. пройти через Беринтов пролив на северную часть полуострова. Я командовал "Вайгачем", "Таймыром" командовал сначала Маттисен. Это были суда ледокольного типа. Идея их состояла в том, чтобы их не ломал лед, чтобы лед не ломал и не давил их. Поэтому, они обладали чрезвычайно сильным корпусом и сравнительно слабыми машинами, т.к. главный вопрос в данном случае это - большой радиус действия и ледокольного типа суда учитывают эту силу ударов льда и сжатия льда.

Таким образом во второй половине 1909 г. мы ушли на Д.Восток и через Индейский океан, Средиземное море весной 1910 г. прибыли во Владивосток. Так как мы пришли во Владивосток уже поздно, то Главным Гидрографическим Управлением была поставлена нам задача-

0-ой - Зачеркнуто "открытый", надписано "Таймыр", зачеркнуто "на", Зачеркнуто "ледокольное", вписано "ледокольного типа" - Зачеркнуто "и они", вписано "для экспедиции", зачеркнуто "чтобы их не ломал лед", зачеркнуто "ни чтобы", надписано "ему" - вставить.

Товарищ председателя Комиссии [illegible]

[illegible]

пройти в этом году Берингов пролив и обследовать район этого пролива, имея основным пунктом для съемок и больших астрономических наблюдений - мыс Дежнев, и затем вернуться обратно во Владивосток на зимовку и в следующем году итти дальше. Мы ушли из Владивостока и выполнили эту задачу: вышли за Берингов пролив по направлению к мысу Дежневу. Экспедиция была очень хорошо оборудована для этой цели, в особенности "Вайгач", который был оборудован специально для картографических работ. Я главным образом работал по океанографии. Осенью мы вернулись во Владивосток на зимовку и для ремонта с тем, чтобы летом пораньше двинуться на север и продолжать систематическую работу. По прибытии во Владивосток я получил телеграмму от того же Воеводского, бывшего Морским Министром и Начальника Морского Генерального Штаба князя Ливена / Ливен был Начальником Ген. Штаба после Брусилова и не смотря на свое немецкое происхождение, был страшным противником немцев/ В этих телеграммах Ливен и Воеводский просили меня приехать в Петроград и продолжать мою работу в Морском Генеральном Штабе для скорейшего проведения судостроительной программы. Решено было во что бы то ни стало проводить эту программу и приступить к постройке новых судов. После некоторого колебания я дал свое согласие на возвращение. В 1910 г. я оставил экспедицию и вернулся. У меня опять явилась надежда, что может быть удастся дело направить. Поэтому я вернулся в Морской Генеральный Штаб и был снова назначен на то же место - Заведывающего Балтийским театром. Меня все это время замещал мой помощник и я принял дело почти в прежнем состоянии, так как за время моего полугодового отсутствия там ничего не делалось. Я прибыл в Петроград зимою 1910 г. и оставался там 1911 г. до весны 1912 г. В Штабе я главным образом работал над деталями судостроительной программы, и ее реализацией, установкой типа судов и вообще ведал всей подготовкой флота к войне. По этой должности я находился в очень тесной связи с адмиралом Эссеном и Штабом Командующего Балтийским флотом, так как мне приходилось постоянно ездить туд. Мне постоянно приходилось ездить на флот, принимать участие в маневрах, рассматривать задания для маневров и т.д. Таким образом я находился в тесной связи с Балтийским флотом. Та должность, которая в сухопутном ведомстве носит название генерал-квартирмейстера, во флоте носит название флаг-капитана по оперативной или хозяйственной части. Таким флаг-капитаном по оперативной части в Штабе адмирала Эссена был Альтфатер, с которым я находился постоянно в связи по работе по подготовке флота к войне. В 1912 г. адм. Эссен заявил мне, что он хотел бы, чтобы я вступил в действующий флот. Меня самого очень тяготило прибывание на берегу. Я чувствовал себя усталым и мне хотелось отдохнуть в обычной строевой службе, где все же было легче. Я это откровенно высказал; сказал, что главную задачу я выполнил, что дело сделано и что теперь остается только следить технически, чтобы налаженное дело шло дальше. Последнее, что я сделал, это было участие в разработке деталей нового типа огромных крейсеров, типа „Кимбурн", но они опоздали. В 1912 г. я ушел из Морского Генерального Штаба и поступил в минную дивизию Балтийского флота командиром эскадренного миноносца "Уссуриец". Я командовал "Уссурийцем" год, затем был в Либаве, где была база минной дивизии. Через год адм. Эссен пригласил меня быть флаг-капитаном по оперативной части у него в Штабе. При адм. Эссене, который держал свой флаг на броненосном крейсере "Рюрик" состоял в распоряжении один из лучших эскадренных миноносцев "Пограничный". Он состоял в распоряжении адм. Эссена непосредственно, который на нем ходил постоянно по Балтийскому морю. Я, будучи флаг-капитаном в Штабе Эссена, в то же время был командиром "Пограничного". Адмирал Эссен все это время был то у меня на "Пограничном", то на "Рюрике" В этой должности командира "Пограничного", я оставался год, в должности же флаг-капитана я оставался и на войне.

В этом году все признаки военно-политической атмосферы чрезвычайно сгустилась. Для всех была ясна близость войны. Адмирала

На 10-й стр.

Зачеркнуто „Эссену" надписано „Воеводскому", „Воеводского" „заменить его" „князя" „Ливена", „Ливен" „Брусилова", „Балтийского флота", „флот".
Зачеркнуто „все признаки" - вставлено „вся атмосфера". Тов. Председателя Комиссии Юлин

6

Эссена чрезвычайно заботила усиленная подготовка ~~со стороны~~ флота. Он всю душу вкладывал для подготовки флота к выполнению программы ~~войск~~. военных действий, которая существовала на случай разрыва с Германией.

На " Пограничном" я оставался год. Затем чрезвычайно ~~при~~ серьезные и грозные признаки, которые возникли весной 1914 г. относительно войны, заставили Адм. ~~с его~~ Эссена приказ мне сдать " Пограничный" и перейти ~~с его~~ непосредственно Штаб на " Рюрик", оставаясь там флаг-капитаном.

А.И. Алексеевский. - Вы уже несколько раз сказали, что не смотря на то, что это было ясно группе офицеров, которая образовала морской кружок, и руководителями морского ведомства, все таки, благодаря деятельности Воеводского, мы к войне были не готовы, в смысле той военно-морской программы, которая была намечена?

Адмирал Колчак. - Именно эта программа подготовки флота к войне была задержана на 2 года: вместо того, чтобы быть выполненной к 1915 г. она могла бы быть выполнена к началу войны.

А.И. Алексеевский. - Какия причины помимо Воеводского задерживали выполнение этой программы?

Адмирал Колчак. - Причин, которыя я мог бы указать, было очень много. Вся организация морского м-ва, главным образом его технических отделов с их сложнейшей канцелярщиной, бюрократизмом, волокитой, сношения с заводами, утверждение всяких чертежей и различных изменений, которыя нам постоянно вносились, все это страшно отражалось на всем ходе дела. Генеральный Штаб сначала пытался вести борьбу с бюрократизмом в этих учреждениях, но это всегда оканчивалось ничем.

А.И. Алексеевский. - А помимо этих обстоятельств, лежащих в самом характере различных бюрократических учреждений морского Министерства, и помимо деятельности самого Воеводского, которая была известна и необъяснима, не было ли в политических видах и настроениях намеренного задержания исполнения этого плана?

Адмирал Колчак. - Боюсь сказать. Такие разговоры были, но фактически я затрудняюсь на это указать; какия нибудь официальныя сведения я затрудняюсь представить.

стран. Зачеркнуто "не сторонникам", надписано "флота", исправлено "приказать", зачеркнуто "всего", вписано "в его" - "верить".

Товарищ председателя Чрезвычайной Комиссии.

Чл. Ком. Архангельский

Такие разговоры были всегда в среде воюющего флота, но в виду того общего свойства всякой вооруженной силы, она обвиняет свой тыл во всех тех грехах, которые непосредственно отражаются на ее строевой части.

А.И. Лепкевский. - Я так формулирую свой вопрос: политические взгляды, которые по разговорам, велись в военно-морской среде были причиной задержки в исполнении судостроительной программы предъявлялись ли персонально к кому нибудь из политических деятелей того времени, и не придавалось ли этому задержанию германофильского характера?

Адмирал Колчак. - Политические приемы, я затрудняюсь указать, хотя разговоры об этом были.

Я продолжаю: начало весны и летний период 1914 года я провел на Балтийском флоте в крайне сильной работе по всем решительно частям в смысле скорейшего проведения программы, так как война казалась все более и более приближающейся. Перед началом войны я был на середине подводного плавания в Балтийском порту и занимался там в качестве флаг-капитана я экстренно инструктировал эту часть. Затем меня совершенно срочно вызвал адмирал Эссен в Ревель, где он мне заявил, - это было примерно 16 июля - что разрыв с Германией почти неминуем и что нужно готовиться к выполнению всего плана военных операций. План наш базировался на том, чтобы в наиболее узкой части Финского залива между Ларкалаудом и Наргином выставить сильное минное поле, которое необходимо защищать наличными силами флота, а задача флота заключалась только в том одном: обезопасить восточную часть Финского залива от проникновения неприятельских судов в период нашей минной защиты и высадки в тыл. В общих чертах план сводился к минным судам и подводным лодкам, которым должны были помешать операциям врага, если он войдет в Финский залив, пользуясь финскими шхерами. После этого он приказал мне дать всем соответствующие инструкции, распоряжения, сигналы о том, что хотя никто окончательного разрыва, но уже необходимо

7

теперь все сделать все решительно, чтоб не терять ни одного часа, предоставить особому отряду минным заградителей по первому сигналу выставить заграждения и т.д. Указания, которыя получались у нас в следующіе часы, все более и более сгущали атмосферу открытия военных действий на флоте и в частности на Рижск. был громадный подъем, известие о войне было встречено с громадным энтузиазмом и радостью, как в команде, так и в офицерской среде; день начала войны был один из самых счастливых и лучших дней моей службы. Обстановка сложилась очень серьезная, разрыв с Австріей уже произошел. Эссен справедливо волновался, он говорил, что германский флот прорвется в Финский залив, так как крейсера, вызванные в залив, его не удержат, мы заграждений не поставим, а если поставим, то только на несколько дней задержим прорыв. Я говорил, что надо принимать на себя постановку минного поля, потому что совершенно ясно, что надо принимать на себя постановку минного поля, потому что совершенно ясно, что разрыв будет, а выдь постановка поля фактически уже прерывала всякое сообщение в Финском заливе. Адмирал согласился со мною. Мы со всем флотом вышли в море к Нарвгу с тем, чтоб с разсветом, начать постановку поля, не ожидая приказаний из Петрограда. Вся операція состояла в том, что в Парккаудэ было оставлено 6000 мин, они были на противоположном берегу Финскаго залива, а флот, который закрывал эти заградители, сосредоточился у острова Нарвгна. Он должен был выйти из Нарвгна, а заградители должны были поставить восемь линий заграждений, после чего они уходили опять в море, а флот возвращался в Ревель. Когда разсвело, мы решили ставить поле, в зависимости от того, будет или не будет дано приказание из Петрограда. В тот момент, когда был поднят сигнал о том, чтоб начать постановку заграждений, когда флот у Парккаудэ снялся с якоря и пошел в море, мы приняли радіо, условную телеграмму - молнію из Морского Генеральнаго Штаба: „Ставьте минныя заграждения," - так, что это было

чрезвычайно удачно и своевременно; редко когда приходится выполнять такой сигнал. Заграждения были поставлены, а через несколько часов последовала телеграмма об объявлении войны.

Я оставался в должности флаг-капитана и первые два месяца я работал над всевозможными планами, над всякими оперативными задачами и старался, где только возможно, сам принимать участие в их выполнении. Противник против всяких наших ожиданий оказался чрезвычайно пассивным. Мы считали, что нам осталось немного, мы считали, что если враг придет достаточно сильный, то не смотря на эти заграждения он сумеет их прорвать и уничтожит нас. Нужно сказать, что тогда положение было чрезвычайно тяжелое: дредноутов еще не было, у нас были „Рюрик", „Адмирал Нахимов", и вся сила заключалась только в минных судах; подводные лодки тоже не были готовы и действовали только (в минных судах) старыя лодки. Что касается дредноутов, то первое время на них плавали 300-400 человек мастеровых с франко-русскаго завода и в таком виде они приходили.

Итак противник, против нашего ожидания оказался чрезвычайно пассивным; повидимому он в это время был отвлечен английским флотом в Немецком море и ограничивался только слабым наблюдением за нами, что дало нам возможность выдвинуться дальше. Мы постепенно получали возможность только защищать Рижский залив, а перенести свою деятельность в Рижский залив, закрыть вход в него, развить свою деятельность в Балтийском заливе у Либо среди шхер и продвигаться на Запад Немцы вели себя очень пассивно, ограничиваясь действиями легких миноносцев и крейсеров у берегов. С наступлением зимы мы решили перейти к более активным действиям в смысле выхода в море и нападения на немцев в открытом море. Крейсер, на котором выходил адмирал Эссен, никого в море не встретил. Один раз была встрѣчка с одним крейсером, который удрал нас, в другой раз была погоня за быстроходным крейсером, кото-

На стр. 04 [illegible] с минных суд[ов] - Ред.

[illegible]

8.

также отошли они нас уйти, – все это указывало на то, что мы могли перейти к более активным действиям и мы решили перейти к операциям минным заграждением уже в водах самого противника, заградить его входы его фарватеры и затруднить этим его работу. Деятельность наша началась с постановки минными судами заграждений у германских берегов вдоль побережья Балтийского моря. Крейсер „Россія" мы послали за Борнгольм, затем мы прошли Каркоми 31 декабря. – Новый год мы встретили постановкой нами первой мины. Затем весной 1915 года я просил Эссена дать мне возможность выполнить одну операцию, а именно заградить Данцигскую бухту. Я взял с собой четыре лучших миноносца типа „Лейтенант", временно вступил в командование этим маленьким отрядом и выполнил эту задачу. Главная трудность была в чрезвычайно суровом времени года: был январь, масса льда; у меня нос какой стали со льдом все время имелся. Надо было двинуться из Ревеля через лед в Финский залив, а оттуда пробраться к Данцигу. Эта экспедиция увенчалась успехом и дала положительный результат в смысле подрыва нескольких немецких судов на этих заграждениях. Таким образом я продолжал свою деятельность, будучи флаг-капитаном, участвовал во всех почти предприятиях мины при заграждении Либавы в 1915 году, и вообще считал, что если я вырабатываю какой нибудь план, то надо присутствовать при его исполнении мне. Эссен раздувал мою почку зрения, и я таким образом проводил все время во всевозможных минных предприятиях постановки мин, а в промежутках работал на „Рюрике".

Осенью 1915 года адмирал Трухачев, командовавший минной дивизией, которая в это время была выдвинута в Рижский залив и защищала его, и удачно ликвидировавший прорыв немцев в залив, вывихнул себе ногу и заболел. Адмирал Эссен предложил мне принять на себя командование этой дивизией в Рижском заливе. Это было в начале сентября. К этому времени мы в Рижском заливе сосредоточили из которого суда, образовалась довольно сильная маленькая сила Рижского залива с линейным кораблем „Слава", нам были заградители

подводных лодок, транспорт, - всего до 50 вымпелов. К этому
моим кильцы вышли на южный берег Рижского залива и угро
ми непосредственными действиями Ригу. Их позиция прошла
к Рижскому взморью, недалеко от Коммерна. Я отправился
Рижский залив и вступил в командование дивизией. Сам я у
заранее разработал эту операцию против левого фланга
кильцев, находящихся на южном берегу Рижского залива
В первый же день моего командования я поехал в Ригу дл
того, чтобы повидаться с командующим 12 армией Радко
Дмитриевым, сговориться с ним относительно общего п
совместных действий на левом фланге нашей ар
Сговорившись с ним и разработав детали, я вернулся
обратно в свою дивизию, где были сосредоточены силы дивиз
и вошел на юг Рижского залива. В это время как раз н
началось наступление кильцев, которые взяли Коммерн и
подходили наши части, и вот против них по и была раз
вошана та операция, о которой я говорил выше. Нами бы
выставлены большие заграждения, нужно было разбить их
паря и действовать над войсками, взявшими Коммерн
задача была выполнена, наступление на Ригу было остановл
кильцы были выбиты из Коммерна с громадными поте
Их заграждения были приведены в молчание и вся их опера
была приостановлена. В этом бою был убит командир
судна „Слава" Вяземский. Затем я выполнил другую о
рацию - высадку десанта на Рижском побережье, в ти
кильцам. Правда, его затем пришлось быстро снять, но
всяком случае он кильцев привел в большую панику. За
эту работу я был Радко-Дмитриевым представлен к Георгиевс
кресту - высшей боевой награде. Я уже был в это время ка
питаном 1-го ранга, был произведен в 1912 году в капитан 2-
ноября месяца я работал в Рижском заливе, пока не стал
замерзать море. К этому времени Трухачев справился
и мог снова вступить в командование. Я вернулся, адмира
перенес свой флаг на „Петропавловск", где я принимал снова

9

к исполнению своей работы. В декабре Эссен тяжело заболел. Трухачева командующим бригадой крейсеров, а меня он назначил командующим минной дивизией и всеми силами в Рижском заливе. Около 20-х чисел декабря я вступил в командование минной дивизией. За несколько дней до моего вступления минная дивизия выполнила по моему плану очень удачное минное заграждение Виндавы, на котором погибли несколько немецких миноносцев и крейсеров, которые этого совершенно не ожидали. В этом предприятии мне пришлось участвовать, но как только я вступил в командование этой дивизией, я решил, что наступает удобное время и непременно разрушения Эссена выйти на постановку минами заграждений к Либаве и Мемелю. И вот 24-го декабря я вышел из Ревеля с отрядом миноносцев, имея свой флаг на миноносце „Новик". По выходе из Финского залива я попал, повидимому, на неприятельскую мину, один миноносец у меня взорвался, мне пришлось его спасать, и предприятие это не удалось. Это было первое предприятие, которое у меня не увенчалось успехом, пришлось вернуться и тащить за собой полузатопленный миноносец.

Затем наступила чрезвычайно суровая зима 1915-1916 г. Льда была такая масса, что о выходе говорить не приходилось. Весной 1916 года, как только состояние льда позволило ледоколам выйти в Моон-Зунд, я ушел из Ревеля в Рижский залив, и когда лед вскрылся, я вывел минную дивизию и стал продолжать свою работу по защите берегов Рижского залива, его укреплений и защите входа в залив. По выходе в море, была одна работа, когда я уничтожил один дозорный корабль около Виндавы. Получивши сведения из Стокгольма о выходе немецких судов под защитой одного вооруженного коммерческого судна, я вместе с несколькими лучшими миноносцами типа „Новик", большими быстроходными судами под прикрытием судов под командованием Трухачева вышел к шведскому берегу, напал ночью на этот караван, разбил его и потопил этот конвоирующий корабль. Этот шведский караван шел с грузом руды с шведских берегов под конвоем

крейсера особого устройства: он не тонул, так как был набит кессонами, которых у нас называют Luft-ballast, - и вот этот по вспомогательный крейсер я и потопил. Это было мое последнее дело в Балтике. Внезапно я был вызван из Либавы в Ревель. Это было в 20-х числах июня вскоре после экспедиции к шведским берегам. В Ревеле я совершенно неожиданно получил телеграмму от командующего Балтийским флотом (забыл фамилию я телеграммой из Ставки назначался командующим Черноморским флотом с производством в вице-адмиралы. На Пасху этого года я был произведен в контр-адмиралы.

Верно Нач Упр Гл Шт Ка К Пот

II

23-го января 1920 г. Допрос

Допрос бывшего Правителя Адмирала Колчака, снятый 23 января 1920 года Чрезвычайной следственной комиссией в составе Председателя С.С. Чудновского, тов. Председателя Ф.Ф. Гонова, членов Комиссии Дмитриевского, Алексеевского и Лукьянченкова.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. В прошлый раз Вы закончили тем, что получили в апреле неожиданное производство в Вице-Адмиралы и телеграмму о назначении Вас Командующим флотом Черного моря.

Адм. КОЛЧАК. Получивши это назначение, я вместе с тем получил приказание ехать в Ставку для того, чтобы получить секретные инструкции, касающиеся моего назначения и командования в Черном море. Я поехал сперва в Петроград и оттуда в Могилев, где находилась Ставка, во главе которой стоял ген. Алексеев, Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего. Верховным Главнокомандующим был бывший государь. По прибытии в Могилев я явился к ген. Алексееву. Он приблизительно в течение полутора или двух часов подробно и детально инструктировал меня об общем военно-политическом положении на нашем западном фронте. Он детально объяснил мне все те политические соглашения чисто военного характера, которые существовали между державами в это время, и затем после этого объяснения сказал, что мне надлежит после этого явиться к государю и получить от него окончательные указания. Указания сделанные мне Алексеевым были повторены и государем. Они сводились к следующему: назначение меня в Черное море обуславливалось тем, что весною 1917 г. предполагалось выполнить так называемую Босфорскую операцию, т.е. произвести уже удар на Константинополь. Все это находилось в связи с положением на нашем южном или левом фланге. Это было в начале июля, а осенью приблизительно в августе должна была выступить Румыния, и в зависимости от этих действий предполагалось лишь продвижение наших армий вдоль западного берега Черного моря через проливы на Турцию и Босфор или в зависимости от положения предполагалось, что флот должен оказывать содействие этим продвижениям, либо выбросить десант непосредственно на Босфор и флот должен был постараться захватить Босфор. На мой вопрос, почему именно меня вызвали, когда я все время работал в Балтийском флоте - хотя я и занимался вопросом о проливах, они меня интересовали чисто теоритически - ген. Алексеев сказал, что общее мнение в Ставке было таково, что я лично по свои свойствам могу выполнить эту операцию успешнее, чем кто либо другой. Затем после выяснения всех этих вопросов я явился к государю. Он меня принял в саду и очень долго около часа меня также инструктировал относительно положения вещей на фронте, главным образом в связи с выступлением Румынии, которое его чрезвычайно заботило в виду того, что Румыния, повидимому, неполне готова, чтобы начать военные действия и ее выступление может не дать благоприятных результатов, а это заставит удлинить наш и без того большой фронт левого фланга и нам придется своими войсками занять Румынию и удлинить фронт почти до Дуная. Это явится новой тяжестью, которая ляжет на нашу армию и положительные результаты вряд ли даст. Я спросил относительно Босфорской операции. Он сказал, что сейчас говорить об этом трудно, но мы должны подготовляться к ней и разрабатывать два варианта: будущий фронт, наступающий по западному берегу и самостоятельная операция на Босфоре, перевозка десанта и выброска его на Босфор. Тут еще было прибавлено государем: "Я совершенно не сочувствую при настоящем положении выступлению Румынии, я боюсь, что это будет невыгодное предприятие, которое только удлинит наш фронт, но на этом настаивает французское союзное командование: они требуют, чтобы Румыния во что бы то ни стало выступила, они послали в Румынию специальную миссию, боевые припасы и приходится уступать давлению союзного командования." Получив эти указания, я уехал в Черное море в тот же вечер. Прибывши в Севастополь, я принял Черноморский флот от Вице-Адмирала Эбергардта, который меня уже подробно в течение целого дня посвятил в действительное положение Черного моря. Положение в Черном море было таково: главнейшие вопросы, которые тогда стояли, были во-первых, обеспечение безопасности Черноморского побережья от постоянных периодических набегов быстроходных крейсеров "Гебена" и "Бреслау", ставившие в очень опасное положение весь транспорт на Черном море, а транспорт на Черном море и перевозки имели главное значение для кавказской армии, потому что подходы к кавказской армии были чрезвычайно трудны и нужно было базироваться на море. Первой

Так в тексте. Вероятно, "для того" и "смерза" - вычеркнуты.

Товарищ Председателя Чрезвычайной [illegible]

[illegible]

задачей было как нибудь обезопасить и ~~направлять~~ наладить транспорт и обезпечить побережье и порты, главным образом, восточной части Черного моря, откуда шел транспорт для снабжения кавказской армии, от этих угроз, которые над нами висели в виду постоянных рейдов " Гебена" и " Бреслау". Все это осложнилось еще появлением подводных лодок, которые прошли Босфор. Несколько лодок вошли в Варну, Болгарский порт, а другие выходили из Босфора и начали свою работу, выражающуюся в потоплении транспортов. Меры, которые принимались для этого, были явно недостаточны, т.е. конвой транспортов при помощи миноносцев страшно задерживал движение, потому что миноносцев было мало и обеспечить конвоирование этих транспортов было нельзя.

Следующей задачей была подготовка к так называемой Босфорской операции, о которой я сказал раньше. Характерно следующее обстоятельство: в полночь я поднял свой флаг, Эбергадт спустил и я вступил в командование в Черном море. Через несколько минут после этого - теперь я могу говорить об этом совершенно открыто, тогда никто этого не понимал и не думали, что это было исполнено мною случайно, а между тем все это проделывалось совершенно сознательно и определенно - было принято радио, которое было расшифровано, о том, что крейсер " Бреслау" вышел из Босфора в море,- был указан точно час, кажется, в II час. вечера; я сейчас призвал соответствующих чинов своего Штаба, разобрал на карте вероятное положение, откуда он может итти, где он может быть, и приказал немедленно выходить своему флагманскому линейному кораблю, поднимать пары на " Императрице Марии" - другой дреднаут к сожалению выйти не мог; я взял еще крейсер " Кагул"-, пять или шесть миноносцев и с рассветом вышел в море. Это было 6-го на 7-е июля. Как раз при выходе, это было очевидно, он всегда это делал, " Бреслау" на Севастополь послал подводную лодку, но эта лодка была замечена с аэроплана, который меня сопровождал, мне удалось увернуться от нее и выйти в открытое море,- это мне подтвердило, что неприятельское судно действительно там находится. В три часа дня я действительно заметил, что он идет на Новороссийск, главную базу, откуда шло питание для нашей кавказской армии. Увидевши меня, он сейчас повернул обратно на Босфор, я гнался за ним до темноты, когда наступившая тьма и гроза нас разделили. Я имел возможность открыть по нем огонь с предельной дистанции приблизительно II-I2 миль, насколько хватало орудие, но огонь этот действителен не был. Потом я узнал, что на нем было некоторое количество раненых осколками от рвущихся моих снарядов. Я потому подробно останавливаюсь на этом неважном случае, что это был единственный выход крейсеров " Гебена" и " Бреслау" за все время командования мною на Черном море. Потом я принял некоторые меры, которые парализовали их выход, они уже больше не появлялись в Черном море.

Затем я вернулся обратно в Севастополь и через несколько дней приступил к выполнению уже серьезного заграждения Босфора минами по известному выработанному плану, как от выхода надводных судов, так и подводных лодок. Эта операция непосредственно над Босфорскими укреплениями была выполнена нашими минными судами непосредственно под моим руководством. Я выходил на корабле в это время сам, и Босфор мы заградили настолько прочно, что в конце концов, установивши еще необходимый контроль из постоянного дежурства и наблюдения миноносцев, чтобы эти мины не были уничтожены и вытравлены и для того, чтобы укреплять снова эти заграждения, мы в конце концов совершенно обезпечили свое море от появления неприятельских военных судов. Правда туркам и немцам удавалось под берегом очищать от мин, и они посылали транспорты очищать ~~море~~ канал от мин Зугулдак. Они нуждались в угле, мы эти транспорты ловили и уничтожали и это всегда благополучно проходило. Что касается подводных лодок, то с ними борьба была несколько труднее, но и то последние подводные лодки, которые осмеливались подходить к Севастополю, были замечены только в январе 1917 г. Весь транспорт на Черном море совершался так, как и в мирное время. Минные заграждения, дозорная служба, надлежащим образом организованная, и надлежащим образом развитая радио-связь дали возможность обезпечить нам Черноморский бассейн совершенно спокойно от всяких покушений со стороны неприятеля и обезпечить совершенно безопасный транспорт для кавказской армии. Несколько было сложнее

Нач. Цензурн. Зачеркнуто „направлять", надписано „наладить" зачеркнуто „не", вписано „нек", исправлено „и" зачеркнуто „ешево, е", исправлено „Гебена", „обходно", вписано „канал" зачеркнуто „море" - вписано.

Помощник Председателя Комиссии Кладо

-с теми лодками, которые пробирались в Варну, и то часть их удалось
подбить при помощи заграждений. Затем в декабре месяце из Константи-
нополя прорвались несколько больших миноносцев в Варну и две кано-
нерских лодки. Эти канонерские лодки были обнаружены крейсором
"Кагул" и были потоплены недалеко от Босфора около мыса Карагалу.
Таким образом в Черном море наступило совершенно спокойное положение,
которое дало возможность уже употребить все силы на подготовку боль-
шой Босфорской операции. По плану этой Босфорской операции в мое
непосредственное распоряжение поступила одна сухопутная часть, диви-
зия ударного типа, кадр которой мне был послан с фронта, и командир
ом ее был назначен один из лучших офицеров Генерального Штаба ген.
Свечин, Начальником Штаба был назначен Полковник Генерального Штаба
Верховский. Эта дивизия готовилась под моим непосредственным наблюде-
нием и должна была быть выброшена первым десантом на неприятельский
берег, для того чтобы сразу на нем обосноваться и обезпечить место
высадки для следующих войск, которые должны были итти за ними. Так
вся эта подготовка работ шла до наступления государственного перевора-
та в конце февраля месяца. В Черном море, как и для меня, этот пе-
реворт был совершенно неожиданным. Обстоятельства, которые застали
меня, были следующие. Эта работа по подготовке Босфроской операции
должна была окончиться по плану в марте или апреле месяце, но рядом
с этим планом шла подготовка и других работ. В августе было высту-
пление Румынии, значит тогда у меня явилась забота на Дунае: образо-
вание флотилии на Дунае, образование фронта на Дунае,- все это застав-
ило меня принять ряд других военных действий в 1916 г., Босфорская
же операция предполагалась весной 1917 г.. Ко времени начала 1917 г.
выяснилось уже окончательно, что из двух планов может быть приведен
в исполнение только один, потому что неудачи на Румынском фронте
мешали возможности Босфорской операции и возможна была только деса-
нтная операция.

Н.А. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. А дивизия Свечина была передана Вам еще до
выяснения невозможности первого плана ?

Адм. КОЛЧАК. Да, она тогда начала серьезно формироваться, нами
предполагалось перебросить туда и часть орудий с Севастопольской
крепости, там шла подготовка всех материалов и тд.

Н.А. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Мы подошли к той части Вашей деятельности, ко-
торая носит не только профессиональный и технический характер, но и
политический. В связи с этим Комиссия считает необходимым поставить
Вам вопросы о Ваших политических взглядах в молодости, в зрелом
возрасте и теперь, а также о политических взглядах Вашей семьи.

Адм. КОЛЧАК. Моя семья была семья чисто военного характера и
военного напрвления. Я вырос в чисто военной семье. Братья моего отца
были моряками, один из них служил на Дальнем Востоке, а другой был
морской артиллерист и много плавал. Вырос я под влиянием чисто воен-
ной обстановки и военной среды. Большинство знакомых, с которыми я
встречался, были люди военные. Какими нибудь политическими задачами
и вопросами я почти не интересовался и не занимался. Как я говорил,
когда я поступил в Корпус, я начал заниматься исключительно военным
делом и затем меня увлекали точные научные знания, т.е. математи-
ческие и физические науки, но науками социального и политического
характера я занимался очень мало. Был один период у меня, о котором
я могу саказть несколько слов, когда меня интересовали эти вопросы,
это был период моего пребывания в Корпусе уже последних старших
выпусков, когда я начал работать в Обуховском заводе. Я вырос на этом
Обуховском заводе.и постоянно на нем бывал. Пребывание на заводе да-
ло мне массу технических знаний: по артиллерийскому делу, по минному
делу и т.д., и в Корпусе мне ненужно было заниматься этими предмета-
ми, ибо я был знаком с ними гораздо лучше и более обширно, чем это
преподавалось в Корпусе, потому что самая обстановка и среда давали
мне чрезвычайно много по этой части. Затем я увлекся заводским делом.
Было даже такое время, когда ко мне на завод приезжал английский за-
водчик, известный по пушечному делу, Армстронг, мой отец его знал
хорошо, и он предлагал, зная мою работу по техническому делу, взять

На 11-ой стр. исправлено „подбить", вписано „не" исправлено „подрыли" - верно.
Товарищ председательствующий Коробкова

меня в Англию, чтобы я прошел там школу на его заводах и сделался инженером. Но желание плавать и служить морю превозмогли идею сделаться инженером и техником. Близость завода и возможность получить огромные знания меня, молодого человека, увлекали и у меня явилась тогда идея в свободное время пройти курс заводской техники. Я начал дело с самых первых шагов, т.е. начал изучать слесарное дело, и работа на этом заводе сблизила меня с рабочими. У меня было много знакомых рабочих, которые меня обучали, они знали меня и благодаря этому соприкосновению с ними, работе в мастерских, постоянному сношению с ними меня заинтересовали на некоторое время вопросы политического и социального порядка. Кое-что я читал по этому вопросу, долго занимался - не могу сказать изучением, меня тогда интересовал вопрос рабочий, интересовали вопросы заводского хозяйства, вопросы труда и т.д., но я повторяю, что я не изучал этого дела, я с ним знакомился, потому что был в такой среде, где об этом говорили и меня это до известной степени интересовало, изучением же этих вопросов я не занимался, потому что у меня не хватало времени. Когда я перешел в последние выпуски, где я был занят другим, чисто специальным военно-морским делом, мне пришлось прекратить эти занятия и я больше не занимался этими вопросами. О вопросах политического и социального порядка - сколько я припоминаю - у меня вообще никаких воспоминаний не осталось, в моей семье этими вопросами никто не интересовался и не занимался, мой отец, как я говорил, был военный, севастополец, вся среда была военная, или тех же специалисты Обуховского завода.

Н.А. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Скажите, адмирал, в 1904-5 г.г., когда Вы участвовали в русско-японской войне, Вы, как человек хорошо знающий морское дело и изучавший в деталях и на практике постановку его в России, не могли не видеть, что наши морские неудачи определялись политическими обстоятельствами и в особенности тем, что во главе этого дела стоял Великий Князь Алексей Александрович и что неудачи морские решили и сухопутную кампанию,- Вы тогда не пришли, как и большинство интеллигентного русского общества к выводу о том, что необходимы политические перемены во что бы то ни стало, хотя бы даже и путем борьбы ?

Адм. КОЛЧАК. Я считал необходимым уничтожение должности Генерал-Адмирала и это совершилось как результат войны. Я считал это безусловно необходимым, но главную причину я видел в постановке военного дела во флоте, в отсутствии специальных органов, которые бы занимались подготовкой флота к войне, отсутствии образования: флот не занимался своим делом - вот главная причина, и из первого объяснения Вы видите мое отношение к этому вопросу. Я считаю, что политический строй играл в этом случае второстепенную роль. Если бы это дело было поставлено как следует, то при каком угодно политическом строе вооруженную силу создать можно и она могла бы действовать.

Пом. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Каково было Ваше отношение, адмирал, к революции 1905 г.?

Адм. КОЛЧАК. Мне с нею не пришлось почти сталкиваться. В 1905 г. я был взят в плен, затем я вернулся, был болен и лечился, а остаток этого времени я был в Академии Наук, где до начала 1906 г. начал работать по созданию Генерального Штаба, так что я как раз в этот период не был в соприкосновении с событиями революции 1905 г. и в политической деятельности участия не принимал.

Пом. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Каково было Ваше идейное отношение к этому делу ?

Адм. КОЛЧАК. К этому делу я не придавал большого значения. Я считал, что это есть выражение негодования народа за пораже-

На 22-ом листе исправлено "отношении" - верно.
Пом. Председателя Чрезвычайной Комиссии

12

раннюю войну и считал, что главная задача военная заключается в том, чтобы воссоздать вооруженную силу для государства. Я считал своей обязанностью и долгом работать над тем, чтобы исправить то, что нас привело к таким позорным последствиям.

Н.А. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Значит Вы считали, что техническая профессиональная обстановка военно-морского дела была причиной нашего поражения, но что самая обстановка была ошибочна, т.е. Вы считали ее как бы добросоветской ошибкой и что она происходила не из условий политического строя, а из условий ряда ошибок ?

Адм. КОЛЧАК. Я приписывал имено этому, потому что я считаю, что политика никакого влияния не могла иметь на морское образование, на военную организацию,- просто у нас не столько не обращалось внимания на живую подготовку, во флоте, что это было главной причиной нашего поражение.

Н.А. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Далее, адмирал, позволителен еще вопрос. Ведь не обращалось внимание потому, что тот, кто должен был обращать внимание, не обращал, а кто должнен был обращать? Главою всех военных сил России был император и императорская фамилия, и династия распределяла между собою все важнейшие роли, а над всеми, как глава военных сил, был император.

Адм. КОЛЧАК. Тут были общие причины. Я видел здесь на Востоке, как мы вели боевую подготовку, чем занималось командование, чем занимались командиры. Конечно, общая система была неудовлетворительна.

Н.А. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. У нас есть поговорка, что рыба начинает разлагаться с головы. Не приходили ли Вы к убеждению, что именно сверху нет ничего кроме слов в отношении ответственности и руководства ?

Адм. КОЛЧАК. Я считал, что вина не сверху, а вина была наша, мы ничего не делали.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЧУДНОВСКИЙ. Скажите пожалуйста были ли Вам указания и зависело ли от Вас выполнять определенный план ? Я имею в виду все командование флотами потому и спрашиваю, имели ли Вы какие нибудь указания сверху, что необходимы некоторые перетасовки для того, чтобы восстановить боевую единицу ?

Адм. КОЛЧАК. Я не помню, я был слишком молодой офицер, чтобы иметь эти указания в тот период.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЧУДНОВСКИЙ. Когда Вы говорите, что виновато само командование, то получается впечатление, что командованию была дана определенная задача, которая командованием не выполнялась. Мне это непонятно, потому что, если верховное командование дает определенные боевые задачи и эти задачи не выполняются, то командование принимает меры.

Адм. КОЛЧАК. Я Вам на это скажу, что причины лежали, как мне они представлялись, в этом: возьмите постановку боевых стрельб, как они тогда были поставлены ? Никаких научных оснований для этого не было разработано, стрельбы производились только для отбывания номера. Инструкции, которые давались свыше, требовали от Вас выполнения боевой подготовки, но сами выполнители, благодаря своему невежеству и своей неподготовленности, не могли выполнять. Из этого ничего не получалось, наш флот стрелять не умел. Но повторяю, конечно, сверху требовали, чтобы флот стрелял, в этом никакого сомнения быть не может, потому что не могли же исходить сверху другие требования, выполнение же этих требований было никуда негодное, благодаря нашему невежеству. Ведь программы, задачи, инструкции составлялись чрезвычайно резонно и логично и обо-

3-й экз. Вписано „ряда" и исправлено „полно" - верить.
товарищ председателя Трибунала

сновано, но выполнения их было ужасно, благодаря общему невежеству, отсутствию знаний у наших руководителей, отсутствию подготовленных людей, для того чтобы руководить флотом, потому что к этому времени уже флот представлял из себя такую сложную боевую машину, что он требовал других людей более воспитанных и подготовленных. Я вспоминаю тот период и период последней войны - ведь ничего похожего не было. Здесь, наконец, после этого страшного урока, у нас был флот, отзывы о котором были самые лучшие. Может быть он был слаб и мал, но отзывы о нем английские адмиралы давали самые лестные. Я прямо скажу, что постановка артиллерийского дела у нас в последнюю войну была великолепно разработана и мы прекрасно стреляли. Минное дело у нас стояло быть может выше, чем где бы то ни было. К нам приезжали учиться; меня американцы, после посещения Черноморского флота, вызывали к себе для того, чтобы я мог им дать данные о постановке нашего минного дела. Это меня больше всего заботило и я думаю, что я был прав, потому что когда после японской войны группы офицеров взялись честно за свое дело, когда они прежде всего смотрели на то, на что им нужно было смотреть, т.е. на создание органа, который бы занялся подготовкой к войне, - когда у этого маленького кружка явился подъем знаний и известное добросовестное отношение к своим обязанностям, которое явилось, как известный результат событий, когда мы создали флот, независимо от того, какой был политический строй. Так что я повторяю, что вооруженная сила может быть создана при каком угодно строе, если методы рабочих и отношение служащих к своему делу будут порядочные; наоборот при каком угодно строе, если такого отношения не будет, Вы вооруженной силы не создадите.

Н.А. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. А не было ли у Вас мысли о том, что удаление Великого Князя Алексея Александровича и устранение от руководства от постановки боевого дела во флоте и адмиралтействе старых адмиралов было делом не столько группы молодых энергичных офицеров, которые образовали кружок и содействовали образованию Генерального Штаба, сколько делом общего политического настроения и тех политических перемен, которые создались наличием, хотябы такого учреждения, как Государственная Дума и наличием общественного контроля ?

Адм. КОЛЧАК. Несомненно.

Н.А. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Считали ли Вы, адмирал, что переменившиеся политические обстоятельства в значительной степени дали этому возможность ?

Адм. КОЛЧАК. Конечно, да, хотя повторяю, оценивая роли Генерал- Адмирала, какой она тогда была, она всегда представлялась для меня совершенной фикцией, которая не оказывала почти никакого влияния. Алексей Александрович решительно ни во что не входил, я его никогда не видел и ни в какие дела он в сущности говоря не вмешивался. Он имел настолько малое влияние, что по моему это была чистая синекура. Фактического влияния Алексея Александровича на флот я, находясь во флоте, не чувствовал.

Н.А. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Но может быть Вы смешиваете влияние положительное и отрицательное ? Положительного творческого влияния не было, отрицательное влияние было все время, потому что через него проходили все назначения, он предоставлял, рекомендовал, поддерживал, он создавал органы во флоте, он персонально подбирал лиц, которые, благодаря участию некоторых специалистов, могли составить инструкцию, но о том, как вести практическую стрельбу и проверить исполняется ли все, что необходимо, или нет, они понятия не имели, и старые адмиралы не были способны даже это оценить.

Адм. КОЛЧАК. Несомненно могли быть и эти влияния; то управление флотом, которое было тогда, несомненно имело в этом смысле влияние.

На 24-ой стр. Исправлено "у", "к этому", "флот", "задавались вопросы", "несомненно", зачеркнуто "оценивая", "при оценке", исправлено "роли", зачеркнуто "которая", надписано "какой она" - Ерлич.

Помощник Председателя Чрезвычайной Комиссии Катц

13

Н.А. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. В частности, могли ли бы быть отправлены экскадры Рождественнского и Небогатого, если бы существовал Генеральный штаб или какое нибудь руководство флотом ?

Адм. КОЛЧАК. Трудно теперь сказать, но думаю, что они не были бы отправлены.

Н.А. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Таким образом Вы из неудач войны с Японией не делаете ~~таких~~ такого политических выводов ?

Адм. КОЛЧАК. Нет. Вспышку 1905-6 г.г. я приписываю исключительно народному негодованию, оскорбленному национальному чувству за проигранную войну, но повторяю, что я например приветствовал такое явление, как Государственная Дума, которая внесла значительное облегчение во всей последующей работе по воссозданию флота и армии. Я сам лично был в очень тесном соприкосновении с Государственной Думой, работал там все время в комиссиях, и знаю, насколько положительные результаты дала эта работа.

Н.А. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Таким образов в Вас неудачи в Японской войне не вызвали никаких сомнений в отношении политического строя и Вы остались попрежнему монархистом ?

Адм. КОЛЧАК. Я остался попрежнему.

Н.А. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. И в частности никаких сомнений в династии это не вызвало ?

Адм. КОЛЧАК. Нет, я откровенно должен сказать, что ни в отношении династии, ни в отношении личности императора это у меня никаких вопросов не вызвало.

Н.А. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Я думаю, что для комиссии было бы очень интересно, чтобы Вы раньше, чем перейдете к рассказу о Вашей деятельности, в 1917 году, которая приняла оттенок политический, рассказали нам о Ваших личных отношениях к некоторым наиболее видным деятелем прошлого режима: к Императору Николаю, к тем Великим Князьям с которыми Вы имели отношения, к некоторым вдохновителям старого режима последнего царствования - Победоносцеву, Плеве, к некоторым Министрам, например, к тому министру, который оставался все время при Императоре - барону Фредериксу.

Пов. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Иначе говоря, мирились ли Вы с существованием монархии, являлись ли Вы сторонником ее сохранения или японская война и революция 1905 -6 г.г. внесла изменение в Ваши политические взгляды ?

Адм. КОЛЧАК. Моя точка зрения была просто точкой зрения служащего офицера, который этими вопросами не занимался. Я считаю, что при нашей присяге моя обязанность заключается в несении службы так, как эта присяга этого требовала. Я относился к монархии, как к существующему факту, не критикуя и не вдаваясь в вопросы по существу об изменениях строя, я был занят тем, чем занимался. Как военный я считал обязанностью выполнять только присягу, которую я принял и этим исчерпывалось все мое отношение к монархии. И сколько я припоминаю, в той среде офицеров, где я работал, никогда не возникали и не затрагивались эти вопросы.

Н.А. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Среди военных, как среди всего русского общества условия и политические события, связанные с династией и в частности с семьей бывшего Императора, события последних лет перед революцией повлияли в значительной степени на разрушение тех симпатий, которые существовали раньше. Военная среда в этом отношении не была чужда этой перемены. В частности появление Распутина, его роль, насколько мне известно, повлияли на изменение отношений к династии и в частности к Императору Николаю среди военных. Я имею сведения, что в военно-морской среде су-

на 25-ой стр. "исправлено „никаких", вписано в 1917 г., вписано „к монархии" - оговорить.
Пов. председателя Чрезвычайной Комиссии

В

ществовали такие же настроения. Так вот захватывали ли Вас эти настроения и в какой степени ?

Адм. КОЛЧАК. Насколько мы получали эти сведения и в частности о Распутинской истории, они глубоко возмущали нашу среду и меня, и тех, которые об этом деле осведомлялись и получали какие нибудь известия. Ну например, помню такой случай. В 1912 г., когда я плавал на "Уссурийце" - верно это или нет - прошел слух, что Распутин собирается из Петрограда прибыть на место стоянки Императорской яхты в шхеры и для этого будет дан миноносец. Я помню, со стороны офицеров было такое отношение: что бы там ни было, но я не повезу, пусть меня выгоняют, но я такую фигуру у себя на миноносце не повезу,- это было общее мнение командиров. Но дело в том, что мы в это время плавали, получали такие известия, но самом деле такого факта и не было, никого из нас не звали и никакого Распутина не возили. Эта история глубоко возмущала нас, но непосредственно с ней мы не соприкасались, никто толком не знал, была масса слухов и разговоров.

В.П. ДЕНИКИН. Мы как будто остановились на том, как сложились Ваши воззрения к концу 1906 г., что же в дальнейшем за этот период времени с 1906 г. по 1917 г. ко времени революции происходили изменения Ваших политических воззрений и принимали ли Вы какое нибудь прямое или косвенное участие в политической жизни страны ?

Адм. КОЛЧАК. Нет, я не принимал участия, я в это время был занят чисто технической работой, у меня не было времени, я соприкасался с ними, поскольку бывали разговоры.

Н.А. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Здесь уместен один вопрос, который касается вот чего: Вы сначала нам скажите, имели ли Вы личные отношения с бывшим императором и с выдающимися членами и деятелями династии и в частности имели ли Вы хоть одно свидание с Распутиным?

ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Я прибавлю, не изменялись ли эти отношения до самой революции 1917 г.?

Адм. КОЛЧАК. Я никакого участия в политической работе не принимал. Я скажу прежде всего о Государе. Нужно сказать, что до войны- меня выдвинула война - я был слишком маленьким офицером, слишком маленьким человеком, чтобы иметь соприкосновение вообще с какими нибудь высшими кругами и потому я непосредственных отношений с ними не мог иметь по существу. Я не имел ни связей, ни знакомств, ни возможности бывать в этой среде, среде придворной, среде правительственной. Соприкасался я с отдельными высшими правительственными лицами только тогда, когда я работал в Генеральном Штабе, когда я бывал в Думе, где мне приходилось встречаться с отдельными министрами, а кроме своего прямого начальства я непосредственно не мог ни с кем сталкиваться. Государя я видел в Могилеве, в Ставке, перед этим я видел его, когда он приезжал на смотры во флот. При дворе я никогда не бывал. В 1912 г. я видел Государя и царскую фамилию, когда царская фамилия стояла на рейде - "Штандарт" в шхерах. Туда были вызваны отряды заградителей для постановки пробных заграждений и отряд миноносцев для конвоирования этих заградителей. Я тогда командовал "Пограничным". Туда прибыл Эссен. Мой миноносец состоял в распоряжении Эссена. Характер постановки мин был такой, что заградители шли из строя и сбрасывали мины, но для того, чтобы видеть характер этой постановки мой миноносец назначен был итти рядом с ними и видеть эту постановку. Вот на мой миноносец прибыл Государь, свита его и адмирал Эссен. Мой миноносец шел рядом с одним из заградителей "Амуром", который ставил мины. Это был случай, когда Государь был у меня на миноносце, но так как я был командиром, стоял на миноносце и управлял им, то не мог с ним разговаривать. Затем после окончания постановки мин я прошел на "Штандарт".

На 26-ой стран. вместо „нашу", зачеркнуто „ними" надписано „нею" - вкрепт.
Нач. Председателя Крупенского

14

Тов. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы уклоняетесь от прямого ответа: были ли Вы монархистом или нет ?

Адм. КОЛЧАК. Я был монархистом и нисколько не уклоняюсь. Тогда этого вопроса: " каковы у Вас политические убеждения", никто не задавал. Я не могу сказать, что монархия есть единственная форма, которую я признаю, я считал себя монархистом и не мог считать себя республиканцем, потому что тогда такового не существовало в природе. До революции 1917 г. я считал себя монархистом. Итак, я был на завтраке на " Штандарте", затем я второй раз видел Императора в Ревеле, когда государь прибыл на один смотр, на крейсере " Россия". Я тогда стоял во фронте, он пришел, обошел фронт, поздоровался с командой и уехал. Никаких других я по своему положению не мог иметь связей. Императрицу я видел единственный раз, когда был на " Штандарте" во время завтрака. Из Великих Князей до 1917 г. я встречался в Морской Академии с Кириллом Владимировичем, видел я также Великих Князей, когда были смотры.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. С Распутиным Вы ни разу не видались ?

Адм. КОЛЧАК. Нет, ни разу не видал.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. В числе вещей у Вас есть икона, - золтой складень, там как будто есть надпись, что она Вам дана от Императрицы Александры Феодоровны, от Распутина и какого то епископа.

Адм. КОЛЧАК. У меня есть благословение епископа Омского Сильвестра, которое я от него получил, это маленькая икона в голубом футляре. Эта икона принадлежит ему, он получил ее от каких то почитателей с надписью и так как у него другой не было, то он мне эту и подарил.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Мы бы хотели, чтобы Вы нам сказали, не касаясь всех событий, какие произошли после Февральского переворота, изменились ли Ваши политические взгляды за это время и какими они представляются в настоящее время ?

Тов. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какова была Ваша общая политическая позиция во время революции?

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Если угодно, мы зафиксируем в протоколе, что с высшими представителями прошлого режима личных отношений Вы не имели .

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЧУДНОВСКИЙ. Мы бы хотели знать в самых общих чертах Ваши политические взгляды во время революции, о подробностях Вашего участия Вы нам расскажите на следующих допросах.

Адм. КОЛЧАК. Когда совершился переворот я получил извещение о событиях в Петрограде и о переходе власти к Государственной Думе непосредственно от Родзянко, который телеграфировал мне об этом. Этот факт я приветствовал всецело. Для меня было ясно, как и раньше, что то правительство, которое существовало в предшествующие месяцы, Протопов и т.д. не в состоянии справиться с задачей ведения войны и я вначале приветствовал самый факт выступления Государственной Думы, как высшей правительственной власти. Лично у меня с Думой были связи, я знал много членов Государственной Думы, знал, как честных политических деятелей, совершенно доверял им и приветствовал их выступление, так как я лично относился к существующей перед революцией власти отрицательно, считая, что из всего состава министров единственный человек, который работал, это был Морской Министр Григорович. Я приветствовал перемену Правительства, считая, что власть будет принадлежать людям, в политической честности которых я не сомневался, которых знал и поэтому мог отнестись только сочувственно к тому, что они приступили к власти. Затем, когда последовал факт отречения Государя, ясно было, что уже

стр. 1 исправлено "такового", "во", вписано "связей", зачеркнуто "связей", зачеркнуто "знал" - вписано - Товарищ Председателя Протокол[illegible]

[illegible] "приветствовал", зачеркнуто, 6 - вписано

[illegible] Прос. Отдела [illegible]

монархия наша пала и возвращения назад не будет. Я об этом получил сообщение в Черном море, принял присягу вступившему тогда первому нашему Временному Правительству. Присягу эту я принял по совести, считая это правительство, как единственное правительство, которое необходимо было при тех обстоятельствах признать и первый эту присягу принял. Я считал себя совершенно свободным от вояких обязательств по отношению к монархии и после совершившегося переворота стал на точку зрения , на которой я стоял всегда, что я в конце концов служил не той или иной форме правительства, а служу родине своей, которую ставлю выше всего и считаю необходимым признать то правительство, которое объявило себя во главе Российской власти. Когда совершился переворот, я считал себя свобод ным от обязательств по отношению к прежней власти. Мое отношение к перевороту и революции определялось следующим. Я видел, для меня совершенно было ясно уже ко времени этого переворота, что положение на фронте у нас становится все более угрожающим и тяжелым и что война находится в положении весьма неопределенном в смысле ее исхода. Поэтому я приветствовал революцию, как возможность расчитывать на то, что революция внесет энтузиазм в народные массы, как этоибыло у меня в Черноморском флоте вначале, и даст возможность закончить победоносно эту войну, которую я считал самым главным и самым важным делом стоящим выше всего-и образа правления и политических соображений.

Пов. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Как Вы относились к самому существу вопроса свержения монархии и какова была Ваша точка зрения на этот вопрос ?

Адм. КОЛЧАК. Для меня было ясно, что монархия не в состоянии довести эту войну до конца и должна быть какая то другая форма правления, которая может закончить эту войну.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Не смотрели ли Вы слишком профессионально на этот вопрос ?

Адм. КОЛЧАК. Я не могу сказать, что бы я винил монархию и самый строй, создавший такой порядок; я откровенно не могу сказать, чтобы причиной была монархия, ибо я думаю, что монархия могла вести войну. При том же положении дела, какое существовало, я видел, что какая нибудь перемена должна быть, и переворот этот я главным образом приветствовал, как средство довести войну до счастливого конца.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Но перед Вами должен был встать вопрос о дальнейшем : какая форма государственной власти должна существовать, после того, как это будет доведено до конца.

Адм. КОЛЧАК. Да, я считал, что этот вопрос должен быть решен каким то представительным учредительным органом, который должен установить форму правления и что этому органу каждый из нас должен будет подчиниться и принять ту форму государственного правления, которую этот орган установит.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. На какой орган по Вашему мнению могла ~~бы~~ быть возложена эта задача ?

Адм. КОЛЧАК. Я считал, что эта должна быть воля Учредительного Собрания или Земского Собора. Мне казалось, что это неизбежно должно быть, так как правительство должно было носить временный характер, как оно заявляло.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какой образ правления представлялся лично для Вас наиболее желательным ?

Адм. КОЛЧАК. Я затрудняюсь сказать, потому что я ~~не~~ тогда

на 28-ой стр. Поправлено „привлекательная" - верно.
Пов. Председателя Чрезвычайной Комиссии.

15

об этом не мог еще думать. Я первый признал Временное Правительство, считал, что как временная форма власти оно является при данных условиях желательным, его надо поддержать всеми силами, что всякое противодействие ему вызвало бы развал в стране, и думал, что сам народ должен установить в Учредительном органе форму правления, и какую бы форму он ни выбрал, я бы подчинился. Я считал, что монархия вероятно, будет совершенно уничтожена, для меня было ясно, что восстановить прежнюю монархию невозможно, а новую династию в наше время уже не выбрали, я считал, что с этим вопросом уже покончено и думал, что вероятно будет установлен какой нибудь республиканский образ правления, и этот республиканский образ правления я считал отвечающим потребностям страны.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Не возникала ли у Вас лично и вообще в офицерской среде мысль, что отречение Николая II произошло не совсем в тех формах, которые бы позволили военным людям считать себя совершенно свободными от обязательств по отношению к монархии ? Я предлагаю этот вопрос потому, что Император Вильгельм, когда отрекался, специальным актом освободил военных от верности присяги, данной ему, - не возникала ли у Вас мысль о том, что такого рода акт должен был сделать и Император Николай ?

Адм. КОЛЧАК. Нет, об этом никогда не поднимался вопрос. Я считаю, что раз император отрекся, то этим самым он освобождает от всех обязательств, которые существовали по отношению к нему, и когда последовало отречение Михайла Александровича, то тогда было ясно, что с монархией дело совершенно покончено. Я считал необходимым поддержать Временное Правительство совершенно независимо от того, какое оно было, так как было время войны, нужно было, чтобы власть существовала, и как военный я считал нужным поддерживать ее всеми силами.

На 29-ой стр. Вписано „власти", исправлено „ни", исправлено „выбирают", исправлено „Вильгельм", вписано „он отрекся" — верно.

Товарищ Председателя Чрезвычайной Комиссии

Алексеев, что для меня являлось гарантией успеха в ведении войны, ибо фактически Начальник Штаба Верховнаго Командования является главным руководителем всех операций. Поэтому, я смотрел на назначение Государя, который очень мало занимался военным делом, чтобы руководить им, только как на известное знамя в том смысле, что Верховний Глава становится вождем армии. Конечно, он находится в центре управления, но фактическим вс м управлял Алексеев. Я считал Алексеева в этом случае выше стоящим и более полезным, чем Н иколай Николаевич. Насколько я помню, Алексеев последнее время был Начальником Штаба и у Николая Николаевича.

Возвращаясь к рассказу о перевороте, должен сказать, что первые сведения о перевороте, происходящем в Петрограде, я получил, находясь в Батуме с двумя миними судами, куда пришел по вызову Главнс командующего Кавказским фронтом Ник лая Николаевича для решения в просов о снабжении Кавказской армии морем и, в частности, вопроса устройстве Трапезундского порта, который мы должны были принять на себя, устройстве молов и т.д. С этой целью я прибыл в конце ля в Батум, пройдя под Анатолийским побережьем и пройдя Трапезун, Главнокомандующий Кавказской армией прибыл в Батум к этому времен со своим поездом. В течение первого же дня он познакомил меня со своими требованиями и пожеланиями и мы, затем, обсуждали вопрос, в како мере и в какой срок мы в состоянии выполнить ~~его~~ их. Вечером на второй день, насколько помню, я получил шифрованную телеграмму из С вастополя от Морского Министра Адмирала Григоровича, что в Петрограде происходит восстание войск, что существующая власть дезорганизована и что Комитет Государственной Думы взял на себя функции Правительства. Вот содержание этой телеграммы. Насколько помню, последние слова этой телеграммы были успокоительного характера - в настоящее время волнение утихает. Это была первая телеграмма, которую я получил о событиях в Петрограде. Тогда я обратился к Начальнику Штаба Николая Н иколаевича ген. Ярнушкевичу и спросил его, имеет ли он какие нибудь сведения о событиях. Он сказал, что пока у него нет никаких сведений. Тогда я сказал ему: "прошу доложить Великому Князю, что я должен немедленно идти в Севастополь , что я прошу меня больше не задерживать, так как хотел бы сейчас же выйти из Севастополя. Ярнушкевич доложил Великому Князю, который вызвал меня и спросил телеграмму. Я показал ему телеграмму; он прочел телеграмму, пожал плечами и сказал, что ему ничего неизвестно, но что мне известны е основные пожелания и поэтому он меня не задерживает. Вечером в тот же день я вышел из Батума в Севастополь. По дороге я принял открытое немецкое радио из Константинополя, где была мощная радио станция, которое рисовало потрясающую картину событий в Петрограде, что в Петрограде происходит революция, идут страшные бои и кровопролития. Словом все эти сведения были сильно сгущены и утрированы, как оказалось впоследствии. Суть, конечно, была справедлива, но форма и тон, в котором излагалось все это, не соответствовали действительности. Радио было немецкое на испорченном русском языке с болгарскими оборотами, очевидно его передавал какой нибудь болгарин специально по русски с тем, чтобы его приняли все станции. Когда я пришел в Севастополь, то первым вопросом, который я задал моему Начальнику Штаба, был вопрос - имеются ли у него какие нибудь сведения о происходящих событиях. Он ответил мне, что никаких сведений у него нет и что он знает только, что в Петрограде происходит какое то восстание во ск, что больше ничего он не знает и никаких данных относительно этого не имеет. Вечером я получил телеграмму от Родзянко, в которой он меня извещал, что Правительство пало, что власть перешла к Комитету Государственной Думы и что он просит меня соблюдать полное спокойствие, памятуя, что все идет к благу Родины, что прежнее правительство, оказавшееся несостоятельным, будет заменено новым и что он просит меня принять мери, чтобы не было никаких осложнений и эксцессов. Вот приблизительное содержание. Вслед за этим был получен целый ряд радио из Константинополя, которые сообщали, что на фронте и в армии происходят бунти, что немцы победоносно продвигаются вперед и что в Балтийском флоте происходит полное восстание и избиение офицеров. Я лично сразу же отнесся к этому Константинопольскому радио, как к совершенно определенной прококации, но препятствовать ~~их~~ передаче радио было совершенно невозможно, так как все радио принимаются на судах дежурними телеграфистами. Тогда я издал приказ, в котором упомянул, что такие радио даются нашим врагом, очевидно не для

На 31-ой стр. - зачеркнуто "его" надписано "их", исправлено "Ярнушкевичу", зачеркнуто "их" и вписано "радио" - верно.

Глав. Председатель Арнольдов

17

того, чтобы сделать для нас что-нибудь полезно и поэтому я обратился ко всем командам с требованием, верить только мне, моим сообщениям и что со своей стороны обещаю немедленно оповещать их о том, что будет мне известно, и прошу их не придавать никакого значения слухам и что если команды будут обращаться в случае каких либо сомнений ко мне, то я буду давать соответствующие разъяснения. Этот мой приказ сыграл большую роль: команды не верили многочисленным циркулирующим в это время слухам, оказав мне полное в этом смысле доверие. Я с своей стороны сделал так, как обещал: все, что я получал, все дальнейшие подробности с происходящих событиях я немедленно выпускал из Штаба и широко распространял для сведения команд и в городе. Таким образом все вздорные сообщения, которые шли тем или другим путем - и через неприятельское радио и изнутри никакого впечатления не производили, так как считались только с теми данными, которые я сообщал командам. Затем совершенно неожиданно я получил телеграмму от Алексеева, в которой он сообщал текст телеграммы за подписью Главнокомандующего и командующих армиями. Под этой телеграммой подписался Николай Николаевич, генерал Рузский, Эверт, сам Алексеев и кажется, генерал Щербачев, бывший на Юго-Западном фронте. В этой телеграмме они предлагали Государю отречься от престола. Я сейчас же оповестил всех об этой телеграмме. Вслед за этим получилось извещение, что произошло отречение от Верховной власти в лице Государя и Наследника. Предполагалось, что Верховную власть возьмет Михаил Александрович. Вскоре и это недоразумение разъяснилось, когда пришла телеграмма, сообщающая об отказе Михаил Александровича. Вслед за этим была получена телеграмма от князя Львова об образовании первого Министерства. Получивши эту телеграмму, я сейчас же разослал ее по всем судам, и так как я не мог объехать все суда, то собрал команды на моем флагманском судне "Георгий Победоносец". Когда они собрались, я прочел им манифест и сказал, что в настоящее время прежней власти не существует, династия, видимо, кончила свое существование и наступает новая эпоха. При этом я обратился к ним и сказал, что каковы бы ни были у нас взгляды, каковы бы ни были наши убеждения, но мы ведем войну и потому мы имеем обязательства не только перед правительством или той властью, которая существует, но мы имеем большие обязательства и перед нашей Родиной. Какое бы правительство не существовало у нас, оно будет продолжать вести войну и мы будем выполнять свой долг также, как и до этого времени. Затем я указал, что в такое время, как то, в котором мы находимся, Правительству будет чрезвычайно тяжело и потому я считаю необходимым оказать ему всемерную поддержку, первый стою за это правительство и считаю необходимым в ближайшие дни присягнуть ему на службу. Вот та речь, с которой я обратился к командам; она произвела, по-видимому, чрезвычайно благоприятное и спокойное впечатление. Среди команд в это время, в силу предоставленных Правительством прав, возникли комитеты, стали устраиваться митинги. Я бывал несколько раз на этих собраниях и разъяснял командам то, что происходит, делился с ними своими соображениями относительно того, что будет дальше, но везде неизменно указывал на одно: "покуда война не закончена, я требую, чтобы вы выполняли свою боевую работу также, как выполняли раньше, чтобы в этом отношении всеми, начиная с командного состава и кончая самым младшим матросом, мне была бы оказана помощь, чтобы у меня была уверенность, что каждое мое приказание, относящееся до боевых действий флота, будет немедленно выполнено." Мне это обещали и я в этом отношении не могу сделать никаких упреков никому из команды.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Я хотел бы поставить вопрос о вашем отношении к приказу № I.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Приказ № I-й был сообщен Царскосельской радио станцией за подписью Совета рабочих и солдатских депутатов. Когда на одном из митингов, на котором собралось огромное число свободных от службы команд, меня спросили, как относиться к этому приказу, я сказал, что для меня этот приказ, отданный Советом раб. и солд. депутатов, не является ни законом, ни актом, который следо-

*) стр. - Зачеркнуто "не", надписано "только", зачеркнуто "и", исправлено "или", исправлено "оповестил", вписано "и на Императрице" - верить.

Пом. Председателя Прокопенка - Ктов

вало бы выполнять, пока он не будет санкционирован Правительством так как в силу настоящего положения Советы раб.и солд.депутатов мо гут собираться в любом месте, в любом городе, и почему в таком случае приказ Петроградского Совета является обязательным, а не обязателен приказ Совета в Одессе или в другом месте. Во всяком случае, я считаю, что этот приказ не имеет для меня никакой силы, и я буду выполнять только те приказы, которые буду получать или от Правительства или от Ставки. Команды к этому отнеслись совершенно спокойно и никаких вопросов мне не задавали. Когда пришло от Гучкова известное распоряжение, ~~что~~ оно было проведено в жизнь без возражений с моей стороны.

АДМИРАЛ СЕМЕВСКИЙ. Был ли образован обще-флотский комитет совета матросских депутатов для всего Черноморского флота.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Комитеты были образованы в Севастополе и Одессе и других портах, согласно пред ложению Правтьельства. Первое время отношения между мною ~~и~~ - и комитетами были таковы, что все постановленич Комитета были легализированы. Моим приказом было назначено время выборов лиц в эти комитеты, в состав которых входили офицеры и команда. Первое время отношения были самые нормальные. Я считал, что в переживаемое время необходимы такие учреждения, через которые я мог бы сноситься с командами. Больше того я скажу даже, что вначале эти учреждения вносили известное спокойствие и порядок. Дело было поставлено таким образом, что все постановления Комитета мне докладывались: ко мне являлись периодически несколько раз в неделю либо Председатель Комитета , либо его заместитель, приносили постановления Комитета и спрашивали меня, с какими я согласен, или какие я считаю неприменимыми в силу известных обстоятельств. Некоторое время такой порядок и существовал. с некоторыми постановлениями я соглашался, некоторые предлагал снова пересмотреть, а некоторые считал невозможными для осуществления. Таким образом в этом отношении работа не вызывала никаких трений. Так продолжалось первый месяц. Затем произошло явление такого рода Рабочие порта также образовали у себя Совет рабочих Депутатов, но этот Совет не сливался с флотским Комитетом и существовал независимо, слияние произошло поз е, примерно в мае месяце. Нужно сказать, что рабочие Севастопольского порта прямо заявили мне, что они будут поддерживать меня во всех моих военных работах, что они будут выполнять свои работы, так же, как раньше и даже в начале заявили, мне, что они не признают восьми-часового дня и будут работать столько, сколько потребуется для военных надобностей флота. Такое заявление установило самые лучшие отношения с рабочими Севастопольского порта; во всех тех постановлениях, которые касались известных экономических вопросов, которы я мог своею властью разрешать, я всегда шел им навстречу. Обычно ко мне являлся Васильев - Председатель Совета Рабочих депутатов Севастопольского порта и мы с ним очень долго обсуждали эти вопросы; некоторые я удовлетворял, другие направлял в дальнейшую инстанцию - Ставку и сообщал Правительству.

Я был чрезвычайно обеспокоен тем обстоятельством, что в связи ~~со всеми этими~~ радио неприятель, предполагая, что у нас во флоте наступил полный развал, может внити в море неожиданно. Поэтому, в ближайшие дни, разъяснив командам, почему я это делаю и указав на то, что я очень боюсь, что на нас совершенно неожиданно будет произведено нападение, я сделал демонстрацию и вышел с флотом в море. Я показался по обе стороны Босфора в виду берегов, чтобы противник знал, что революция - революцией, а если он попробует явиться в Черное море, то встретит там наш флот. Это повидимому имело положительные результаты, потому что в связи с этим неприятель никаких активных действий не проявлял: все оставалось так, как раньше. Так продолжалось приблизительно неделю. Я не скрою, что в этом отношении ~~много~~ способствовал известному порядку и лояльности, которую проявляли ~~этой~~ советские учреждения учреждения в отношении меня и

На 33-й стр. - Зачеркнуто „что" зачеркнуто „со всеми этими", надписано „по перехваченному", зачеркнуто „этих", надписано „советские учреждения" - верно.

Нач. Председательства Чрезвычайной Комиссии

18

командования, Начальник Штаба Ударной Дивизии десанта, который готовился у меня, Верховский, который впоследствии, был вызван Керенским в Москву и был затем Военным Министром. Он был товарищем или заместителем Председателя в этом Совете и внес много успокоения, много порядка во всю эту работу. Так продолжалось недели две-три; затем начали проявляться тенденции уже несколько худшего порядка: начались прежде всего просьбы об увольнении в отпуск. В отпуск стали проситься целыми массами, так что я не знал что делать с этим стихийным движением; приходилось чуть ли не выводить некоторые суда из строя. Затем начались различные несогласия с офицерами. Первое заявление мне было сделано по поводу некоторых офицеров с немецкими фамилиями, что немцев надо изъять всех полностью. На это я ответил, что у нас в России существует масса людей с немецкими фамилиями, которые также, и может быть, даже лучше работали для блага родины, чем люди, носящие русские фамилии, что у нас в России фамилия решительно ничего не значит и удалить офицера только потому, что он носит немецкую фамилию нет решительно никаких резонов. Я сказал им, если они имеют какие нибудь конкретные факты, определенные поступки, то пусть доложат мне и мы разберемся, но выгонять людей только за то, что они носят немецкую фамилию, нет решительно никаких оснований. Я указал им на того же Адмирала Эссена, Ливена и других. С этим вопросом было быстро покончено и он больше не поднимался. Но вслед за этим начались всевозможные непорядки с офицерами: требования об удалении их, перемещении и т.д. Может быть некоторые резонные причины здесь и скрывались в известных столкновениях между офицерами и матросами, но большая часть была лишена решительно всякого основания. Я делал в этом отношении что возможно, что возможно старался улаживать. Боевая готовность флота в это время совершенно не прерывалась: все шло, как шло раньше Я был настолько убежден в этом, что разрешая какой нибудь митинг знал, что стоит только поднять сигнал, как все, кто нужен на судах бросят этот митинг и явятся на корабли и пойдут куда угодно. В этом у меня была полная уверенность и с этой стороны я считал себя совершенно спокойным. Так шло все первые несколько недель, пока к нам никто извне не явился и пока мы оставались сами собой. Затем начался приезд всевозможных депутаций из Балтийского флота. Вместе с этим к нам хлынула масса самых подозрительных и неопределенных типов; началось ведение совершенно определенной пропаганды, направленной пропаганды, направленной к развалу флота; начали обвинять офицеров в империализме, в обслуживании интересов буржуазии. Был кажется праздник Подводного Плавания. Подводниками в числе других знамен было выставлено требование Босфора и Дарданелл. Вокруг этого была страшная полемика: говорили, что Босфор и Дарданеллы нужны только буржуазии; вообще выставлялись те мотивы, которые выставлялись обычно при борьбе с первым Правительством. Тогда уже начали появляться первые признаки развала, который быстро пошел среди команд. Меньше это сказывалось на рабочих. Нужно сказать, что рабочие Черноморского флота стояли, если можно так выразиться, выше команд в смысле дисциплины, порядка и организованности. Я прямо докладывал Правительству и приписывал улаживание конфликтов спокойствию, именно внесенному со стороны рабочих и их органов. Когда под влиянием пропаганды Советов Матросских Депутатов поднимал вопрос, что надо требовать ликвидации войны и т.д., рабочие приходили успокаивали матросов и вносили известное успокоение своим трезвым спокойным отношением ко всем событиям. В половине апреля мне стало ясно, что если дело пойдет таким образом, то несомненно, дело кончится тем же, что и в Балтийском флоте, т.е. полным развалом и невозможностью дальше продолжать войну. В половине апреля в Одессу приезжал Гучков, который вызвал меня. В апреле месяце, приблизительно 12-15 числа, я прибыл в Одессу, где Гучкова с большим подъемом демонстративно принимали, как нового Военного Министра. Гучков был болен, встретившись со мной, он обратился ко мне с вопросом, как у меня дела. Надо сказать, что в Одессе я был на судах, которые там стояли и у них

На 34-ой стр. - Зачеркнуто "этом", вписано "складе", зачеркнуто "готовность", надписано "готовность", зачеркнуто "поэтому" надписано "в этом", вписано "была", исправлено "являлся", исправлено "совет", вписано "этом", зачеркнуто "их", "как", надписано "матросов", "что" - вернуть.

Тов. Пред. Прибытка

Тов. председателя Прибытка

тоже был сравнительный порядок; на вопрос Гучкова я сказал, что меня чрезвычайно заботит то направление, тот путь, по которому пошел Черноморский флот под влиянием измен, под влиянием пропаганды и появлением неизвестных лиц, бороться с которыми я не могу, так как теперь, под видом свободы собраний и свободы слова, эта агитация может проходить совершенно свободно, может говорить кто угодно и что угодно. Гучков на это ответил: я надеюсь, что Вам удастся с этим справиться, у Вас до сих пор все шло настолько хорошо, что Правительство выражает твердую уверенность, что Вам удастся справиться с этим направлением. Я ответил на это, что до сих пор для того, чтобы справиться с этим у меня оставалось только одно средство - мое личное влияние, уважение ко мне, мои личные отношения к командам и рабочим, которые, я знаю, доверяют мне и верят. Но это средство является таким средством, которое сегодня есть, а завтра рухнет и тогда у меня уже не будет никаких средств так как постановлением Правительства я в сущности лишен всякой возможности влиять и бороться с этим, если бы и считал необходимым вступить в борьбу. Вот на чем держится пока еще Черноморский флот, но я считаю почву настолько шаткой, что завтра я, может быть точки опоры и тогда я уже не в состоянии буду что либо сделать /до этого времени мне доносили подробно о всех происходящих митингах, о ходе пропаганды, которая шла во флоте, также как в армии, но при этом я должен отметить, что за весь этот период времени это меня не касалось и личности моей никто не задевал и не затрагивал/. Так как Гучков в это время был болен, то переговорить обо всем он со мной не мог и сказал мне, что он в ближайшие дни вызовет меня в Петроград.

Около двадцатых чисел апреля я был в Петрограде по вызову князя Львова для доклада о положении вещей. Кроме того меня вызывал и генерал Алексеев, который приезжал в Петроград, для обсуждения общего положения, для чего вызывались все командующие армиями. Перед уходом из Севастополя я собрал все команды, сообщил им о своем отъезде и спросил их имеются ли у них какие либо настоятельные нужды или требования, чтобы я мог передать их Правительству; заявлений никаких не было сделано и я уехал.

ДЕНИКИН. Я бы хотел поставить следующий вопрос. Ведь за это время во флоте произошли большие события, в том числе большое возмущение матросов в Кронштадте, в результате которого погибло несколько сот офицеров в том числе и Адмирал Непенин. Какое впечатление произвели эти события на флот.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Эти события были в начале марта; Непенин был убит в первые дни революции. В Черноморском флоте известия об этих событиях не произвели особого впечатления, может быть потому, что мы получили сведения об этих событиях с большим запозданием. Сначала об этом был только ряд слухов, официально же об этом нам никто не сообщал. Я узнал об этом только через неделю, до этого же передавалось, как слух, что в Балтийском флоте беспорядки, что убит Непенин, убиты офицеры. Может быть, благодаря этому, известия об этом не произвели особого впечатления.

Насколько было лояльно в начале настроение Черноморского флота, можно видеть из того, что у меня весь флот принял присягу. Для этого все офицеры и судовые команды, свободные от службы, были собраны в одно место. Я первый произнес торжественную присягу на верность новому Правительству, которую повторил весь наличный состав. Таким образом. Около двадцатых чисел апреля я приехал в Петроград. Прежде всего я явился Гучкову, Военному и Морскому Министру, который все еще продолжал болеть и не выходил из своей квартиры на Мойке и даже принимал меня в первый день лежа в постели. В это время настроение в Балтийском флоте опять стустилось так как этот момент совпал с моментом отмены погон и перемены формы. Настроение в Балтийском флоте было таково, что когда при свидании с офицерами, я спросил их о положении вещей, то они ответили мне, что они ожидают на днях повторения того, что уже было,

На 35 стр. - исправлено „извиль", „появления" „собрания" „неизвестными" вписано „лицом", зачеркнуто „мне" подписано „мимо" вписано „никто" исправлено „Непенин" вписано „Черноморского", зачеркнуто „таким образом", исправлено „прочел", „присяге", „сказал" - вверху. - Зав. Председателя Чрезвычайной Комиссии

т.е. новаго избиения офицеров. Большую роль в этом играл Адмирал Максимов, деятельность котораго носила почти преступный характер: он чрезвычайно быстро перекрасился, усвоив какую то скверную демагогическую окраску, и на этом все время вел игру, по существу не имея ничего подобнаго раньше и будучи наоборот убежденным милитаристом, который говорил только о войне. В тот же момент он вел себя совершенно в демагогическом направлении. В связи со всеми этими событиями, Максимов не был даже принят Гучковым, и вместо него представителем Балтийскаго флота был Начальник Штаба Капитан I-го ранга Черкасский. Максимов должен был приехать, как Командующий Балтийским флотом, с докладом к Гучкову, но в виду того, что в Гельсингфорсе сгустилась атмосфера, в чем виноват был Максимов, тот Гучков заявил, что он не желает видеть Максимова, и тогда с докладом к нему явился Начальник Штаба Черкасский. Гучков сообщил мне о создавшемся положении, сообщил, что в Балтийском флоте назревают новые безпорядки, что с Кронштадтом ничего нельзя сделать, причем, сказал, что главную вину и ответственность за происходящее в Балтийском флоте он возлагает на Максимова, что это его непристичная работа, направленная в демагогическом духе, привела и приводит к таким последствиям, которыя не дают уверенности, что Балтийский флот будет существовать к весне. С моей точки зрения, может быть, вина была не столько Максимова, сколько причина крылась в положении нашего флота, стоявшаго в Ревеле и Гельсингфорсе. Я совершенно определенно считал, что главной причиной этих событий была немецкая работа: Гельсингфорс буквально кишел тогда немецкими шпионами и немецкими агентами, так как по самому положению Гельсингфорса, как финскаго города, контроль и наблюдение над иностранцами были страшно затруднены, ибо фактически отличать немцев от финнов или шведов почти не было возможности.

Что касается того, что разница в настроении Балтийскаго и Черноморскаго флота могла находиться в зависимости от состава офицеров, то я считаю, что это существеннаго значения не могло иметь, ибо весь состав офицеров флота выходит из одного источника. Никаких особо привиллегированных групп во флоте не существовало, так как офицерство в Балтийском и Черноморском флоте распределялось главным образом по месту рождения: южане шли на юг, те же которые были с севера или в Балтику. Поэтому эта сторона никакого влияния на настроение флота иметь не могла. Разницу в настроении я приписываю согласно тем данным, с которыми я познакомился, исключительно работе неприятеля, которому в Балтийском флоте было гораздо легче влиять на настроение команд, чем в изолированном Черноморском флоте, который во первых почти все время плавал и находился в движении, Балтийский же флот на несколько месяцев находился в портах, когда устанавливалась тесная связь с берегом. Вот главныя причины этого явления, все остальныя уже являются несущественными.

Затем Гучков выслушал доклад Черкасскаго о положении вещей в Балтике. Черкасский сообщил о выставленном командами требовании, чтобы суда управлялись комитетами, о том, что командование должно быть на выборных началах, и о целом ряде требований относительно офицеров. Было выставлено требование относительно проведения полнаго выборнаго начала во флоте, чтобы офицеры могли бы оставаться на судах после санкционирования их командования, и целый ряд других требований о которых Черкасский подробно доложил. Я в свою очередь обрисовал то, что делается у меня в Черном море. Тогда Гучков сказал мне: "я не вижу другого выхода, как назначить вас командовать Балтийским флотом". Я ответил: "если прикажете, то я сейчас же поеду в Гельсингфорс и подниму свой флаг, но повторяю, что я считаю, что и у меня дело закончится тем же самым; у меня в Черном море события происходят с некоторым запозданием, но я глубоко убежден, что та система, которая установилась по отношению к нашей вооруженной силе, и те реформы, которыя теперь проводятся неизбежно и неуклонно приведут к развалу нашей вооруженной силы, и вызовут те же самыя явления, как и в Балтийском флоте." Я указал что у меня во флоте вовсе не так благополучно, как кажется. Надо сказать, что перед этим Правительство прислало мне благодарность и выражение доверия за мою работу в Черноморском флоте. Я указал, что дело обстоит не так благополучно, как кажется со стороны, и просто лишь в силу изолированнаго положения флота, в силу ряда причин, которых не было в Балтийском флоте, события протекают с задержкой, но

Зай стр - Исправлено Брат Черкасский", исправлено "9 4-го", "в Максимова" зачеркнуто "во первых", вписано "замерзшим", исправлено "быть", "голландами", зачеркнуто "то", вписано "на Черном море" - вчерне.

Нов Председателя Прочтено Керн

я глубоко уверен, что в конце концов кончится тем же. Поэтому я сказал Гучкову: "если прикажете, я сейчас же вступлю в командование Балтийским флотом, но вряд ли я смогу помочь и сделать что нибудь." Гучков сказал, что он подумает еще раз и спросил меня: "ведь Вы не откажитесь принять это назначение." Я сказал, что привык исполнять приказания, и что если прикажет, я сейчас поеду в Гельсингфорс. На этом кончилось мое первое свидание с Гучковым. Тогда же я получил предложение приехать к Родзянко к завтраку. В разговоре с Родзянко он высказал оптимистический взгляд относительно положения в Черном море. Я сказал ему, что у меня идет такой же внутренний развал, как и везде; пока мне удается сдерживать это движение, действуя на остатки благоразумия, но что в настоящее время уже есть признаки, что это благоразумие исчезает, и я нахожусь накануне такого же взрыва, который был в Балтийском флоте, и что совершенно не верю в благополучие, которое чисто внешнего свойства. Родзянко задал мне вопрос: "что же делать, по Вашему мнению." Я сказал, что нас разлагает, с пропагандой совершенно неизвестных безответственных типов, совершенно неизвестно откуда появившихся, которые ведут совершенно открыто работу против войны и против Правительства. Пока меня еще не тронули, и я пользуюсь известным влиянием, которое у меня еще осталось, но, вероятно, на днях и это кончится." Я сказал, что не считаю, к кому мне обратиться, кто мог бы помочь мне в этом деле. Родзянко спросил меня, обращался ли я к каким нибудь политическим партиям, чтобы они помогли мне в этом деле. Я сказал, что пока еще не обращался. Родзянко предложил мне поехать к Плеханову и поговорить с ним; может быть, он даст совет, даст указания, как лучше поступить в этом деле. Я поехал к Плеханову; изложил ему создавшееся положение и сказал, что надо бороться как то с совершенно явной и открытой работой, разложения, которая ведется, и что поэтому я обращаюсь к нему, как к главе или лицу известному с.д. партии, с просьбой помочь мне, прислав своих работников, которые могли бы бороться с этой пропагандой разложения, так как другого способа бороться я не вижу в силу создавшегося положения, когда под видом свободы слова проводится все, что угодно, насильственными же мерами прекратить в силу постановления Правительства, я этого не могу, и, следовательно, остается только этот путь бороться с пропагандой. Плеханов сказал мне: "конечно, в вашем положении я считаю этот способ единственным, но этот метод является в данном случае ненадежным". Во всяком случае Плеханов обещал мне содействие в этом направлении, причем указал, что Правительство не управляет событиями, которые оказались сильнее его." Вы знаете ", спросил меня он, " что сегодня должно быть выступление войск, что сегодня около трех часов должны выступить войска с требованием смены части Правительства". Это было 21-го - 22-го апреля. Как раз в этот день около четырех часов было назначено заседание Правительства на квартире Гучкова, на Мойке. Плеханов заметил, что это выступление будет пробой Правительства: раз Правительство не будет в состоянии справиться с выступившими против него, то какое же это Правительство. По всей вероятности, оно должно будет пасть. " Я лично думаю сказал Плеханов, " что все идет не так, как мы хотели или предполагали: события принимают стихийный характер, и в этом случае отдельные лица или отдельные группы могут только до известной степени задерживать или способствовать течению, но я сомневаюсь, что- б мы могли в ближайшие дни что нибудь сделать." Вот суть его отношения.

Тогда все это выступление базировалось главным образом на почве империалистической политики Правительства- стремления получить Босфор и Дарданеллы, что вызвало требование смены Гучкова и Милюкова, как носителей этой тенденции. Плеханов, в разговоре со мной сказал такую фразу: "отказаться от Дарданелл и Босфора, все равно что жить с горлом, зажатым чужими руками. Я считаю, что без этого Россия никогда не в состоянии будет жить так, как она хотела бы".

От Плеханова я отправился прямо на Совещание Совета Министров которое происходило на Мойке, в квартире Гучкова. Когда я проезжал по Невскому и Морской, то мне начали попадаться отдельные воинские части: там был Финляндский полк и, насколько помню, Измайловский. Вся эта демонстрация стекалась на Мариинскую площадь перед Мариинским дворцом, где обычно заседало Правительство. В данном же случае демонстранты сделали ошибку, не зная, что из за болезни Гучкова, Правительство заседает не в Мариинском дворце, а на Мойке. Поэтому демонстрация происходила перед пустым, фактически

На 37-ой стр. - Зачеркнуто "с" исправлено "он", вписано "пытаю борьбой с пытой, кто", зачеркнуто "считаю", надписано "я не знаю", "вписано "б" исправлено "могли", "я" - вверху.

Под. Зав. Шубнева

20

ски, Мариинским дворцом. Здесь, на кв. Гучкова в присутствии всего Правительства заседавшаго под председательством Князя Львова, я подробно доложил все, о чем я уже упоминал раньше, о положении на Черном море и о том, к чему это, по моему мнению, должно привести. В это время было получено известие об этой демонстрации и о требованиях устранения Гучкова и Милюкова из состава Правитеьства. Как резюме этих разговоров, было сказано, как будто Милюковым: " мы можем обсуждать здесь и говорить о чем угодно, а может быть, через несколько времени мы все ин корпоре будем сидеть в Крестах или в крепости, с резанкоенью разумностью такого взгляда нельзя было не согласиться. Как раз перед концом заседания прибыл Ген. Корнилов, кажется, из Царскаго села, я его в первий раз тогда видел./. Корнилов сказал, что в городе происходит вооруженная демонстрация войск против Правительства, что он располагает достаточными силами, чтобы прекратить это выступление, и, в случае надобности, если бы произошло вооруженное столкновение, у него есть уверенность в возможности подавления этого движения. Поэтому он просил, чтобы Правительство санкционировало это и дало возможность немедленно начать действовать. По поводу к обмену мнениями и дебатам, причем особенно против возразили Львов и Керенский, который заявил, что "наша сила заключается в моральном воздействии, в моральном влиянии и применять вооруженную силу значило бы вступить на прежний путь насильственной политики, что он считает невозможным." На этом заседание закончилось. Но я Керенский долго еще беседовал с Корниловым. Затем Керенский обратился ко мне и спросил: "как у вас в Черном море". Я сказал, что дело идет все хуже и хуже; сообщил ему, что я был у Плеханова, просил его помощи, и что, с своей стороны, я прошу его, так как он имеет связь с политическими партиями, партией с.р. и другими,- прислать ко мне опытных руководителей митингов, опытных агитаторов, которые могли бы разбивать тех людей, которые у меня ведут разлагающую флот пропаганду. Керенский обещал мне, что пришлет. На этом совещание закончилось.

Вечером я уехал в Псков, где в это время происходил совет командующих армиями, где был Алексеев, Рузский и целый ряд представителей армий- командующих армиями или начальников штабов всего фронта. Картина, выяснившаяся при этом превзошла все мои худшия ожидания: я совершенно не ожидал, что в армии происходили события, о которых открыто докладывали представители командного состава- братания с немцами, продажа оружия, начавшийся стихийный уход с фронта. Словом, в армии происходил полный развал.

Никаких мер чтобы остановить этот развал и выйти из затруднительнаго положения, в сущности никто не мог предложить. Что касается того, что может быть возникла мысль что прекращение войны и есть этот исход, то должен сказать, что общее мнение было таково, что войну продолжать во что бы то ни стало нужно. Отдельных мнений в пользу прекращения войны я не помню, и наоборот общее мнение было что войну прекратить мы не имеем возможности. Таким образом совещание только констатировало факт развала в армии не выработав никаких мер к борьбе с этим явлением.

АЛЕКСЕЕВСКАЯ.

- - - - - - Ведь Ген. Рузский после этого ушел в отставку. Не был ли его уход продиктован тем обстоятельством, что он склонялся к мысли, что войны мы не можем вести дальше и остается только заключить мир. В последствии эта мысль была определенно формулирована на Духониным.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. В такой форме это не высказывалось говорилось только, что при таких условиях вести войну нельзя, но все же продолжать необходимо. У всех был расчет на то, что революция вызовет подъем в войска, вызовет чувство патриотизма, желание победы, желание закрепить совершившийся пер ворот победой на театре военных действий. Я помню, что это было общее мнение людей знакомых с историей. Взять хотя бы французскую революцию, которая победила все коалиции. Между тем потом выяснилось, что все старались использовать революцию для своих личных целей. Во время же совещания в Пскове общая точка зрения была такая, что продолжать войну необходимо что мы связаны такими обязательствами с союзниками, что выход наш из войны вызовет такия последствия, что при этих условиях заключение мира с Германией будет означать полную победу Германии, которая немедленно азобьет союзников и затем продиктует

На 38-ой стр. - вписано „на кв. Гучкова", зачеркнуто „этой", исправлено „остановлен", вм. — Смотрите

Тов Пред. Чрезвычка

воде в такой форме, которая вряд ли явится приемлемой.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Было ли Вам известно тогда или после, что существует такое соглашение, заключенное 9 сентября 1914 года между Россией Францией и Англией, относительно того, что при известных условиях каждое из этих государств, не смотря на то, что в открытом тексте сказано что никто не имеет заключать отдельнаго мира, - может заключить отдельный мир. В отношении России этим условием была революция.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Я В первый раз слышу об этом.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Слышали ли Вы, что Товарищ Министра Иностранных дел Нератов перед большевистским переворотом увез с собой некоторые документы Министерства Иностранных дел. Он оставался в Министерстве при первом и втором Правительстве и был главной работающей силой в Министерстве Иностранных дел потому что ни Милюков, ни в особенности Терещенко не были достаточно подготовлены для руководства ведомством Иностранных дел. Документа о котором я говорю комиссия в руках не имела, но я слышал от лица, заслуживающаго доверия и состоявшаго в отношениях с Министерством Иностранных дел, что такой документ существует. В отношении Франции таким обстоятельством разрешавшим заключение отдельнаго мира, являлось взятие Парижа, в отношении Англии - высадка Германскаго десанта на-острова и у нас - революция.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Я с Нератовым не встречался и о существовании такого соглашения не слыхал.

После-совещания в Пскове было еще одно совещание у Гучкова, где рассматривался документ известный под именем "декларации прав солдата". Я вернулся в Петроград вместе с Алексеевым по предложению Гучкова- собраться у него на квартире для обсуждения вопроса о документе, известном под именем "декларация прав солдата", после председательством Гучкова. Эта декларация вырабатывалась особой комиссией при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов из представителей армии и флота. Доклад по этому поводу делал Помощник Военнаго Министра, кажется Ген. Маниковский. При начале чтения декларации Маниковский сказал: "я должен доложить, что с выработанным в настоящее время такого рода документом, который предполагается провести в жизнь, я не согласен по существу, но я хотел бы чтобы каждый из присутствующих высказал свои замечания и может быть нам удастся внести некоторыя поправки и исправления". Тогда Алексеев, который сидел по правую руку Гучкова, когда началось чтение, встал и сказал: "я, как Главнокомандующий, не могу обсуждать вопроса о том, как окончательно развалить ту армию, которой я командую. Поэтому обсуждать этот вопрос я не буду и от дальнейшаго участия отказываюсь". После этого все присутствующие заявили что присоединяются к мнению Командующаго и считают бесполезным обсуждать этот документ: раз решено его ввести, пусть вводят, но рассматривать его они не будут. На этом чтение документа закончилось. Ген. Маниковский говорил: "я решил сделать доклад только в надежде, что удастся внести некоторыя поправки, удастся смягчить то, что здесь сказано, но раз все считают излишним обсуждать, то больше ничего не могу сделать." Тогда все встали распрощались и ушли. Я остался еще несколько минут с Гучковым и спросил его, как он решил, должен ли я перейти в Балтику или вернуться в Черное море. Гучков подумал и сказал: " в сущности это все равно; в таком случае возвращайтесь в Черное море". На этом кончилась мое пребывание в Петрограде и я уехал в Черное море.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. В эту поездку в Петроград Вы видели всех представителей Временнаго Правительства. Комиссия хотела бы знать Ваше отношение к этому Правительству с точки зрения интересов военных и морских, в частности к наиболее видным его представителям - Львову, Милюкову, Гучкову, Керенскому. Какие недостатки и достоинства видели Вы в этом Правительстве.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. За время пребывания в Петрограде я убедился, что это Правительство состоит из людей искренних и честных желающих принести возможную, посильную помощь Родине. Никого из

На 38-ой стр. зачеркнуто "Керенскаго" и "Керенскому", "Керенскаго" - "Керенскому", "Керенскому" - "Керенскаго".
На 39-ой стр. зачеркнуто "Керенскаго" и "Керенскому", "Керенскому" - "Керенскаго".

них я не мог заподозрить, чтобы они преследовали личныя или корыстныя цели: они искренно хотели спасти положение, но опирались при этом на очень шаткую почву, а именно на какое то нравственное воздействие на массы, на народ, на войска. Для меня было также совершенно ясно, что это Правительство совершенно безсильно, что единственный орган, который выдвигается и совершенно определился- Совет солдатских и рабочих депутатов ведет совершенно открыто разрушительную работу в армии и вообще в отношении вооруженной силы, открыто выставляет лозунги прекращения войны с Германией и т.д. Правительство бороться с ним совершенно безсильно, хотя бы даже оно располагало силами, так как оно принципиально применять эту силу не хочет, а расчитывает на возможность чисто морального воздействия, и держится методов управления, основанных на чисто моральном воздействии. Такое впечатление на меня произвело Правительство. Повидимому такой точки зрения держалось все Правительство, так как разногласий у них не было. Гучков может быть и понимал положение, но на меня он произвел впечатление человека так далеко зашедшаго по пути компромиссов, что для него не оставалось другого пути. Он сам говорил, что он больше работать не может и повидимому ясно видел, что должен уйти.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Гучков держался того же мнения, как и выдающиеся генерали, что больше работать нельзя.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Да, к этому времени все пришли к этому убеждению, оставить на второстепенных персонажей ведение дела.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Но это не есть исход - уйти ответственным людям и оставить на второстепенных персонажей ведение дела.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Никто из нас ни от чего не отказывался, но мы ясно видели, что при такой обстановке мы ничего сделать не можем. Если бы нашлись люди, которые могли бы взять это дело, то пусть бы они брали его, но дело в том, что революция не выдвинула таких людей, их не было. Тем не менее идеи кончить войну у меня никогда не возникало. Я считал, что лучше идти солдатом и выполнять ту роль, которую я найду возможной при данных условиях, но ни у кого из нас мысли об окончании войны не было.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Что Вы думали тогда и в последствии о предложении Корнилова сделанном на квартире Гучкова, что он обладает достаточной силой, чтобы поставить барьер этому движению, ведшему к прекращению войны. Действительно ли обладал он достаточными силами.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Да я считаю, что он обладал достаточными силами, иначе он не сделал бы это предложение; это человек отдающий себе отчет в окружающей обстановке и конечно в то время это еще можно было сделать.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Вы как будто сказали, что с другой стороны Вы просили указаний и для себя. Если бы были даны известные директивы ответственными руководителями, чтобы поставить барьер этому движению физическими репрессиями, считаете ли Вы, что это было бы возможно у Вас в Черном море.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Да, я считаю, что в то время это было возможно и у меня. В то время у Правительства было достаточно дисциплинированных сил, чтобы подавить это движение. Это было мнение среди военных, которое было в частности высказано Корниловым. Разделял его и я, так как считал, что в то время это было вполне возможно.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Происшедшия в начале мая перемены в составе Правительства, в результате чего было исключение из рядов его представителей буржуазии в лице Гучкова и Милюкова не вызвали ли надежды на улучшение положения в смысле направления Правительственной политики?

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Считали, что это есть ухудшение, что дальше все пойдет хуже и хуже.-

Верно: Повторед Иркутска К Тойт

IV -41- 22

Допрос, бывшего Верховного Правителя

26 января 1920 г.

адмирала Колчака снятый Чрезвычайной Следственной Комиссией 26 января 1920 г. главы Тов. Председателя К.А. Попова и членов Деникина, Лукьянчикова и Алексеевского.

А.П. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. В прошлый раз, адмирал, мы остановились на Вашем возвращении в Черное море после совещания в Пскове.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. По возвращении моем в Черное море из Пскова, я был в Севастополе и должен сказать, что находясь в Севастополе, я был не в курсе дела в смысле положения вещей на фронте, и не представлял себе такого потрясающего развала нашего фронта. Для меня стало ясно, что войну в сущности говоря, надо считать проигранной, и я положительно затруднялся решить, что предпринять для того, чтобы продолжить эту войну. По приезде в Черное море, ко мне явилась депутация от солдат Царско-Сельского гарнизона во главе, которой стоял унтер-офицер Киселев, который командовал Сербской дружиной. Он был сначала на фронте, потом в броневой автомобильной роте, - он первый выступил в первых числах марта. После представления депутации он остался у меня. Это был человек глубоко убежденный в необходимости этого переворота, он первый выступил и говорил, что он действительно видит теперь, что путь, по которому пошла вся русская революция, ведет нас к гибели: "Я был убежденный революционер, сам первый выступил, был ранен во время этого выступления, а теперь я вижу, что фронта у нас почти нет". Обсудивши с ним вместе этот вопрос, я ему сказал, что я тоже пришел к тому же убеждению. По его мнению, единственное средство, может быть, было бы, если бы я открыто заявил здесь, в Севастополе, о том, что такое положение погубит и революцию и нашу родину. Тогда я решил поступить таким образом: я собрал все команды, свободные в нескольких местах, как я это делал раньше, совершенно откровенно высказал все то, что я узнал в Петрограде, обрисовал им положение вещей, указал на бессилие Правительства, на то, что фронт у нас в настоящее время разваливается совершенно, удастся ли его восстановить, неизвестно, и что оказать сопротивление неприятелю будет невозможно. Я главным образом базировался на следующем положении: для меня, как человека военного и все время занятого исключительно только своим военным делом, казалось необходимым рассматривать происходящую у нас революцию с точки зрения войны. Для меня казалось совершенно ясным, что в такой громадной войне, в какой мы участвуем, проигрыш этой войны будет проигрышем и революции и всего того, что связано с понятием нашей Родины-России. Я считаю, что проигрыш войны обречет нас на невероятную вековую зависимость от Германии, которая к славянству относится так, что ожидать хорошего от такой зависимости, конечно, не приходилось. Суть моего сообщения сводилась, во первых, к обрисовке полной картины, характеристике Балтийского моря, к характеристике различных частей фронта, я не считал нужным ничего скрывать, изложил все, то, что я узнал на Псковском Совещании, обрисовал события, которые были в Петрограде, указывая, что теперь начинается движение под лозунгом прекращения войны во что бы то ни стало. Последствия от этого произойдут двоякие: во первых зависимость от Германии, так как мы дадим ей возможность, заключивши с нею какое нибудь соглашение и выведя себя из театра военных действий, разбить союзников на западном фронте, Германия победит и мы попадем в полную от нее зависимость. Германия смотрит на нас, как на навоз для удобрения германских полей и будет соответствующим образом третировать нас в будущем. Если мы выйдем из концерта согласия держав в этой войне и допустим даже, что Германия будет побеждена, что ей не удастся победа над союзниками, то тогда нам придется иметь дело с союзниками. Я указал, что сентиментальности в политике не существует, что в политике существуют чисто примитивные соображения о выгоде или невыгоде того или иного положения, указал, что с союзниками мы связаны обязательствами, что союзники потратили колоссальные средства для оказания нам помощи и что никогда раньше до 1917-го года мы не были так сильны в смысле вооружения и так подготовлены для окончания войны, что если мы сейчас бросим свое участие и будем в этом направлении что нибудь делать, то несомненно мы вооружим против нас союзников, счет, который будет предъявлен нам, будет чрезвычайно тяжелым, наша зависимость будет уже не от одной Германии, а может быть от целого ряда государств. Чем же расплачиваться придется нам, говорил я. Ни для кого не тайна, что мы находимся в самом бедственном положении и придется расплачиваться натурой: террито-

с офицер в отказ во время переворота

они

министр

Дела

Итоги

Ты

Я

О

М

Ь

Й

Примеч. - Исправлено „предприятий" в смысле „с офицер в руках во время переворота вместо „он", „теперь", исправлено „освещений" „обрисовал", зачеркнуто „тогда", „театра" „исправлено „выйдем", „выгодн" - вырвать.

Товар. Председателя Президиума

рией и нашими природными богатствами. И вот наступает в конце кон
дов призрак раздела нашего, мы потеряем свою политическую само
стоятельность, потеряем свои окраины, в конце концов обратимся в
так называемую "Московию", центральное государство, которое заставят
делать то, что им угодно, но то, что обуславливало нашу политическую
самостоятельность и свободу, все будет от нас отнято. Суть сводилась
к этому. Затем я указал, что союзники действительно в это время еще
колебались, еще недостаточно ясно учитывали, какие последствия дадут
у нас этот переворот и революция, как они отразятся на войне, и они
решили в наступление, и это наступление было для того, чтобы дать
возможность справиться нашему фронту, т.е. оттянуть немцев на себя.
Союзники выполняли это апрельское наступление, я указывал на то, что
прежде всего мы связаны с союзниками не только какими нибудь обя-
зательствами, а связаны с ними кровью и союзники нам не простят. Я
указал на те перспективы, которые мне казались несомненными. И вот
мое спокойное объективное и совершенно правдивое без всяких каких
нибудь недомолвок сообщение произвело громадное впечатление на
всех присутствующих. Ко мне начали обращаться команды с тем, что
команды желают сами отправиться и если надо послать свои делега-
на фронт с призывом продолжать войну во что бы то ни стало, что по-
добное положение является позорным, что мы прежде всего должны закон-
чить войну, что эту войну можно закончить, - и вот результатом моих
сообщений явилась так называемая Черноморская делегация, которая
в мае месяце выехала на фронт и принимала там весьма деятельное
участие. Я знаю, что многие деятели не вернулись с фронта, потому что
активно старались бывать в передовой линии, показ вать пример. Вот
эта Черноморская делегация, которая приехала тогда по России, сейчас
же вызвала через неделю после своего отъезда реакцию, которая
заключалась в той же самой пропаганде, которая уже полу-
чила характер пропаганды, направленной персонально против меня. Там
не выставлялось лозунгов политического характера. Пропаганда эта
велась на чрезвычайно примитивной почве, разбивать этих противни-
ков было бы в конце концов не трудно, но она в конце концов свое
дело сделала. Суть сводилась главным образом, насколько мне помнится,
к тому, что я являюсь крупным собственником на Юге России, что мое
постоянное упорство и настойчивость в продолжении этой войны и
освобождении свободного выхода из пролива в Средиземное море, объяс-
нялось тем, что я являюсь крупным земельным собственником и для ме-
ня выгодно вывозить хлеб на тех условиях, которые предоставляют из
себя открытые и свободные проливы - такие заявления делались на ми
тингах на Черном море. В Севастополе затем уже появились признаки
довольно скверного свойства: около половины мая, один из миноносцев
"Жаркий", который должен был идти к неприятельским берегам с каким
то поручением, кажется постановки мин, отказался выйти - это был пер-
вый случай отказа корабля исполнить боевое приказание, потому что в
начале мая я выходил в море и никаких вопросов по этому поводу не
возникало. Затем одновременно с этим потребовали смены командира ми-
ноносца, старого лейтенанта Веселаго. Этот Веселаго был отличный мо-
лодой командир, прекрасно жил с командой, команда его сама выбирала,
на какие то выборные должности, от чего он отказывался. И тут совер-
шенно неожиданно команда потребовала его смены. Мотивы сводились
к тому, что Веселаго яко бы слишком смело ставит миноносец в
опасное положение, - вот единственный мотив, которым могла команда
выставить против своего командира. Я сказал, что я его не сменю, а
миноносец я вывожу из компании, приказал спустить флаг и пре-
кратить свою деятельность, т.е. окончить плавание. Так он и остался.
Вместе с тем я послал своего флаг-офицера в Совет матросских и
солдатских депутатов. Совет в это время был тоже бессилен что нибудь
сделать, хотя он совершенно разделял мою точку зрения, послал своих
представителей, но в это время уже поднялась против того состава
Совета целая кампания. Этот случай был сам по себе не особенно по-
трясающим и катастрофичным, но он для меня был весьма симптоматичен
выяснилось, что я ничего сделать не могу и сам Совет был бессилен
что нибудь предпринять кроме разговора. Веселого заявил, что при
таких условиях просто не считает возможным оставаться и просит
его списать. Пришлось удовлетворить его просьбу и убрать его с ми-
ноносца. Вслед за тем такой же случай произошел на другом миноно-
це "Новик" по совершенно нелепому поводу. Я поехал туда уже сам и
после переговоров с командой этот инцидент был улажен, так как я ни

На 42-ой стр. вместо „в начале мая" вписано „в начале же войны", вместо „пропаганда", „заявления", „Веселаго", зачеркнуто „его" вписано „миноносцу" - Ред.

Пом. Председателя Муравьева

13

указал, что никаких оснований для подобного выступления нет. Затем произошло еще одно весьма типичное явление. Какая-то комиссия - я точно не знаю, в каких отношениях она стояла к Совету - обнаружила какие-то злоупотребления, по крайней мере так было доложено в порту, по поводу каких-то кож, которые должны быть сдаваемы, для того, чтобы эти кожи выделывались. Эти кожи со скота, который убивался для прокормления Черноморского флота, они должны были быть сдаваемы на кожевенный завод. Возникло обвинение против одного помощника заведывающего портом. Он был генерал-майор по адмиралтейству, не помню его фамилии. Обвинялся он в том, что эти кожи не сдаются куда следует, они частным образом куда-то продаются и что эта комиссия постановила требовать немедленного ареста этого помощника. Когда следственная комиссия при Совете ко мне явилась - она и раньше приходила ко мне и делала различные заявления по поводу непорядков, я клал свою резолюцию, направлял к прокурору, производилось следствие и представлялось Совету, в каком положении дело находится - я вышел к ней и сказал: прошу дать мне список, я сейчас вызову главного военного прокурора и поручу произвести соответствующее разследование по этому делу. Тогда комиссия мне заявила, что она требует его ареста. Я сказал, что арест будет произведен тем лицом, которое будет производить следствие. Когда оно обнаружит признаки преступления, то от этого лица и буде зависеть, какие меры пресечения следует приложить в отношении лица, на которое падает обвинение, так как я не знаю, виновен ли он или кто-нибудь другой, так как из их доклада этого совершенно не видно. Поэтому я сказал, что я приказа об аресте не дам, покуда я не получу доклада от главного военного прокурора, или я ничего не буду делать, а передам это заявление туда. На этом мы разошлись. Затем я совершенно случайно узнал, что они арестовали этого офицера. Я потребовал его немедленного освобождения, - сказал, что я комиссии права не давал производить аресты, что этот арест должен быть произведен только судебными властями. Это как раз совпало с переменой личного состава первого Совета. Были произведены новые выборы и в этот Совет прошло значительное количество - я прямо это признаю - солдат Севастопольского гарнизона. Это был элемент уже совершенно другого порядка. Он был там и раньше, но тогда он был в меньшинстве, там преобладали морские команды.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ. А в это время были у Вас политические комиссары?

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Нет; и не было во все время моего командования флотом. Эти обстоятельства в связи с тем, что результатов практических не было - я знаю, там были некоторые лица, которые выступали на митингах от партии с.р., от партии с.д., но все это имало чрезвычайно малое влияние - привели к тому, что дело шло хуже и хуже, и эти события заставили меня задуматься. Состав Совета изменился, Верховский оттуда ушел, часть людей, с которыми я работал в согласии, ушли и заменились другими и, таким образом, порвалась всякая связь у меня с этим Советом: я перестал бывать там, они перестали приходить ко мне. Взвесивши все эти обстоятельства, я признал по совести, что дальнейшее мое командование флотом является совершенно ненужным и что я могу по совести сказать, что я больше не нужен совершенно.

Пом.ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Какого партийного состава был новый Совет?

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Тогда было разрешено и офицерам и командам записываться в какие угодно партии, но партийный состав Совета я боюсь характеризовать, но общее течение уже складывалось в пользу большевистской партии. Тогда еще официально такой партии большевиков не существовало, но настроение носило такой характер. Все же я затруднился бы назвать этот Совет большевистским, так как он не носил еще определенной окраски большевизма. Там были выборные начала для офицеров, контроль над действиями командования, т.е. приблизительно та же программа, какая была и в Балтийском флоте. Надо сказать, что тогда в Черноморском флоте не было такого термина "большевик"; поэтому я и не называю его так. Большинство, насколько мне помнится, записывалось в партию с.д., меньшая часть представляла из себя партию с.р. И вот в конце концов я решил просить освободить меня от

На 9-ей стр. - Вписано "записывал", зачеркнуто "этого лица", надписано "него", зачеркнуто "так как", вписано "же". Зачеркнуто "поэтому", "Я", надписано "комиссии", зачеркнуто "было", вписано "составлявшиеся преобладали", зачеркнуто "это так", надписано "совета большевистская" - Вырвать.

Помощник председателя Чрезвычайной Комиссии

командования по следующим мотивам: создее положение, полное бессилие что либо сделать и совершенная безответственность за тот ролк, в какой я нахожусь. Управлять флотом так, как я понимал, я считал невозможным и считал нелепым занимать место. Поэтому я обратился к Керенскому с просьбой освободить меня от командования. На это Керенский мне ответил, что он считает это нежелательным, и просит меня подождать его приезда в Севастополь и надеется, что ему удастся устранить и уладить те трения, которые возникли в последнее время. Я согласился и второй раз уже не настаивал. В судовом составе, в мае быстро произошел общий и внутренний развал во флоте, тут явилась картина, что державшиеся до этого времени рабочие порта, которые все время вели все работы по исправлению, ремонту и т.д. уже к этому времени тоже стали разваливаться. Стали выставляться требования только экономического порядка, а производительность все падала и падала с каждым днем, и каждое введенное их строя судно уже оставалось в бездействии, потому что все работы в порту стали падать. Тем не менее, я должен отметить, что известные части команд совершенно не разделяли нового настроения и сохранили свои понятия о долге службы. Я упоминал, что в самый печальный период уже окончательного развала флота, мне нужно было, в виду полученных сведений о новых подводных лодках, усилить заграждения Босфора и в самом Босфоре оставить заграждения. Для этого нужно было начать сделать очень опасное и рискованное предприятие и войти в Босфор на катерах с баркасами, нагруженными минами. Это предприятие носило характер чрезвычайной опасности и риска и поэтому случаю я вызвал охотников, и таких охотников нашлось столько, что они превышали то число, которое мне нужно было для постановки этих заграждений. Это было в мае. Операция был выполнена, но с одним печальным происшествием: ночью на одном из баркасов взорвалась мина, произошло это в Босфоре, их заметили, произошла стрельба, было много раненых, но большинство людей успели вытащить и перенести на другой катер, - это было серьезное предприятие. Я это привожу, как характеристику того, что был известный процент людей, которые шли на это, а на ряду с этим другое явление - инцидент с миноносцем "ДЕРЗКИЙ".

К событиям этого времени относится приезд Керенского в Одессу. Я получил приказание прибыть в Одессу с миноносцем, с тем, что Керенский из Одессы поедет в Севастополь на миноносце. Это было около 20 чисел мая. К назначенному времени вышел с отрядом из 4-х миноносцев в Одессу и присутствовал там при тех торжествах, которые в честь Керенского были устроены в Одессе, и которые носили такой же характер, как и встреча в Одессе Гучкова месяц тому назад. Затем вместе с Керенским я перешел на мой миноносец и мы отправились в Севастополь. Во время перехода я долго и подробно, почти целую ночь, рассказывал Керенскому о тех обстоятельствах, которые произошли в Черном море, я указал, что считаю совершенно невозможным продолжать свою деятельность, потому что я коренным образом расхожусь в своих взглядах на командование, на дисциплину во флоте, которая теперь проводится, и что я неспособен работать в этой обстановке, что я не отказываюсь по существу от какой бы то ни было работы, и предоставляю себя в полное распоряжение правительства, но я считаю совершенно бесполезным, может быть даже вредным для дела, если я останусь. Я сказал ему: "Я не понимаю, чего вы хотите: для республики во время войны нужна вооруженная сила, я приложил все усилия, чтобы ее удержать, но раз это выходит из вашего плана, и это ненужно, зачем я буду продолжать работать." Он на то ответил: Я считаю наоборот, что правительство это, как и правительство прежнего состава считает, что Вы должны остаться, что теперешнее правительство признательно Вам за сохранение Черноморского флота в его боевом состоянии, что мы переживаем время брожения, тут надо считаться и с возможностью эксцессов".

Керенский, как и всегда, как то необыкновенно верил во всемогущество слова, которое, в сущности говоря, за эти два-три месяца, всем надоело, и общее впечатление было таково, что всякие речи и обращения уже утратили всякий смысл и значение, но он верил в силу слова. Я доказывал ему, что военная дисциплина есть только одна и что волей неволей к ней придется вернуться и ему, что так называемой революционной дисциплины не существует и та партийная дисциплина, которую он приводит, это дело совершенно другое, потому что ~~дисциплина~~, в сущ-

На 44-ой стр. - Исправлено „Чтобы", зачеркнуто „дисциплина" - верить.

Тов. Пред. Трибунала

24

дисциплина

ности говоря, которая выражается в известных внешних формах дисциплинарного устава, которая характеризует взаимоотношение начальника и подчиненного, одна и та же во всех решительно армиях и флотах всего мира; = какой бы мы ни взяли дисциплинарный устав наш или американский, мы найдем одно и то же, никакой разницы по существу там нет, а есть лишь разница в их деталях то, что он говорил о примерах партийной дисциплины, это есть дисциплина, которая не создается каким нибудь регламентом, а создается воспитанием и развитием в себе чувства долга, чувства обязательств известных по отношению к партии или по отношению к Родине, и в этом отношении эта дисциплина может быть у меня, может быть у него, может быть у отдельных лиц, но в массе такой дисциплины не существует и опираться на такую дисциплину для управления массами нельзя. Так мы ни до чего договориться не могли, потому что стояли на совершенно исключающих друг друга точках зрения.

По приезде в Севастополь, Керенский объезжал суда, я был все время с ним. Он был встречен весьма торжественно, говорил речи, но на меня производило впечатление, что он на команды никакого впечатления не производит. Казалось будто все идет хорошо. "Вот видите, адмирал, все улажено, мало ли что, теперь приходится смотреть сквозь пальцы на многие вещи, я уверен, что у Вас не повторятся события, команды меня уверяли, что они будут исполнять свой долг" и т.д. и т.д. После таких переговоров он в конце концов еще раз обратился ко мне с просьбой от имени Правительства оставаться "Сейчас Вас заменить нежелательно, я прошу, чтобы Вы продолжали оставаться". Я сказал; "хорошо, останусь". После его отъезда положение ни сколько не изменилось, все продолжалось в том же духе, в каком все это шло раньше и у меня было общее впечатление такое, что его приезд никакого результата не дал и никакого серьезного впечатления ни в командах, ни в гарнизоне не оставил, хотя он был принят хорошо.

Я на некоторое время уходил из Севастополя, ездил в Николаев на заводы посмотреть строящиеся там корабли. Там я узнал о положении вещей на судостроительных заводах: все в сущности шло к полной остановке, к полному прекращению работы. Тем не менее я все таки продолжал делать то, что делал раньше, продолжать выходить в море, вести работу постановки заграждений, сетей против подводных лодок, по дозорной службе, конвоированию, - поскольку это было возможно-поскольку это выполнялось. Затем в июне месяце начали происходить события уже более серьезного характера. Под влиянием агитации, среди команд явилось совершенно неожиданное событие на почве вражды с офицерским составом - до этого таких вопросов не существовало: начали уверять, что офицеры замышляют какую-то контр-революцию. Никакая контр-революция со стороны офицерства, разделенного по судам, была невыполнима. Офицерские союзы существовали совершенно открыто, на них могли присутствовать команды и потому, конечно, вопрос о какой нибудь контр-революции совершенно исключался, а наоборот все усилия со стороны командного состава и офицерства заключались в том, что поддерживать Правительство и выполнять свой долг, по отношению к службе. Это было неожиданно для меня, было совершенно ясно, что это есть работа провокационного характера, которая, конечно, клонится в конце концов к тем событиям, которые имели место в Балтийском море. Я сообщал об этом все время Правительству, доносил ему о всех тех событиях и настроениях, которые у меня были в Черном море и предупреждал, что дело становится все хуже и хуже, и что я считаю безнадежным положение дела в дальнейшем, но так как я обещал оставаться до последней возможности, то я и не поднимал вопроса о своей смене, так как считал, что ежи она произойдет и без согласия Правительства. Я очень часто выступал перед командами, постоянно объезжал и обыкновенно, по заведенному мурманке порядку, меня извещали, что в таком то часу, в таком то месте будет собрание, чтобы я мог принять в расчет при учете в случае тревоги готовность флота, чтобы потребовать команду, и все это шло до этих событий в совершенном согласии. Теперь же все пошло самочинным порядком, я получал известия стороною, не имея никакой связи ни с какими представительными командными органами. Наконец, случилась весьма характерная вещь. Киселев, оставаясь все время в Севастополе, где проживала его семья - отец мать, сестра и брат, принимал

-дисциплина - Вписано "дисциплина" зачеркнуто "это", Вписано и исправлено "если" "Разница в деталях", исправлено "заведи" "чтобы", Вписано "прежде", зачеркнуто "взять", надписано и исправлено "принять это в расчет при учете", зачеркнуто "к", исправлено "ликвидаций" - вкрить.

тов. Пред. Чрезвычека Ктор

очень большое участие и помогал мне. Он очень часто выступал, прекрасно говорил и ему удавалось совершенно срывать ораторов своими выступлениями. Я считаю его одним из самых крупных деятелей на митингах и собраниях, где он оказывал известное влияние на команду своим умением говорить с большим одушевлением. Он у меня часто бывал, я с ним подружился, потому, что я видел в нем глубоко порядочного русского солдата, глубоко преданного идее блага родины, и в этом отношении у меня установилась с ним тесная близость. Это был человек совершенно безкорыстный. Затем произошли последние события в начале июня, которые заставили меня уйти с командования помимо желания правительства. В один прекрасный день состоялся митинг на дворе Черноморского экипажа - это огромная площадь, на которой было 15.000 народу; я был на этом митинге для того, чтобы разбирать вопрос персонально относительно меня. Обвинялся я, во первых в том, что являюсь чем то в роде прусского агрария, во-вторых - и это уже обвинение совершенно странного свойства - что я ослабляю Черноморский флот выводом из строя судов, при чем приводился в пример миноносец "Жаркий", о котором я сказал, что я его никуда не пошлю и считаю его, как судно совершенно несуществующим. Было еще одно обстоятельство. Был один старый броненосец "Три Святителя", который в виду того, что очень много людей просилось в отпуск и мне нужно было чем нибудь компенсировать людей на транспортах, я решил вывести из компании и командой этого броненосца "Три Святителя" пополнить команды транспортной флотилии в Одессе. Отпусками к этому времени уже ведали Комитеты и в отпуска шли без какого бы то ни было контроля со стороны командования, я же получал только извещение от командиров, что не хватает людей, партии не возвращаются, а новые уходят, и это заставило меня прибегнуть к этой мере. В военном отношении это играло очень незначительную роль, это было старое судно, которое должно было осенью быть сдано в порт. Тогда я решил поехать на этот митинг, хотя меня не приглашали. Узнав время, когда будет этот митинг, около 4-х часов дня, я один, вместе со своим дежурным флаг-офицером, поехал в этот экипаж. Там какие то неизвестные мне посторонние мне люди начали вести вопрос относительно прекращения войны, представляя его в том виде, в каком велась пропаганда у нас на фронте, что эта война выгодна исключительно известному классу. В конце концов перешли на тему относительно меня, при чем я был выставлен в виде прусского агрария. В ответ на это я потребовал слова и сказал, что мое положение материально определяется следующим: с самого начала войны, с 1914 года я кроме чемоданов, которые я имею и которые моя жена успела захватить с собою из Либавы, не имею даже движимого имущества, которое все погибло в Либаве. Я жил там на казенной квартире вместе с своей семьей. В первые же дни был обстрел Либавы и моя жена вместе с некоторыми другими женами офицеров, бежала из Либавского порта, бросивши все. В последствии все это было разграблено в виду хаоса, который произошел в порту, и с 1914 года я жил только тем, что у меня было в чемоданах в каюте. Моя семья была в таком же положении. Я сказал, что если кто нибудь укажет или найдет у меня какое нибудь имение или недвижимую собственность, или какие нибудь капиталы обнаружит, то я могу их охотно передать, потому что их не существует в природе. Это произвело впечатление и этот вопрос больше не поднимался. Затем пошел вопрос относительно инциндента с "Жарким", затем с броненосцем "Три Святителя". Действительно флот несомненно ослаблялся в это время в виду того, что переходящие периодически в ремонт миноносцы не поступали в срок, просто потому, что работа шла отвратительно: такие работы, которые при нормальных условиях требовали 3-4- часа, производились в 3-4- суток. Я приводил ~~этот~~ пример, сколько времени требовалось, чтобы винт вытащить из ящика, и эти факты были приведены мною. Я совершенно определенно и не скрывая того положения, которое создалось в порту и во флоте сказал, что ослаблять флот с моей стороны конечно совершенная бессмыслица и совершенно бессмысленно возводить на меня такое обвинение: если кто нибудь заинтересован, чтобы во флоте был порядок, то, конечно, я первый, и следовательно трудно мне предъявить обвинение и заподозрить меня в том, что я умышленно ослабляю флот, ибо это значит рубить сук, на котором я сижу. После этого мне никаких возражений сделано не было, я сел в автомобиль и уехал. Затем я вернулся к себе на "Георгии Победоносец" и чем кончился этот ми-

На 46-об. стр. - Исправлено «командиры» на «людей», зачеркнуто «этот», «к» - вписать.
Тов. Бюро Ярославского Клуб

25

тинг я не знаю; повидимому он кончился ничем. Вечером я получил в
первый раз от нового Совета приглашение в Совет на заседание. Как раз
приехал Киселев ко мне и сказал, что дело очень плохо, что теперь
поставлен вопрос относительно разоружения офицеров и обвинения их
в контр-революционном заговоре. Данных почти нет никаких, но это
теперь пущено кем то и среди команд идет по этому поводу брожение,
Совет будет этот вопрос обсуждать, при чем прибавил: "я ~~не~~ советую
Вам не ехать, потому что это совершенно безполезно, делу не поможете,
будете резкости говорить, и ничего из этого не выйдет". Он сказал,
что он будет на этом собрании, но мне там делать нечего. Я все таки
поехал; я решил посмотреть, так как я еще ни разу не видал этих за-
седаний. Когда я приехал, то увидал, что там уже разговор идет о контр-
революции, реакции, о реставрации и еще о чем то, и я увидел, что раз-
говаривать об этом было совершенно безполезно. Там был поднят, ме-
жду прочим, вопрос о том, что всех офицеров надо немедленно разоружить,
потому что иначе они устроят контр-революцию. В какой форме, как они
ее устроят, с оружием или без оружия, я не знаю, это было настолько
безсмысленно и глупо, что я, просидев несколько речей, обратился
к председателю и спросил: "нужно ли мне здесь быть и есть ли какие нибудь
ко мне вопросы". Он мне сказал, что вопросов никаких нет. На это я
ответил, что если будет нужно, меня можно вызвать, зачем я буду даром
терять время, и уехал. Так меня больше тогда не вызывали. Киселев
известил меня, что по видимому завтра будет решение относительно ра-
зоружения офицеров. На другой день было сделано с одного из линейных
судов радио в виде приказа о том, чтобы разоружить всех офицеров, -
Это было часа в 3-4 дня, - произвести обыски оружия в офицерских
квартирах и т.д. Сделано это было нисколько меня не повещая, и прежде
чем можно было бы на это как нибудь реагировать или снестись и пого-
ворить, это было выполнено и на некоторых судах было потребовано ору-
жие. Офицеры были на кораблях. Несколько офицеров застрелились в
знак протеста, но в общем никаких эксцессов и истории не произошло.
Я сделал распоряжение на своем судне, чтобы никакого сопротивления
не было, чтобы не было кровопролития и никакого безобразия на моем
корабле. Затем я потребовал собрать свою команду "Георгия Победоноса-
ца", я сказал им несколько слов по поводу безсмыслицы этого акта, о
том, что офицерство разбросано по всем судам маленькими группами, и
что если даже они боятся, то это безсмысленно совершенно, так как офи-
церов приходится по одному на 15-20 человек команды и никакой по
существу опасности для них они представлять не могут. Затем я сказал,
что вообще какой бы то ни было контр-революции не существует в при-
роде, потому что союз офицеров существует совершенно открыто, он мне
лично известен, я знаю все его дела и я бы сам не допустил в такое
время каких бы то ни было выступлений, потому что они приблизили
бы нас к полнейшей гибели. Я указал им, что мы, старшие офицеры, были
лояльны в отношении правительства, исполняли все его приказания,
что, следовательно, вопрос о какой нибудь контр-революции никогда не
поднимался. Затем я сказал, что я могу рассматривать это как оскорбле-
ние, которое наносится прежде всего мне, как старшему из офицеров,
здесь находящихся, и я сказал: "с этого момента я командовать вами
не желаю больше и сейчас об этом телеграфирую правительству". Затем
я взял свою саблю и бросил ее в воду. Я стоял около трапа и ушел
вниз. После этого я послал телеграмму Керенскому об этом событии и
указал, что я уже ни при каких обстоятельствах и ни при каких усло-
виях командовать флотом больше не буду, что я передаю командование,
согласно уставу, старшему по себе адмиралу, что в полночь я спускаю
свой флаг, который будет заменен флагом старшего по мне. Я написал
в письме, что я выполнил все то, что я обещал, но командовать больше
не могу и совесть моя чиста. Затем ко мне явилась какая то депутация
по поводу отпусков. Я сказал ей, что я больше не командую и просил ее
по этим вопросам ко мне не обращаться, потому что я никаких распоряже-
ний давать не буду. Затем я вызвал контр-адмирала Лукина, командую-
щего линейными кораблями, старшего по мне, и сказал, что я будучи фа-
ктически поставлен в невозможность командовать, приказываю ему всту-
пить в командование флотом и поднять свой флаг. Затем ~~ко мне~~ вечером
часов в 8, явилась ко мне какая то делегация от Совета, который без
всяких мотивов вынесла резолюцию, что он считает необходимым, чтобы
я сдал свое командование старшему. Я сказал, что командование уже сдал
адмиралу Лукину, который и вступит в командование. Делегация просила

На 47-ой стр. - Вписано - „приглашение", „ми" „они офицеров", „контр", зачеркнуто „колина", исправле-
но „который" + „вышел" - вернуть.

Тов. Пред. Трубкина

чтобы я передал всевозможные секретные документы, я сказал: "принимайте какие хотите документы, но имейте в виду, что это длительное дело, вы конечно, можете их принять и рассмотреть". Вместе с тем такое же постановление было и относительно контр-адмирала Смирнова, моего начальника штаба. Относительно других офицеров никаких постановлений не было сделано. Затем я сказал, что я уезжаю к себе домой на берег.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ. А адмирал Лукин никаких возражений не сделал по этому поводу.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Нет, он все видел и конечно возражал, но я сказал ему, что я приказываю, так как сегодня ночью возможна какая нибудь тревога или нападение и я фактически не могу командовать, а он обязан это сделать. Вечером я поехал к себе домой. Вскоре ко мне на городскую квартиру явились еще два-три человека с заявлением, что они уполномочены Исполнительным Комитетом посмотреть нет ли у меня каких нибудь секретных документов, но так как я на квартире никогда не жил, приезжал туда по вечерам на несколько часов, а жил на корабле, то, конечно, никаких документов у меня быть не могло. Я предложил осмотреть им свой кабинет, они произвели обыск, но ничего не нашли. Я оставался дома, Смирнов пришел ко мне вечером, когда ко мне явился один из флаг-офицеров и сообщил, что будто бы состоялось постановление о моем аресте, я сказал, что поеду на корабль и буду там ночевать, так как я не хотел, чтобы меня арестовали в моем доме в присутствии моей жены и ребенка. Я уехал на корабль, там я лег спать, а в два-три часа ночи меня разбудил флаг-офицер, который сообщил мне телеграмму от Керенского. Телеграмма была направлена по моему адресу и в Совет и еще кажется по командам; она говорила по поводу в очень резких выражениях о беспорядках безобразия, которые произошло в Черном море, что если будут происходить подобные вещи, то правительство считает, что подобные выходки являются актом враждебным революции и родине и требует немедленного прекращения всех этих безобразий и возвращения оружия офицерам, а что касается меня, то правительство сообщало, чтобы я временно передал командование и требовало моего немедленного приезда в Петроград для доклада.

На другой день утром к моему чрезвычайно тяжелому состоянию прибавилось известие, что в Севастополь прибыла американская военная миссия Адмирала Гленона, которая имела в виду оставаться некоторое время для изучения постановки у нас минного дела и методов борьбы с подводными лодками. Тогда же приехала в Петроград миссия Рута, при ней была морская миссия Гленона, которая и приехала ко мне, эта миссия предполагала у меня провлавать несколько времени и познакомиться с положением дела. Я конечно, немедленно уехал обратно на берег и сказал, что я никого не принимаю и принять миссию не могу, и миссия, ознакомившись с положением вещей, немедленно решила уехать. Приказ правительства был выполнен, оружие было возвращено офицерам, и сейчас же и все опять пришло во внешнее благополучие и спокойствие. Я оставался целый день у меня дома, никто ко мне больше не являлся, ночью я беспрепятственно сел на поезд и поехал в Петроград. В этом же поезде ехала как раз американская миссия Гленона.

По прибытии в Петроград я должен был явиться - Керенского тогда не было - к его помощнику Кедрову или Дудрову. Он мне сказал, что правительство в ближайшие дни собирается, что правительством назначается особая следственная комиссия, которая спешно выезжает в Севастополь для разбора всего дела. Председателями этой комиссии были А.С.Зарудный и Бунаков. Между прочим Зарудный сказал, что все это вздор и что все наладится, но я сказал, что это не наладится, так как я целый месяц был в этой обстановке, целый месяц старался всеми зависящими от меня средствами и способами, как нибудь дело поправить, что я считаю, что дело пойдет все хуже и хуже, во всяком случае, я назад не вернусь и командовать при таких их условиях не буду. Затем я был принят в Мариинском дворце на заседании Правительства. Я сделал доклад, изложил в деталях все то, что у меня было, и затем говорил уже не стесняясь, резко, что все это я предвидел, и обо всем заранее предупреждал, что я не могу иначе расценивать

На 48-ой стр. - Зачеркнуто "составившая по поводу" надписано "говорила по поводу", зачеркнуто "если будут происходить подобные вещи", надписано "подобные выходки", зачеркнуто "все", вписано "офицерам", зачеркнуто "по" "сознается что", исправлено "предупреждал" - вкрито -

Нач. Председатель Чрезвычайной Комиссии

26

деятельность Правительства, как ведущую к разрушению нашей вооруженной силы. Я говорил, что гораздо проще было дать совершенно открытым путем, просто на просто распустить команды и прекратить деятельность флота, потому что при таких условиях флот все равно никакой пользы не принесет. Вместе со мной был Смирнов, который тоже говорил на ту же тему. Я указывал, что я считаю виной ту политику Правительства, которую оно приняло в отношении вооруженных сил: подрыв его авторитета, постановка командования в совершенно безправное и безпомощное положение; указывал, что под видом свободы собраний и свободы слова совершенно открыто ведется работа наших врагов. ~~Я глубоко убежден,~~ что во всех этих событиях, как в Балтийском море, так и в Черноморском флоте, для меня совершенно ясно видна работа не русская, а работа германской агентуры, указал на целый ряд совпадений и фактов, которые мне были известны по Балтийскому и Черному морям, что в течение революционного периода образцовое состояние Черноморского флота в отношении команды систематически разлагалось у меня на глазах, при чем я был бессилен что нибудь сделать, я был только зрителем, и единственно чем я мог расправляться - это моим нравственным авторитетом и влиянием. Я указал, что долго на этом играть нельзя, что потом это все провалится, что про мои команды я в течение целого года ничего кроме хорошего сказать не могу: команды вели себя настолько хорошо, что до меня очень редко доходили дела для конфирмации, в большинстве случаев они были такого характера, что они разрешались в низших инстанциях. Я не говорю уже о том, что ни одного случая смертной казни не было, не было случая ссылки в каторжные работы. Несомненно были проступки, но характера такого, что до командующего флотом они почти не доходили, и такие команды довели до такого состояния путем систематического, планомерного, нравственного развала. На это правительство, сидящее в глубоком молчании, поблагодарило за обстоятельный доклад и отпустило, никакого ответа мне никто не дал.

На 49-ой стр. - Зачеркнуто „его" вписано „командования", зачеркнуто „я глубоко убежден", „этих", вписано „говорил", исправлено „до", „для", вписано „по", исправлено „доведены", зачеркнуто „такого", „написано „начальника", зачеркнуто „на", надписано „Вопиющая на", „зачеркнуто „меня", „явился в", надписано „сокрыл", вписано „меня" — верно.

Нов Пред Крейсера Кап

Верно:

Нач Пред Кр Кап

Допрос в. Верховного Правителя Адмирала
чака, снятый Чрезвычайной Следственной Комиссией
27 января 1920 года, в составе членов комиссии В.Л. Деникина,
Г.Г. Лукьяненкова и А.Н. Алексеевского.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Таким образом я остался в Петрограде ожидать возвращения из Черного моря комиссии под председательством Зарудного, которая выехала туда в первые дни моего прибытия в Петроград. В ожидании этой комиссии я жил на частной квартире и почти никого не видел, пока ко мне не явился прикомандированный к миссии Адмирала Гленона русский офицер, лейтенант, который передал мне пожелание Адмирала Гленона видеть меня и переговорить со мною. Зная о целях миссии я сказал, что пусть он назначит мне время, когда я могу приехать к нему. Адмирал Гленон жил в Зимнем дворце. Там я был принят Рутом и Адмиралом Гленоном. Гленон сообщил мне, что цель его миссии сделать визит нашему флоту. Затем американское правительство интересуется некоторыми вопросами по минному делу и борьбе с подводными лодками и желало бы познакомиться с этим. Кроме того совершенно секретно он сообщил мне, что в Америке существует предположение предпринять активные действия американского флота в Средиземном море против турок и Дарданелл. Зная, что я занимался аналогичными операциями, Адмирал Гленон сказал мне, что было бы желательно, чтобы я дал все сведения по вопросу о десантных операциях в Босфоре. Я ответил на это, что я не отказываюсь от этого и готов поделиться теми сведениями, которые у меня имеются. Тогда Гленон спросил меня: "как бы Вы отнеслись, если бы я обратился с просьбой к правительству командировать Вас в Америку, так как ознакомление с этим вопросом потребует продолжительного времени, а между тем на днях мы должны уехать." Относительно этой десантной операции он просил меня никому ничего не говорить и не сообщать об этом даже правительству, так как он будет просить Правительство командировать меня в Америку оффициально для сообщения сведений по минному делу и борьбе с подводными лодками. Я сказал ему, что против командирования в Америку ничего не имею, что в настоящее время я свободен и применения себе пока не нашел. Поэтому, если бы правительство согласилось командировать меня в Америку, то я возражать не буду. В то время, как миссия сносилась с правительством, в ожидании ответа от Правительства, я начал собирать все необходимые материалы, выписал одного флаг-капитана, который имел на руках все данные по Босфорским операциям, словом начал подбирать все материалы необходимые для этой задачи. Как раз в это время Керенский уехал и потому окончательного согласия со стороны Правительства на американскую командировку нельзя было получить. Наконец ответ получился в положительном смысле вскоре после приезда Керенского с Юго-Западного фронта, после наступления 18 июня. Насколько я знаю, этот вопрос обсуждался тогда в Совете Министров и Совет Министров без всяких возражений согласился на командирование меня в Америку. В это время приехал и Зарудный с Комиссии. Зарудный заявил мне: "совершенно ясно, что все это работа немецкой агентуры; сколько мы не расследовали этот вопрос, было ясно, что против Вас команды решительно ничего не имеют. Поэтому Вы должны принести жертву и вернуться снова на флот, так как большинство лучших элементов желает Вашего возвращения." Я сказал, что в Черноморский флот я больше не вернусь, что я считаю себя настолько сильно оскорбленным, что командовать им считаю ниже своего достоинства и поэтому к командованию Черноморским флотом ни при каких обстоятельствах не вернусь. Вскоре после этого в связи с приездом Керенского произошло положительное решение вопроса о моей поездке в Америку. За все это время я мало кого видел в Петрограде. Меня посещали знакомые офицеры, главным образом офицеры флота, которые упрашивали меня, чтобы я оставался во флоте и не уходил. Я сказал, что я уже принял на себя известное обязательство и что в России сейчас нет применения моим силам. Одно время я хотел уйти на фронт, чтобы меня назначили командовать тяжелой батареей, но после позорного наступления на Юго-Западном фронте 18 июня, я решил отказаться от этой мысли. Затем одна группа офицеров обратилась ко мне с просьбой в виду невозможности ведения войны в России, но считая необходимым продолжать войну, -сформировать легион из добровольцев и с ним отправиться во Францию. Я одно время, остановился на этой мысли, но затем я получил сведения об отношении за границей к русским частям в виду их позорного поведения на французском фронте и отказа драться и участвовать в борьбе. Когда я получил сведения о том, что имя русского во Франции

а 50-ей стр. - Исправлено, передал "имя", "и" - вкрито.

Пом. Пред. Прокурора Кол

является чем то въпроде брани, я пришел к мысли, что рассчитывать на такую работу, какую я имел в виду, конечно, при этих условиях, не приходится. Затем политические деятели, которые заседали в Таврическом дворце, кажется по делам ликвидации и с которыми я был знаком еще по Государственной Думе, узнав о моем приезде пригласили меня. Я приехал и рассказал им о своем положении Они также говорили мне, чтобы я не уезжал, что я нужен здесь. Я сказал, что готов ехать куда угодно и делать что угодно, но пусть мне укажут определенно, что я должен делать, что таких указаний я не получил, обстановка же, в которой я мог бы оказаться, если бы остался в России такова, что исключает возможность какой бы то ни было полезной работы для Родины. Я считаю, сказал я, что единственное, чем я могу принести пользу, это драться с немцами и их пособниками, когда угодно и в качестве кого угодно. Я считаю, что это будет единственная служба Родине, которую я буду нести, принимая участие в этой войне, которую я считаю важным, самым существенным делом из всего того, что происходит, что революция пошла по пути, который приведет ее к гибели, но я не политический деятель; я солдат и поэтому я считаю нужным продолжать свою службу, чисто военную. Раз я не могу в России принимать участие в этой борьбе, я буду продолжать ее за границей /у меня была тогда надежда, что я буду принимать известное участие в Дарданельских операциях/. Затем я был еще на нескольких заседаниях Национального Центра, образовавшагося в это время. Там я также сказал, что работать здесь больше не могу, так как уже принял известное обязательство перед Американскому Правительству и ожидаю только выдачи заграничного паспорта, чтобы ехать с миссией, возложенной на меня Правительством, в Америку.

Еще до моего отъезда произошло выступление большевиков прибывших из Кронштадта. Как раз в это время я был очень близок к правительственным сферам, хотя и не принимал уже непосредственного участия в делах. Кажется второго или третьяго июля Керенский вернулся с фронта в Петроград. Я несколько раз приходил в Морское Министерство с просьбой доставить мне возможность повидать его, но он все время был так занят и передвигался с одного места в другое, что я не мог его видеть. Между тем от него зависело утверждение состава моей миссии: я подобрал специалистов - четырех офицеров - и надо было от Керенского получить санкцию на этот состав миссии и выдачу заграничных паспортов, средств для поездки и т.д. Поэтому в день 4 июля, когда вечером началось выступление большевиков, я пришел в приемную Морского Министра и решил ожидать его, пока Керенский не явится. Мне сказали, что он должен быть около 12-ти часов. Я ожидал его прибытия пока Керенский не приехал. Керенский заявил мне, что он очень занят, должен позавтракать и сейчас же ехать на заседание Совета Министров и что времени у него нет. Я заявил тогда, что у меня также срочные дела, что мне надо получить санкцию на состав миссии и ея отправление. Тогда Керенский сказал мне: "тогда пойдем завтракать и во время завтрака Вы доложите мне все Ваши вопросы". Мы пошли завтракать и так как Керенский очень торопился, то я рассказывал ему в общих чертах положение создавшееся относительно моей поездки. Во время этого разговора пришел дежурный адъютант и доложил, что к Керенскому явилась депутация уволенных старших возрастов, кажется свыше 42-х летнего возраста /тогда Керенским были устроены периодические отпуски для полевых работ, но все это делалось довольно несистематически и вызывало неудовольствие. Вообще эта тенденция ухода с фронта в армии и флоте, особенно в Черноморском, была особенно заметна. Я уже подчеркивал несколько раз, что после первой недели революции у всех наблюдалось стремление все бросить и уехать домой по своим делам/. Когда явилась депутация, то Кренский заявил, что он не примет ее, так как у него нет времени. В ответ на это депутация заявили, что она не уйдет, пока Военный и Морской Министр не даст положительного ответа относительно продления срока отпуска. Тогда Керенский не кончив завтракать встал и вместе с присутствующими вышел в приемную и на лестницу, где находилось человек 30 солдат старшего возраста. Они заявили, что хотя срок отпуска их и не вышел, но что у них как раз теперь начинается у

На 51-ой стр. - Зачеркнуто "когда", надписано "годъ", вписано "перед", исправлено "Американскому - Американскому".

Пом. Пред. Арцыбашева

28

уборка хлеба, что работникво в деревне нет, и что поэтому они просят продлить срок отпуска до окончания уборки хлеба, что иначе они не в состоянии буду убрать хлеб. Керенский сказал, что постановление относительно их возвращения есть постановление Совета депутатов фронта, что он его утвердил и изменить его не может, не переговоривши с фронтовой организацией, так как продление их отпуска задерживает тех, которые ожидают своей очереди. "Поэтому, сказал Керенский, я ни в каком случае не отменю этого распоряжения". Это в свою очередь вызвало чрезвычайно энергичные протесты со стороны этих депутатов, которые начали говорить, что их зря шлют на фронт так как ведь хлеб также нужен для ведения войны. Один из них обратился к Керенскому с таким заявлением: "нас всего около 40 тысяч, а здесь в Петрограде имеется до 100 тысячъ бездельников, которые никуда не хотят идти. Вы нас посылаете на фронт, потому что мы люди старые, привыкшие к дисциплине, привыкшие исполнять приказания, а вот вместо нас Вы послали бы части которые находятся в Петрограде и которые ничего не делают. Между тем вы их не можете послать, так как они не хотят идти и вы ничего с ними не можете сделать, от нас вы требуете этого, так как знаете, что мы привыкли исполнять приказания и будем их выполнять". На это Керенский что то ответил, но в конце концов совершенно неожиданно повернулся ко мне /я стоял сзади его/ и сказал: "поговорите с ними, Адмирал," и сам ушел. Я остался кажется с Бунаковым и так как был большой шум, раздавались протесты, то я обратился к депутации и сказал, что я не могу говорить сразу с тридцатью-сорока человеками. "Я вам не могу давать никаких обещаний, потому что я посторонний человек, но Министр приказал мне переговорить с Вами и я буду разговаривать, но для этого выберите ми двух-трех человек, так как я не знаю в чем заключается дело". Тогда ко мне вышел почтенный старик солдат с Георгиевскими крестами и медалями, бывший на Японской войне и участвовавший также и в этой войне. Я с ним пошел в приемную и он начал мне подробно разсказывать о положении. В действительности положение было трагическое - "нас тянут на фронт", сказал он, "не для того чтобы мы воевали, а для того чтобы поставить нас в тылу на пилку дровъ, на всякие интендантские работы. Мы не отказываемся ни от чего, но войдите же в наше положение". Он обрисовал картину положения дома, крайне печальную. "Министр говорит нам, что мы должны выполнить свой долг", сказал он мне, "но мы свой долг выполнили; я веду уже вторую войну и воевал не даром - имеются все знаки отличия. Теперь двое сыновей взяты на фронт, дома остались только жена и девочки. Хлеб удалось кое как засеять, собирать же его некому и в таком положении находятся почти все остальные. Мы просим только дать нам возможность собрать хлеб, а затем мы снова можем вернуться на фронт. При настоящих порядках мы могли бы и не являться и никто нас не потребовал бы, но мы привыкли к дисциплине и потому хотели действовать в законном порядке." Выслушав его я сказал: "конечно, по моему мнению вы могли бы быть уволены, но, конечно я дать такого разрешения не могу". Тогда они сказали, что они хотели получить ответ от Министра. Я пообещал им, что сделаю все, что могу, чтоя постараюсь повидать Министра, чтобы выслушать от него тот или другой решительный ответ - положительный или отрицательный. Я вызвал дежурный автомобиль и поехал искать Керенского. Я ездил по всему городу, но долго не мог его найти; наконец случайно в одном из правительственных учреждений я узнал, что он находится на квартире Терещенко на Дворцовой набережной и что там происходит заседание Совета Министров. Я приехал туда, явился в приемную вместе с этим солдатом и стал ждать конца заседания. Когда заседание Совета Министров кончилось и они начали выходить, я с солдатом подошел к Керенскому и сказал ему: "Вы приказали мне переговорить; я переговорил и мое мнение таково, что с точки зрения военной можно было бы разрешить продление отпуска, но конечно я не в курсе дела. Я приехал сюда специально для получения определенного ответа, так как депутация до сих пор сидит в Морском Министерстве и ждет от Вас окончательного ответа", Керенский на это совершенно определенно ответил: "нет, никаких отсрочек, никаких отступлений от

на 52-ой стр. - исправлено „позвонить", „берут", „писано „как" - вкарить.

рук. Пред. Прибытка Кат/

тех распоряжений, которые были сделаны, не будет". В это время подошли к нам все Министры и начали говорить с солдатом, но повидимому это на него уже не производило никого впечатления. Этим дело кончилось. Я сед в автомобиль и вернулся к депутации и сказал ей, что видел Министра и все Правительство и что вопрос о продлении отпуска решен отрицательно. " А больше я сделать ничего не могу". На это мне солдаты заявили, что они с этим ответом вернуться не могут и поэтому они пойдут не к своим, а куда глаза глядят. Между тем Керенский опять уехал и я не мог с ним переговорить. После ухода депутации я обратился к Дудорову и сказал ему, что мне необходимо переговорить с Керенским. Дудоров сказал мне: " я скажу Вам по секрету, что сегодня в 7-8 часов вечера Керенский должен уехать: официально он уезжает с Варшавского вокзала, неофициально же - с Царскосельского. У меня также имеются срочные дела и единственный способ поймать Керенского - это сейчас же ехать на вокзал, сесть в поезд, в котором должен ехать Керенский и на дороге, когда поезд тронется, переговорить с ним обо всем, так как здесь он слишком занят. Мы доедем до Царского села откуда и вернемся". Мы так и сделали: приехали на Царскосельский вокзал, узнали от коменданта, где поезд Керенского, сели в поезд и стали ждать прибытия Керенского. Керенский прибыл за несколько минут до отхода поезда. Как только Керенский приехал, поезд тронулся и я на ходу поезда стал делать подробный доклад Керенскому. Керенский выслушал мой доклад и подписал бумаги относящиеся к моей миссии. Дудоров также сделал доклад. В конце концов, когда поезд подошел к Царскому селу, мы оставили его и вернулись в Петроград. Вечером этого дня началось первое выступление против Правительства. На следующий день прибыли команды их Кронштадта и произошли те события, которые известны вероятно и Вам. Вот все, что я могу по это у поводу сказать.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Какое впечатление произвели на Вас эти события, какие были причины выступления, какие меры приняло правительство и были ли это те меры, которые нужно было принимать.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Я считаю, что это выступление было чисто большевистского характера. Это подчеркивало прибытие кронштадтских матросов и выступление частей Петроградского гарнизона. В Петрограде в это время было около 12 тысяч войск, которые ничего не делали, только слонялись по улицам и не желали идти на фронт. Мотив был обще-известный - прекращение войны и роспуск по домам, все же остальные мотивы были проходящими. В связи с событиями Правительство вызвало войска с фронта; эти войска вступили в город и уже после этих событий я видел их входящими в город в очень хорошем порядке. Это были, кажется, велосипедные части, кавалерия и казачьи части. Столновения, которые были при этом в Петрограде сводились к столкновениям большевистских частей с казаками. Единственно серьезное дело было около Литейного моста. В это время, я как раз выходил от своих знакомых на Шпалерной так, что хотя я непосредственно и не видел этого столкновения, но слышал стрельбу и видел бегство матросов по Шпалерной. Вообще же за все это время, никаких ужасов на улицах ни днем, ни ночью не было. Все это производило впечатление, что если бы были взяты войска с фронта, то они бы могли свободно подавить все это движение, так как особых затруднений в этом отношении не встретилось бы. Кронштадтские команды пришедшие в Петроград после этого столкновения, произвели разгром, напились и затем сели на суда и уехали в Кронштадт. Все это производило впечатление неорганизованного выступления совершенно нелепого характера.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. У Вас не возникало мысли, что Правительство могло бы переменить курс политики в смысле установления более твердой власти в этот момент и что Правительство могло стать господином положения и подавить начинавшееся большевистское движение.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Я уверен, что правительство, если бы оно этого хотело, могло бы это сделать, но так как в состав правительства

На 53-ей стр. - Вписано „своей поездки", исправлено „Дудорову", исправлено „привожу мысли", „по", „Вас" - вычеркнуто.

Тов. Пред. Президиума

29

частью входили члены, находящиеся в полной зависимости от Совета солд.и раб.депутатов,то оно и не могло ничего предпринять против этого.Там наблюдалась картина полной анархии:в Петрограде существовали два совершенно независимых органа - Правительство и Совет рабочих и солдатских депутатов;они вступали в какие то переговоры,но тем не менее каждый из них действовал совершенно самостоятельно на свой риск и страх.Те части,которые были настроены большевистски находились в распоряжении Совета,у Правительства были также свои войска.Таким образом была картина полнейшей анархии и двоевластия,при которой одна власть признавалась и не считалась с другой.Конечно,была полная возможность,если бы Правительство захотело этого,устранить это,но там происходили такие события,что когда часть членов Совета была арестована,то Керенский вернувшись в Петроград их освободил. Трудно было разобраться какую игру вел Керенский,но мне представлялось,что он находится в какой то зависимости от Советов,не решается ни в чем выступать против них,а старается вести политику примирения,что конечно осуществить было совершенно невозможно,так как вся политика Совета была определенно направлена к прекращению войны,заключению мира с Германией,выходу из коалиции союзников и к дальнейшему немедленному проведению всех принципов социализма;между тем правительство все же поддреживало борьбу с Германией и считало необходимым продолжать оставаться против введения в жизнь принципов социализма в том виде,как этого желали большевики. Поэтому Правительство и Совет расходились.Даже среди войск существовал полный хаос:никто не знал,кому он подчиняется и чьи приказания он должны исполнять.

Части пришедшие с фронта,были в распоряжении Правительства и сколько можно было судить по внешнему виду,находились в полном порядке,были вполне дисциплинированы,в особенности части кавалерийские.Таким образом с это стороны вопроса не возникало и вероятно,они исполнили бы всякое приказание Правительства.

Вам

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. В этот период Вашей жизни было сделано предложение от группы офицеров образовать легион,чтобы выступить с ним на французском фронте.Кто был инициатором и из кого состояла эта группа офицеров.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Трудно сказать,я не помню,фамилии все были незнакомые.Большей частью это были офицеры,которых я встречал в Морском Генеральном Штабе,помню,что в это время мне приходилось встречаться там с Пешковым.Он говорил со мной откровенно и нарисовал мне картину положения наших войск во Франции.Разсказ его и послужил поводом к отказу моему от работу в этом направлении. Это были люди,которые также не знали,где найти применение своим силам,но которым их совесть и долг подсказывали,что в такое время нельзя сидеть сложа руки и смотреть на то,что происходит. Затем большое моральное воздействие оказала еще депутация союза офицеров фронта,в состав которой входил Новицкий и еще несколько предстаителей,которая поднесла мне Георгиевское оружие и адрес и выразила полное сочувствие.Это было во время или незадолго до июльских событий.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. В это время у Вас не возникала мысль,что война дольше продолжаться не может,что надо подчиниться необходимости кончить войну и пойти за той действительной властью,которая представляется Советами.

АДМИРАЛ КОЛЧАК.Нет,такой мысли у меня не являлось:я считал, что войну мы кончить не можем и что ее надо продолжать во что бы то ни стало.Никогда мысль о необходимости кончить войну мне не приходила в голову и я не мог бы на это пойти.Я встречался с офицерами фронта,знал,что есть части,которые желают драться,во главе наших войск стояло такое лицо,как генерал Корнилов,которому в армии доверяли и на которое можно было положиться.Корнилов считал возможным дальнейшее ведение войны,так что говорить о каком то мире было бы невозможно.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ.Ведь ген.Корнилов был Начальником Штаба Юго-Западного фронта во время этого неудавшегося июльского наступления и

2 34-оисмр. - Вписано „не", „признавалась другой" - вычеркнуто.

Тов Пред Чрезвычайной Ком

значит до известной степени был и автором этого наступления.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Автором был Керенский, Корнилов же являлся только выполнителем.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Но ведь выполнение возлагало известную долю ответственности и на исполнителя. Принимая во внимание, что тогда выяснилось, что наступательные действия для нас невозможны, что армия, по крайней мере в половинном составе не желает драться, не стало ли тогда ясно для военных, что войну продолжать мы не можем.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Все считали, что войну продолжать надо во что бы то ни стало и чего бы это ни стоило.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Среди солдатских масс стали раздаваться голоса, что командный состав, не желая служить под большевистской властью или властью крайней демократии, в известной степени стал саботировать. Это выражалось в том, что в критические минуты командование и даже руководство военными действиями стало передаваться в руки комитетов. Так было при операциях под Ригой.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Меня в это время не было, во всяком случае при мне этого не было.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Не было ли у Вас мысли, которая оправдывала бы эти упреки, а именно мысли, что уход крупных представителей командного состава с ответственных постов, напр. Ваш, уход с поста Командующего Черноморским флотом, является саботажем той военной силы, распоряжение которой переходило в другие руки. Не было ли у Вас, что Вашим уходом Вы ослабляете ту остающуюся военную силу государства в виду Черноморского флота, которая была под Вашим руководством.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Нет, этой мысли у меня не являлось: я считал, что поступаю так, как мне подсказывала моя совесть и долг. Я не мог оставаться во флоте, так как меня удалили.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Вы оставили командование без приказа.

АДМИРАЛК КОЛЧАК. Но я был поставлен в такое положение, что не мог больше командовать. Я сделал то, что я должен был сделать и считал, что иначе поступить я не могу. Что же мне оставалось еще делать - идти на дальнейший позор, на то, чтобы мои приказания не выполнялись. Я оставался на своем посту, пока меня не убрали. Когда меня заставили идти, Правительство на это никак не реагировало: я сидел в Петрограде полтора месяца и Правительство не делало мне никаких предложений; повидимому, они и сами считали это невозможным.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Если бы правительство сделало приказ о Вашем возвращении, Вы вернулись бы.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Несомненно, если бы Правительство сделало такой приказ, то я вернулся: я всегда был лойялен Правительству. Несомненно, что если бы Правительством было мне дано такое приказание, то не выполнить его я не мог бы, но в том то и дело, что мне только один Зарудный говорил: "Вы должны принести эту жертву и вернуться в Черноморский флота", Я ему на это ответил, что сам я этого вопроса не подниму и сам ни прикаких условиях обратно туда не вернусь. Сам я проситься туда не стал бы, но приказание, если бы таковое мне было дано - исполнил бы, так как иначе я должен был бы не признавать правительства. Раз я подчинялся ему и был лойялен до последнего дня, то выполнил бы все его приказания.

Что касается моего отправления в Америку, то оно находилось в тесной связи с согласием Английского Правительства дать мне возможность проехать через Англию, так как в это время англичане установили на пограничных пунктах свой контроль: англичане конролировали выезд из России тех лиц, которые проезжали через эти пункты

На 55-ой стр. - Вписано „мысли", „бы", „к" - вычеркнуто.

Пом. Пред. Прокурчека

30

Поэтому я вошел в сношения с английской миссией, сказал им откровенно о цели моей поездки, причем они мне сказали, что было бы лучше, если бы я выехал из России под чужой фамилией в виду того, что немцы следят за мной и если им сделается известным мой выезд, то они примут меры. Действительно, один из пароходов, который вышел из Христиании в Англию

/миссия сама была виновата в этом, так как кричала и шумела об этом/ в Немецком море был остановлен подводной лодкой в сопровождении миноносца, при чем немцы вызвали прямо по списку лиц, которые ехали с этим пароходом и были нужны им, забрали их и отпустили пароход дальше. Англичане по секрету сказали мне, что дадут знать, когда мне следует ехать, чтобы не задерживаться в Норвегии, так как между Бергеном и Бердином пароходы ходили довольно нерегулярно - иногда через неделю, иногда дней через 10 и поэтому, никто не знал, когда пароход может пойти.

После двадцатых чисел июля я уехал из Петрограда. За несколько дней до моего отъезда я виделся с Гурко, который в это время уже отказался от командования /Гурко приехал из Кисловодска или или Пятигорска. Сначала он поехал на съезда Коммндующих армиями в Могилеве, куда все должне был приехать и Керенский, но присутствие Гурко там оказалось нежелательным, так как он был в обостренных отношениях с Керенским, который заявил: "если будет Гурко, то я не буду."/. Поэтому Гурко приехал в Петроград с намерением вернуться затем на Кавказ. Гурко сообщил мне о положении в армии, но сказал при этом, что надежда на продолжение войны есть и что Корнилов прилагает к этому все усилия. Гурко смотрел на продолжение войны, как на необходимость. Гурко первый приехал ко мне с визитом. На другой день я хотел поехать к нему на квартиру отдать визит, но узнал, что утром он был арестован и посажен в Петропавловскую крепость. Больше я с ним не виделся. Арест был произведен по ордеру Керенского по поводу каких то документов, которые были найдены у Гурко, кажется переписка его с бывшим Государем. Подробности этог мне неизвестны, так как вскоре после этого я уехал.

Получив от английской миссии уведомление, что мне надо выехать тогда то, я около двадцатых чисел уехал вместе с миссией по ж.д. на Торнео, Христианию, Берген и действительно совершенно точно приехал к самому отходу парохода. За все время пути ничего замечательного не произошло. В Бергене я провел около суток, пока не пришел пароход. О поездке моей и моей миссии англичане были осведомлены. Я ехал через Швецию под чужой фамилией, причем отношение ко мне было самое любезное.. Из Бергена мы пошли в Лондон, откуда преполагали через Атлантический океан проехать в Америку. В Лондоне я был в начале августа. В Лондоне я виделся исключительно только с морскими деятелями. Я был у Адм. Джелико, который в то время был Морским Министром — Первым Лордом Адмиралтейства; был несколько раз у Начальника Морского Генерального Штаба Ген. Хо. Ген. Хо. заявил мне, что мне придется подождать, так как в ближайшее время пароходов нет, что все пароходы страшно забиты и что мне придется недели две прожить в Лондоне. Тогда, чтобы использовать время, я просил разрешения Джелико познакомиться с морской авиацией и постановкой в Англии морких авиационных станций, чтобы осветить этот вопрос для себя. Для этой цели я ездил по различным заводам и станциям, летал на разведку в море и так дождался момента, когда был отправлены вспомогательный крейсер "Глостершейд" из Глазко в устье Св. Лаврентия к Галифакс.

За все время пребывания в Лондоне я никого кроме моряков не видел. Русским агентом в Англии в то время был Волков. Видел также русскую морскую миссию, за исключением Ермолова, который в это время, кажется, был во Франции. С Набоковым я также виделся.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Каково было настроение в военной и морской миссиях и русском посольстве в это время, что говорилось о положении России, отношении союзников и о расчетах союзников.

На 56-ой стр. - вместо "Бердином" "Глостершейд" - верить.

Зав. Арх. Чрезвычайной Комиссии

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Из тех разговоров, которые я вел с нашими миссиями, видно было, что они смотрят на положение вещей мрачно и считают, что это неминуемо кончится проигрышем войны и вынужденным соглашением с немцами. Этого они с своей стороны чрезвычайно боялись, так как считали, что в этом случае союзники примут против нас такие же репрессивные меры, как и против Германии. Во Франции в это время было уже такое антирусское настроение, что французы третировали вообще всех русских и называли их не иначе, как "_____" изменник. У меня вначале было желание использовать время пребывания в Лондоне и проехать во Францию, но мне сказали, что лучше туда не ехать, так как настроение там к русским отрицательное. Поэтому я остался в Англии, где существовали все же более терпимое отношение. Правда газеты уже вели компанию против Керенского, говорили, что во всем виноват Керенский и характеризовали его словом _____ т.е. болтун, но вообще в Англии относились к России и русским скорее положительно. В беседе со мной ген. Холлс сказал: "что же делать: революция и война вещи несовместимые, но я верю, что Россия переживет этот кризис, но вас спасти может только военная диктатура, так как, если дело будет и впредь так продолжаться, то вы вынуждены будете примириться с немцами и попасть в их лапы.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ. В русских посольских кругах не было ли ~~соглашения~~ откровенных по поводу событий в феврале?

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Насколько я знаю, Набоков с самого начала приветствовал этот ~~переворот~~ положение и даже его резкие отзывы, которые он поместил о бывшей Царской семье, в Англии вызвали большое недовольство против него в видных правительственных сферах, которые считали, что каковы бы ни было его убеждения, но он не имел права, будучи на службе бывшего Императорского правительства, так выражаться и высказывать свое порицание персонально бывшей царской семье, в то время, как эта семья была лишена возможности возразить или ответить на это. Благодаря этой бестактной выходке он не пользовался влиянием и авторитетом среди англичан, которые в этом отношении очень щепетильны и корректны.

Из Глазко я выехал в Галифакс. Англичане благодаря моему личному знакомству с Адм. Джеликл, генерало Холло, ~~были~~ сомной чрезвычайно любезны. Джелико беседовал со мной очень долго по поводу обороны Немецкого моря и минирования немецких берегов. Джелико спрашивал моего мнения по этому поводу и был чрезвычайно любезен; обыкновенно о таких вещах не сообщают посторонним, он же находил возможность говорить об этом со мной. Таким образом со стороны английского морского начальства отношение было самое корректное и любезное. Их любезность выразилась в том, что нас поместили на ~~этот~~ вооруженный ~~крейсер~~ военный пароход совершенно безплатно, предложив нам каюту этот пароход "Глостершир" конвоировал огромный транспорт, "Кармения", идущую в Канаду с больными и ранеными канадскими солдатами. Мы вышли из Глазко и направились в Ирландское море. Несколько сот миль нас сопровождали несколько миноносцев, а затем уже в открытом море мы шли вдвоем. Таким образом благополучно, не встретив никакого неприятеля, мы пришли в Галифакс, совершив весь переход в 10-11 дней. По прибытии в Галифакс нас встретил морской офицер-морской агент Миштовт, который заявил нам, что в Мон-Реале нас встретят представители морского Министерства Соединенных Штатов, что нам предоставлен специальный вагон, что мы являемся гостями американской нации и чтобы мы не безпокоились ни о помещении, ни о средствах передвижения, так как все это берет на себя американское правительство.

Таким образом мы прибыли в Мон-Реоль, где нам был подан вагон. Туда же прибыли представители морского министерства Штатов два офицера, которые были прикомандированы к моей миссии и которые были раньше в России, один из них Мак Кормик, пробывши в Петрограде 4-5- лет, хорошо говорил по русски. Таким образом с полным комфортом мы прибыли в Нью-Йорк и Ваншингтон. По прибытии в Вашингтон я сделал прежде всего визит нашему послу

на 57-ой стр. - Зачеркнуто "т.е", "открытия совещаний" "зачеркнуто "заседание" "переворот" "Биттн" зачеркнуто "отказ", "крейсер", вписано "военный пароход", "предложив нам каюту" "пароход "Глостершир"" - вверить.
нов. ред. Прибытка

31

Бахметьеву и морскому Министру, его помощнику, министру иностранных дел, военному министру, словом все тем лицам, с которыми мне потом приходилось сталкиваться. После обмена визитами в первые же дни официальных приемов, я выяснил, что план относительно наступления американского флота в Средиземное море был оставлен; его выполнение было невозможно в виду того, что шла перевозка американских войск на французский фронт и производить новую экспедицию на Турцию, в Дарданеллы было совершенно невозможно, хотя военные круги и говорили, что это имело бы большое значение, так как захват Константинополя и вывод Турции из состава коалиции послужили бы началом конца всей войны. Тем не менее выполнить этого было нельзя, так как весь транспорт был занят перевозкой войск на французский фронт.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Думали ли Вы лично, что форсирование Дарданелл Американским десантом может дать успех, принимая во внимание неуспех предыдущих англо-французских попыток.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Да, я считал это возможным.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Состояние американской армии, как экспедиционного корпуса, давало ли надежду.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Конечно, американская армия не была в состоянии выполнить блестяще эту задачу, но принималось во внимание то положение, что в этот момент Турция находилась в полном истощении. Американцы в этом вопросе базировались главным образом на том, что Турция не окажет сопротивления американцам, а даже пойдет навстречу. Как бы то ни было, этот вопрос бы решен отрицательно и мне оставалось выполнить только мою миссию, т.е. передать те сведения, чисто технического характера, которые интересовали американцев. Также, как в Англии я пользовался здесь полнейшим вниманием со стороны американских и главным образом морских властей. После того, как выяснилось, какую работу мне надо выполнить, и как использовать привезенные со мной материалы, мне было предложено вместе с моей миссией поехать в Нью-Порт, к северу от Нью-Йорка, известное место для летних купаний, и недалеко от которого находится морская академия. Было условлено с Министром, что мы отправимся в Нью-Порт вместе с прикомандированными офицерами, где разберем все материалы, где нам будет указано, что интересует морское ведомство Штатов. Мы уехали в Нью-Порт и там занимались недели две-три. За все это время в Нью-Порте я ни с кем не виделся, так как с утра до вечера мы все время проводили в академии и занимались работой. Мне было поручено ответить на некоторые вопросы чисто технического порядка и я занимался этим делом. Когда я закончил эту работу, я получил приглашение от морского министра познакомиться с американским флотом и непосредственно участвовать в маневрах этого флота в Атлантическом океане. Я конечно принял это приглашение вместе с офицерами. За нами пришел миноносец и мы на этом миноносце прибыли на флот, ~~стоявший в~~ Около 12 дней я плавал на флагманском корабле американского флота "Пенсильвания", участвуя в его маневрах. Американцы были чрезвычайно любезны не только в смысле внешней стороны, но и в смысле ознакомления меня с организацией маневрирования флота, управления им и т.д. Я привез оттуда чрезвычайно ценные материалы, которые теперь конечно имеют для нас только академическое значение.

По окончании я решил, что надо возвращаться домой. Я был глубоко разочарован, так как я мечтал продолжать с ею боевую деятельность, но я видел, что отношение в общем к русским тоже отрицательное, этого не замечал и не чувствовал, так как я был гостем нации и приехал в ответ на такую же миссию, которая была у нас и, которая была хорошо принята. Тем не менее я видел, что отношение Америки к русским было чрезвычайно отрицательное и

На стр. 58-ой. - Направлено „именно", вероятно, состоявший в", вписано „в Америке"

„имело" - вероятно.

Зав. Пред. Архивного Кат

оставаться там было чрезвычайно тяжело. Я сделал прощальные ви
ты; представился президенту. Я беседовал с ним несколько минут
по поводу положения в России: он расспрашивал меня относительно
слухов, дошедших в Америку, о рижских операциях, наш флот был то
вытеснен из Рижского залива. Он спрашивал б ли ли подавляющие
силы у немецкого флота и как дело обстояло раньше. Я сказал, чт
после моего ухода в 16 году была сделана громадная оборонитель
ная работа: было поставлено масса новых орудий, поставлены минны
заграждения и т.д., словом была выполнена колоссальная работа, у
ливающая позицию, но что теперь я ничего не могу сказать кроме т
го, что моральное состояние команд, что драться с ними невозможно
он сказал; вероятно, это и есть единственное объяснение". Затем я р
шил возвратиться в Россию. Я считал, что моя миссия не удалась,
что участвовать войне мне не удастся и что поэтому надо верну
ся в Россию и там искать какой нибудь работы, соответствующей мо
знаниям и способностям.

А.Н.АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Не замечали ли Вы, их в Нью-Йорке или в Ва
гтоне, что часть русского общества усиленно работала в пользу
немедленного заключения войны.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Я с этим совсем не сталкивался. Эта агитац
если она и была, должна была вестись очень осторожно, так как
американцы и все правительство страшно субсидировали эту войну,
старались всеми мерами поднять воинственный дух. Все здания был
оклеены плакатами патриотического свойства, и если такая пропага
да велась, то очень осторожно, так как иначе американцы немедлен
прекратили бы ее. Русских печатных изданий я там не видел и все
сведения приходилось получать из американских газет. Американ-
ская пресса является удивительно несерьезной в смысле непровере
ности тех сообщений, которые она дает. Первые сведения о Корнилов
ском выступлении я получил в Мон-Реале, при чем это было предста
влено в таком виде, что все уже кончено, что Корниловым взят Пе-
троград и т.д. и только через несколько дней начали получаться
другие сведения.

Из Америки я решил ехать в Европейскую Россию, дать о своей по
ездке отчет правительству и затем начать делать что нибудь. До-
вольно долго пришлось дожидаться первого парохода, который шел
из Сан-Франциска. Это был японский пароход "Карио-Мару". Я решил
ехать через крайний запад на Восток. Я выбрал этот путь, прежде
всего потому, что в это время в Финляндии уже шла борьба: начина
лись выступления Маннергейма и враждебные действия, направленные
против русских. По некоторым данным я подозревал, что Маннергейм
является немецким ставленником. Обсуждал этот вопрос, я считал, что
нельзя ехать и через Францию, а затем через Архангельск, так как
для этого пришлось бы обратиться к англичанам, мне же не хотелось
второй раз прибегать к их любезности. Поэтому оставался только
путь через Владивосток; это был к тому же наиболее скорый путь.

Я выехал из Сан-Франциско. Как раз в день моего отъезда были
получены первые сведения о большевистском перевороте 26 октября,
что Керенский бежал, правительство пало, а Петроград находится в
руках Советов. Так как этого я неоднократно читал в американских
газетах подобные же сенсации, то особого значения я этому не при-
дал, тем более, что американским газетам верить было чрезвычайно
трудно.

В Америке остался из моих спутников только один Смирнов, а
остальные четыре спутника поехали вместе со мной. Это были-спе-
циалист по минному делу -Лейтенант Безуар, мой флагманский офи-
цер Лечитский и специалист по минным заграждениям Вуич. В Сан-
Франциско перед отходом парохода я получил телеграмму на фран-
цузском языке из Петрограда от партии каде подписанную как будто
председателем комитета, где мне было предложено выставить мою
кандидатуру в Учредительное Собрание по Балтийскому и Черноморско-
му флоту. Я ответил на эту телеграмму согласие.

"Карио-Мару" держала курс на Иокогаму через Гаваи, Переход длил-
ся приблизительно 12-14 дней. За все это время я был абсолютно
отрезан от всего мира, несмотря на то, что на "Карио-Мару" была

На 59-ой стр. – Вписано „такова" зачеркнуто „с ними", зачеркнуто „заключения войны", „прекращения войны", исправлено „возможно", зачеркнуто „этого", исправлено „Вуич" „председателем", „согласием" – вверху.

Пов. Пред. Чрезвычайной Ком.

„Китти" пароход „Владимир" – вверху

Пов. Пред. Чрезвычайной Ком.

32

радио- приемная станция. Пароход был страшно перегружен и только благодаря содействию Лансинга ит знакомству в морском мире нам удалось получить места. В Иокогаму мы прибыли около 8-9 ноября. В Иокогаме я был поставлен в курс событий и получил первые сведения о положении в России. Там меня встретил наш морской агент контр-адмирал Дударов, который сообщил мне, что произошел переворот, что временного правительства не существует, и что в настоящее время существует, так называемая, советская власть, которая повидимому идет на соглашение с Германией и прекращение войны. Эти известия произвели на меня большое впечатление. Я подробно переговорил с Дударовым - можно ли верить известию о заключении мира с немцами и нет ли возможности получить более точные сведения." Вы находитесь в связи с Петроградом, в связи с Генеральным штабом, поэтому я прошу обратиться к Альфатору или к кому нибудь другому в Генеральном Штабе, который бы информировал нас о том, что произошло и в каком положении находится фронт и война. Через некоторое время, вскоре после этого получилось известие о брестском мире и переговорах. Это было для меня самым тяжким ударом, может быть даже хуже, чем уход в Черное море. Я видел, что вся ра ота моей жизни кончилась именно так, как я этого опасался и против чего я совершенно определенно всю жизнь работал. Для меня было ясно, что этот мир означает полное наше подчинение Германии, полную нашу зависимость от нея и окончательное уничтожение нашей политической независимости. Тогда я задал себе вопрос - что же я должен делать. Правительства, которое заключает этот мир, я не признаю, мир этот я также не признаю; на мне, как на старшем представителе флота лежат известные обязательства и признать такое положение для меня представлялось невозможным. Тогда я собрад своих офицеров и сказал, что предоставляю им полную свободу ехать, куда кто хочет, но я считаю возвращение мое в Россию после этого мира невозможным, что я сейчас ничего не могу решить, но поступлю так, как подскажет мне моя совесть. Обдумав этот вопрос я пришел к заключению, что мне остается только одно - продолжать все ту же войну, как представителю бывшего русского правительства, которое дало известное обязательство союзникам. Я занимал оффициальное положение, пользовался его доверием, оно вело эту войну и я обязан эту войну продолжать. Тогда я подошел к английскому посланнику в Токио сэру Грину и сказал свою точку зрения на положение, сказал что этого правительства я не признаю и считаю своим долгом, как один из представителей бывшего правительства, выполнить обязание союзникам, что те обязательства, которые были взяты Россией по отношению союзников, являются и моими обязательствами, как предстаавителя русского командования. Поэтому я считаю необходимым выполнить эти обязательства до конца и желаю участвовать в этой войне, хотя бы Россия и заключила мир при большевиках. Поэтому я обращаюсь к нему с просьбой довести до сведения английского правительства, что я прошу принять меня в английскую армию на каких угодной условиях. Я не ставлю никаких условий, а только прошу дать мне возможность вести активную борьбу. Сэр Грин выслушал меня и сказал: "Я вполне понимаю Вас, понимаю Ваше положение; я сообщу об этом своему правительству и прошу Вас подождать ответа от английского правительства. Я сказал ему также, что 2 моих офицера также смотрят на вещи, как и я и желают разделить мою судьбу; другие же у которых в России остались семьи, которые они не считают возможным бросить, желают ехать в Россию. Со мною остались Вуич и Безуар.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. В то время, как Вы приняли такое тяжелое решение поступить на службу другого государства, хотя-бы и союзного или бывшего союзным, у Вас должна была явиться мысль, что ведь существует целая группа офицеров, которые вполне сознательно остаются на службе нового правительства во флоте и что среди них имеется известные крупные величины. Как разсматривали Вы их тогда.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Я считал, что они поступают неправильно; они

На 60-ой стр. - Зачеркнуто, далее "подписало и неправильно", уход из "Черного моря", вместо "меня", неправильно, "обещание" и "обращаюсь" - верить.

Тов. Пред. Чрезвычайной Комиссии

не должны были оставаться на службе. Я не мог, конечно, развивать их всех, как людей бесчестных, но ведь большинство из них было поставлено в безвыходное положение; надо было что ни... есть.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Но ведь там были крупные офицеры во флоте, что сознательно шли на это, как например Альтфатер. Как относились Вы к ним.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Поведение Альтфатера меня удивляло, так если раньше поднимался вопрос о том, каких политических убеждений Альтфатер, то я сказал бы, что он был скорее монархистом той Альфатера было флигель-адъютантство; он к этому и шел, так имел большие связи при ставке и тем более меня удивила его перекраска в такой форме. Вообще раньше было трудно сказать политических убеждений офицер, т.к. такого вопроса до войны просто не существовало; если бы кого нибудь из офицеров с силы тогда - "к какой партии вы принадлежите", то, вероятно он сказал бы "ни к какой" партии не принадлежу и политикой не занимаюсь". Каждый из нас смотрел так, что правительство может быть каким угодно, но что Россия может существовать при любой форме правления. У вас под монархистом понимается человек, который считает, что только эта форма правления и может существовать, как conditio sine qua non. Я думаю, что у нас таких людей было мало и скорее Альтфатер принадлежал к этому типу людей. Для меня лично не было даже такого вопроса - может ли Россия существовать при другом образе правления. Конечно, я считал, что она могла бы существовать.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Тогда среди военных, если и невысказанная, то все же была мысль, что Россия может существовать при любой правительстве. Тем не менее, когда создалось новое правительство, вам уже казалось, что страна не может существовать при этом образе правления.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Я считал, что это правительство является правительством чисто захватного порядка, правительством известной партии, известной группы лиц и что оно не выражает настроений и желаний всей страны. Для меня тогда это было несомненно. Я считал, что то направление, которое приняла политика правительства, которое начало с заключения Брестского договора и разрыва с союзниками, приведет нас к гибели. Уже один этот акт, обеспечивающий господство немцев над нами, говорил за то, что это правительство действует в направлении нежелательном, отвечающем чаяниям немецких политических кругов.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. В отношении Альтфатера у Вас не являлось мысли, что он может быть назван человеком не только человеком, открыто ориентирующимся на Германию, но и карьеристом.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Я считал Альтфатера карьеристом, который считал возможным делать карьеру. Таких людей было много. Другой такой же фигурой в нашем флоте являлся Максимов. Бернс мне представлялся с другой точки зрения. Бернс был всегда убежденным германофилом: он был убежден всегда в необходимости связи с Германией и считал величайшей ошибкой наше участие в войне против нея. Это было его глубокое убеждение и с этой точки зрения он и рассматривал все происходившие события. Поэтому я понимал эту точку зрения Бернса, она могла быть объективно оправдана, так как Германия во время войны обнаружила необычайно высокую постановку дела во флоте. Так как вся военная литература, все военные изследования были немецкими, то вполне понятно, что он находился под влиянием немецкой военно-морской школы. Поэтому, я вполне понимаю, что германский империализм, который сказался и в области знания и точной науки, несомненно, имел на него влияние. Я совершенно не отрицаю, что он находился под сильным влиянием этой школы, т.к. вся литература, вся работа в этой области шли из Германии. Это в такой же мере сказывалось и в военном деле, в какой сказывалось и в области техники и технической промышленности.

На 61-ой стр. - зачеркнуто „но", исправлено „принадлежал", вписано „не", зачеркнуто „ставку", надписано „постановку" - верить

Тов Пред Чрезвычека

83

Недели через две пришел ответ от военного Министерства Англии. Мне сначала сообщили, что английское правительство охотно принимает мое предложение относительно поступления на службу в армию и спрашивает меня, где я желал бы предпочтительно служить. Я ответил, что обращаясь к ним с просьбой принять меня на службу в английскую армию, не ставлю никаких условий и предлагаю использовать меня, как они найдут это возможным. Что касается того, почему я выразил желание поступить в армию, а не во флот, то я знал хорошо английский флот, знал, что английский флот, конечно, не нуждается в нашей помощи; кроме того, флоту гораздо меньше нуждается во внешнем пополнении, так как если корабль гибнет, то он гибнет вместе со всем экипажем. Затем, на что же я мог бы претендовать, идя во флот. Я был командующим флотом в Черном море, я бы пошел на какие угодно условия, но сами англичане, которые меня хорошо знают, были бы в ложном положении. Если бы я был молодой офицер, то меня могли бы назначить на какой нибудь миноносец, но тут создавалось нелепое положение. Вот почему я подчеркнул, что желаю идти в армию хотя бы простым солдатом.

Таким образом, на запрос английского Военного Министерства я ответил, что у меня нет ни претензий, ни желаний, кроме одного - возможности участвовать активно в войне. Наконец, очень поздно пришел ответ, что английское правительство прдлагает мне отправиться в Бомбей и явиться в штаб Индийской армии, где я получу указание о своем назначении, на Месопотамский фронт. Для меня это, хотя я и не просил об этом, было вполне приемлемо, так как это было вблизи Черного моря, где происходили действия против турок и где я вел борьбу на море. Поэтому я охотно принял это предложение и просил сэра Ч. Грина дать мне возможность проехать на пароходе в Бомбей.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Встречались ли Вы в Японии с русскими оффициальными кругами.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Да, я встречался там с Крупенским, Игнатьевым и вообще говорил со всем составом посольства.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Как смотрел Крупенский на политическое положение в России и было ли у него колебание в отношении правительства большевиков.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. У всех, кого я только видел, отношение к этому правительству, было отрицательное; они определенно этого правительства не признавали, не отвечали на его требования, которые поступали и т.п. При мне должен был приехать новый представитель советской власти и вступить в исправление обязанностей посла, но Японское правительство его не допустило. Таким образом, положение наших послов внешне осталось как бы без перемен, но по существу они не были авторизированы никакой властью, существовали как бы по инерции по старым кредитам, которые еще существовали, С ними считались как с представителями Великой Державы и таким образом все шло по старому.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Но ведь догда для оффициальных русских круров вопрос об отношении к правительству должен был встать хотя бы в грубой материальной форме.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Вопрос этот они решали таким образом: они существуют, пока существуют средства, отпускавшиеся для посольств. Средства эти получались от Князя Кудашева, который получал крупные рессурсы от Боксерской контрибуции. Из это суммы можно было содержать местные посольства, но конечно, можно было ожидать, что китайцы откажутся выплачивать эту котрибуцию и посольства тогда должны будут закрыться. Я помню Крупенский новорил, что в таком случае он закроет посольство, сдаст его под охрану, а сам уедет частным человеком.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Этих средств хватало только на содержание восточных посольств и местных консульств, или их хватало и на содержание всего дипломатического корпуса?

1-ый экз. - зачеркнуто „кредитам", надписано „кредитивам", зачеркнуто „еще" - вверху.

тов. Пред. Прибыла

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Я боюсь точно сказать, знаю только, что на Востоке посольства существовали на эти средства. Что касается Американского посольства, то Нахметьев располагал огромными средствами и во всяком случае Американское посольство в этой помощи не нуждалось.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Но ведь для Крупенского и официальных русских кругов в Японии было ясно, что смененное большевистским правительством правительство Керенского также не удовлетворяло требованиям момента и смены этого правительства они желали и раньше. Какого же правительства они хотели?

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Они желали, чтобы это правительство было авторизировано Учредительным собранием. Общее мнение всех лиц, с которыми мне приходилось сталкиваться, что только авторизированное Учредительным Собранием правительство может быть настоящим, но то Учредительное Собрание, которое мы получили здесь, которое было разогнано большевиками и которое с места запело интернационал под руководством Чернова, вызвало со стороны большинства лиц, с которыми я сталкивался, отрицательное отношение. Считали, что оно было искусственным и партийным. Это было и мое мнение. Я считал, что если у большевиков и мало положительных сторон, то разгон этого Учредительного Собрания является их заслугой, что надо поставить им в плюс. Все считали нужно новое правительство, но что для этого прежде всего необходимы голоса самой страны. На большевистскую власть смотрели как на захват власти известной группой, которая не спрашивала согласия страны, не спрашивала желает ли страна этой власти. Считали, что если такие события произошли, то по всей вероятности, они будут вынуждены прибегнуть к Учредительному собранию или другому представительному органу, который их или этих авторизирует или назначит другой орган. Таким образом, их к правительству большевиков и к Учредительному собранию, которое было разогнано большевиками, отношение было отрицательное.

На 63-ей стр. - исправлено, Американского - верно.

Тов. Пред. Трибунала Катай

Верно: Тов Пред Трибунала К Попов

34

Опрос бывшего Верховного Правителя Адмирала Колчака, снятый 28 января 1920 г. Чрезвычайной Следственной Комиссией в составе Тов Председателя К.А Гонова и членов Алексеевского и Демкина.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Вчера мы остановились на Вашем отъезде по приглашению английского правительства в Месопотамскую армию.

Адм. КОЛЧАК. Этими переговорами с английским послом в Токио, сером Грином, исчерпываются у меня все встречи более или менее серьезные, которые я имел за время своего первого пребывания в Японии. Я почти нигде не бывал и виделся только с членами посольства и с членами нашей военной и морской миссии. В конце концев мне удалось в 20-х числах января, после долгих ожиданий уехать на пароходе из Иокогамы в Шанхай, куда я прибыл в конце января. ~~В конце января~~ В Шанхае я явился к нашему Генеральному Консулу Гроссу и английскому консулу, которому включил бумагу, определяющую мое положение; я просил его содействия устроить меня на пароходе и доставить меня в Бомбей в Штаб Месопотамской армии. С его стороны было сделано соответствующее распоряжение, но пришлось долго ждать парохода. Когда пароход пришел, на нем обнаружилась чума, его задержали, дезинфецировали и наконец мы собрались выехать ~~на~~ из Шанхай, Гонг-Конг, Сингапур, Коломбо в Бомбей. Из Шанхая я выехал в Феррале, ибо там пришлось три или четыре недели ждать парохода. Перед отходом моим я получил письмо от нашего посланника князя Кудашева, который был в Пекине, с просьбой приехать к нему по весьма важному делу для переговоров с ним. Я ответил, что если бы это было раньше, я бы мог заехать в Пекин, но теперь я никоим образом не могу изменить своего движения и извиняюсь, что теперь приехать не могу. Затем еще в Шанхае я впервые встретился с одним из представителей Семеновского вооруженного отряда. Это был казак, сотник Шевченко, который ехал через Пекин, был у нашего посланника, затем поехал в Шанхай и в Японию с просьбой оружия для отрядов Семенова. В гостинице, где я остановился, он встретился со мною и сказал, что в полосе отчуждения произошло возстание против советской власти, что вотглаве восставших стоит Семенов, что у него сформирован отряд в 2000 человек и что у них нет оружия и обмундирования, и вот он послан в Китай и Японию просить о предоставлении ему возможности и средств закупить оружие дляотрядов. Он меня спрашивал, как я отношусь к этому ? Я ответил, что как бы я ни относился, но в данный момент я связан известными обязательствами и изменить своего его решения не могу. Он сказал, что было бы очень важно, если бы я приехал к Семенову поговорить, так как нужно, чтобы я был в этом деле. Я сказал:" вполне сочувствую, но я дал обязательство, получил приказание от английского правительства и еду на Месопотамский фронт. С своей точки зрения я считал безразличным, буду ли я работать с Семеновым или в Месопотамии, я буду исполнять свой долг по отношению к Родине. В разговоре с нашим агентом я советовал дать средства на приобретение оружия, но средства эти не были даны Шевченко, ~~он~~ он, ~~уехавши~~ уехать в Японию, ~~уже~~ получил согласие от Японского Генерального Штаба на то, что помощь оружием будет ему оказана. И действительно, японцы послали известное количество оружия, патрон и т.д. Вот самое крупное, что было за время моего пребывания в Шанхае.

Из Шанхая я уехал на пароходе в Сингапур. В Сингапуре ко мне прибыл Командующий войсками генерал Ридаут приветствовать меня, передал мне срочно посланную в Сингапур телеграмму от директора Intelligens Departament Осведомительного Отдела Военного Генерального Штаба в Англии. Телеграмма эта гласила так: английское правительство, приняв мое предложение, тем не менее в силу изменившейся обстановки на Месопотамском фронте - потом я узнал, в каком положении дело, но раньше я не мог этого предвидеть - считает в виду просьбы, обращенной к нему со стороны нашего посланника князя Кудашева, что будет полезно для общего ~~дела~~ союзни-

стр. - Вместо „возстание", „Семенову" неправильно „и" „уехать" „полезно" - вставить.

Пов. пред. Иркутска Квай

ческого дела, чтобы я вернулся в Россию, что мне рекомендуется ехать на Дальний Восток, начать там свою деятельность и это с их точки зрения является более выгодным, чем мое пребывание на Месопотамском фронте, тем более, что там обстановка совершенно изменилась. Я сделал уже больше половины пути, это меня поставило в чрезвычайно тяжелое положение: прежде всего материально - ведь мы все время путешествовали и жили на свои деньги, не получая от английского правительства ни копейки, так что средства у нас подходили к концу и такие прогулки нам были не по средствам. Я тогда послал еще телеграмму с запросом, что это-приказание или только совет, который я могу не исполнить. После этого была срочная телеграмма с довольно неопределенным ответом : английское правительство настаивает на том, что мне лучше ехать на Дальний Восток и рекомендует мне ехать в Пекин в распоряжение нашего посланника князя Кудашева. Тогда я увидел, что вопрос у них решен. Подождавши первого парохода я выехал в Шанхай, а из Шанхая по жел. дороге в Пекин. Это было в мае или апреле 1918 г. В Пекине я явился к нашему посланнику князю Кудашеву, показал ему все документы, какие я имею и на основании которых я действую и сказал ему : " я прислан в Ваше распоряжение, какую Вы миссию предполагали возложить на меня?" Он мне ответил: " я сам настаивал, что Вам делать на Месопотамском фронте, тем более что там русских частей нет. Там были русские части, которых англичане поддерживали известным образом и они вместе с англичанами дрались против турок, но теперь эти русские части бросили фронт и этим объясняется их распоряжение". Вот каковы были мотивы распоряжения Intelligens Departament . Князь Кудашев дальше мне сказал вот что: " против той анархии, которая возникает в России, уже собираются вооруженные силы на юге России, где действует добровольческая армия генерала Алексеева, генерала Корнилова - (тогда еще не было известно о его смерти) - ~~что~~ необходимо начать подготовлять Дальний Восток к тому, чтобы создавать здесь вооруженную силу, для того чтобы обеспечить порядок и спокойствие на Дальнем Востоке. Для этой цели Кудашевым очевидно раньше был разработан этот вопрос таким образом, что в полосе отчуждения Китайской Восточной ж.д. на средства этой дороги, которые предназначались ранее для отдельного корпуса пограничной стражи, которая охраняла ж.д., положить основание вооруженной силы в полосе отчуждения сначала под видом охраны этой полосы отчуждения, а затем, когда эти войска будут обучены и подготовлены, двинуть их за пределы китайской полосы на Владивосток или куда нибудь. О Семенове там было известно, что Семенов действует своим отрядом, который поддерживается и материально и оружием, и деньгами японцами, что этот отряд пока особого успеха не имеет, он действует на границе Манчжурии, вблизи Забайкальской области, до полосы Манчжурской границы, что у него ожидается приход добровольцев, которые увеличат вооруженные силы и таким образом можно ожидать, что впоследствии этот отряд выльется в большую вооруженную силу. Я спросил, какие у меня будут взаимоотношения с Семеновым, у которого есть приоритет. Он сказал, что Семенов действует в Забайкалье, а мне дается задача работать в полосе отчуждения, Вост. Кит. ж.д. при чем он прибавил: " конечно, Вам придется войти с Семеновым в компромисс, мне хотелось бы, чтобы Вы взяли на себя заведывание суммами, которые распределяются хаотически : нужно, чтобы эти деньги шли через определенные руки, через Вас. Мне известно, что англичане и французы поддерживают отдельные отряды и формирования, которые образовались в Харбине, но все это делается без всякого плана, отряды эти самочинные, не подчиняются никому, зависят от тех иностранцев, которые им дают деньги и происходит полный хаос. Нужно постараться этот хаос привести в порядок." Я сказал, что займусь этим делом, но прежде всего мне хотелось бы знать, на какие средства и в каком масштабе я могу вести эту работу. Князь Кудашев мне сказал: " у нас теперь чрезвычайно тяжелое положение с Восточно-Китайской ж.д.: в виду того положения, которое создалось в России, китайцы обнаруживают тенденцию захватить эту дорогу в свои руки. Дорога в сущности говоря русская, хотя деньги и акции большею частью находились в Государственном Банке и

На обор. - Вписано "со", "Вост. Кит. ж.д.", зачеркнуто "что" - вверить.
Пов. пред. Иркутска. /Кап/

35

только часть их находилась сначала в Русско-Азиатском Китайском, а потом в Русско- Азиатском Банке, в ней заинтересованы непосредственно русские и французы, но китайцы хотят воспользоваться этим положением и забрать эту дорогу, - придется вести борьбу. Так как правление Восточно-Китайской ж.д. было в Петрограде и большая часть его членов остались там, но он мне сообщил, что Хорват считает необходимым образовать правление Восточно-Китайской ж.д., которое бы уже получило возможность там так или иначе осуществлять свои русские интересы. Вслед затем он сообщил, что план будет выработан и попутно выяснится вопрос о моей деятельности в полосе отчуждения. Вскоре в Пекин прибыл Хорват, Путилов, Гойер, с Хорватом еще прибыли несколько высших представителей ж.д. и Русско-Азиатского Банка и их уполномоченный Славута, затем Директор Отделения Азиатского Банка - одним словом лица из состава представителей ж.д. и Русско-Азиатского Банка. Хорват мне сказал, что он совершенно согласен с тем взглядом, который был высказан князем Кудашевым: прежде всего нужно оформировать мое положение, чтобы я мог в полосе отчуждения явиться лицом определенным, чтобы я вошел как член правления в состав Правления ж.д.. Там в составе правления этой дороги всегда был член правления по назначению Генерального Штаба, который ведал военно-стратегической стороною ж.д. и ее охраны. Я не помню, кто там был раньше, это был офицер Генерального Штаба, теперь же они предполагали меня просить о том, что я должен был занимать совершенно определенное официальное положение. Затем было собрание у князя Кудашева с китайскими представителями, которые по уставу должны были входить в состав правления, и совместно было образовано Правление Китайской ж.д. под председательством Хорвата. Я вошел в это Правление, как военный член согласно уставу. Так что с формальной стороны все было сделано правильно. Туда же вошел и Устругов, с которым я впервые тогда познакомился, князь Кудашев туда не входил, так как он как посланник не мог войти.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. В числе лиц этого совещания был и Сталь ?

Адм. КОЛЧАК. Он был в Пекине, но в Правление не входил.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Он был как бы юрисконсультом ?

Адм. КОЛЧАК. Нет, он не участвовал, акт этот составлял помощник Гойера, я видел его, несколько раз с ним говорил, но участия он не принимал, Все эти лица продолжали заниматься разбором различных дел, в которых я не принимал участия, а я вместе с нашим агентом Татариновым занялся разработкой формирования в полосе отчуждения, составлял сметы и затем я ставил вопрос, где же достать оружие. Единственно, откуда представлялась возможность получить вооружение, была Япония, потому что английское и французское правительства тогда фактически, в лучшем случае, могли поддерживать только деньгами такое предприятие, но ни одной винтовки, ни одного патрона и пулемета дать не могли, это могла дать только Япония. Поэтому я на одном из частных собеседований с князем Кудашевым и Хорватом сказал, что я считаю необходимым сейчас просить Японию об отпуске нам под те суммы, которые находятся в распоряжении ж.д. или каким нибудь другим путем, но прежде всего на о известное оружие получить, потому что раз мы не будем обеспечены оружием, то формирование вооруженной силы явится невозможным. Тогда князь Кудашев предложил мне поехать к японскому посланнику Сайдо, которому я, не скрывая ни цели, ни смысла всего происходящего, все изложил и сказал, что весь вопрос заключается в оказании нам помощи оружием, я прошу снестись с правительством, какое оружие и в каком размере Военное Министерство Японии могло бы отпустить на предполагаемое формирование войнских частей, и что с моей стороны желание сводится к тому то,- и дал список. Затем ко мне прибыл Попуда и я с ним,

На об-ой стр. - Зачеркнуто „свои", вписано „что", исправлено „вооружить", исправлено „что должен был занимать", вписано „быть", „могли", „другая", „и" - вписаны.

тоже обсуждал этот вопрос. При переговорах с Поцудой относительно оружия, он сказал, что будет телеграфировать об этом в Генеральный Штаб и что в Харбине имеется японская миссия с генералом Накашиме во главе и было бы хорошо, если бы я с ним столковался. Он сообщил, что они Семенову передали довольно много оружия и что, вероятно, на известных условиях Япония согласится и нам дать вооружение. На этом мы покончили все дела и переговоры в Пекине и я уехал в Харбин.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Образование нового Правления не вызвало ли сомнения в самих участниках совещания с точки зрения его образования ? Ведь в сущности говоря, было действительно старое Правление, а тут как бы самочинно образовывается новое Правления, при чем из старых членов Правления было только два китайских представителя, Хорват и Путилов, - больше никто не оставался из всех остальных лиц. Таким образом четыре члена, 2 русских и 2 китайских выбрали приблизительно 12 человек и самих себя.

Адм. КОЛЧАК. Нет, там было всего 7 или 8 членов. Вопрос стоял таким образом : Правления нет и если мы Правления не образуем, то китайцы возьмут дорогу в свое распоряжение. Но китайское правительство не возражало против этого, а оно могло бы легко возразить, это делалось совершенно открыто. Один член Правления был губернатором Гиринской провинции.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Значит выясняется, что в сущности главным лицом и инициатором всего этого предприятия в смысле образования нового Правления Восточно-Китайской ж.д., с созданием не только Управления дороги, но и администрации территории в полосе отчуждения , с созданием учреждения, которое ставит себе целью борьбу с большевизмом, был в сущности князь Кудашев?

Адм. КОЛЧАК. Я думаю, что князь Кудашев и Хорват .

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Какие нибудь переговоры по этому поводу с посланниками в Пекине были ?

Адм. КОЛЧАК. Франция была заинтересована и князь Кудашев говорил тоже самое, что французы в общем относятся недоброжелательно к этому предприятию, они считали, что они имеют право тоже вмешательства в эти дела, но кн. Кудашев как то уладил это дело. В это время происходила смена посланника. Приехал Боб, старый посланник куда то уезжал, и Кудашеву удалось уладить трения, которые происходили с этой стороны. Все же нам препятствия они не ставили.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. А английские дипломатические круги в Пекине имели какое нибудь отношение к этому ?

Адм. КОЛЧАК. Нет, ни английские, ни американские , ни японские круги не имели к этому никакого отношения и с их стороны никаких вопросов не возникало. После всех переговоров я выехал в via Мукден на Харбин. Это было в начале или половине апреля по новому стилю. Прибывши в Харбин я прежде всего , не вступая в должность свою около 10 дней старался присмотреться к тому положению, которое создалось по всей линии отчуждения ж.д. и изучить ту обстановку, которая сложилась на Дальнем Востоке и обстановку военную прежде всего. Как раз во время этого приезда там находился отряд Семенова, который вел активные операции против большевиков и довольно успешно, т.е. ему удалось оттеснить противника за р. Онон, но Ононский мост был взорван красными частями и это остановили движение Семеновского отряда и дальше он не пошел. Это было положение у Семенова в полосе от Читы до станции Оловянная. Средства Семенов получал главным образом от японской военной миссии в смысле вооружения, денег, снабжения, а отчасти ему помогал Хорват из тех запасов, которые на-

На 67-ой стр. - вписано, и зачеркнуто, исправлено, удалено, зачеркнуто "по", надписано, заново - внесено Пред. Чрезвычайной Комиссии

36

ходились в полосе отчуждения ж.д. и принадлежали бывшей там страже этой дороги. В первые же дни мне было совершенно ясно, что Семенов действует не считаясь с Хорватом, ни с его распоряжениями широко применяя в полосе отчуждения ж.д. реквизиционную систему, т.е. просто забирая все, что можно. Семенов реквизировал все железнодорожное имущество, приставлял револьвер ко лбу и все выносилось. Хорват противился этому, но он не слушался. К этому времени у него явилась идея милитаризации ж.д. с тем, чтобы на ней было военное Управление. Я говорил об этом с Хорватом и Устругова и сказал, что я не верю в возможность милитаризации дороги, потому что здесь нет даже достаточно людей для того, чтобы взять дорогу в военные руки, а отряд Семенова не содержит в себе тех элементов, которые бы взяли это дело. Я говорил, что эта милитаризация для в моих глазах будет то же самое, что и социализация, т.е. эта дорога перестанет работать, что нужно держать тех техников и служащих, которые работали на этой дороге раньше и базироваться на существующем техническом персонале, но не допускать возможности военного управления дорогой. Таково было мнение Устругова и Хорвата и этот проект не получил осуществления по крайней мере в полосе отчуждения. Затем на другом конце ж.д. около станции Пограничная находился другой маленький отряд не более 70-80 человек есаула Калмыкова. Этот отряд образовался самостоятельным путем, независимо ни от кого, собралась группа офицеров, к нейпримкнули уссурийские казаки. Этот маленький отряд находился около станции Пограничной, и как я вскоре убедился он пользовался поддержкой в смысле оружия со стороны Японии. Кроме того Семенова поддерживали усиленно французы и представители военной французской миссии передавали ему известные средства. Англичане держались несколько другого положения. Кроме этих двух конечных отрядов по концам дороги - Калмыков пока еще ничего не делал - в самой полосе отчуждения в Харбине, главным образом находились следующие воинские части: отряд полковника Орлова числе сотью примерно в 1000 чел., затем отряд Полковника Маковкина, состоящий из китайских добровольцев. Это была небольшая часть, в которой было человек 400. Затем было несколько, независимо от Орлова и Маковкина, формирования на ст. Эхо - 200-300 верст от Харбина, артиллерийский отряд охранной стражи Китайской ж.д., куда принимались добровольцы, в нем было человек 600-700 стражи или даже меньше. Чисто железно-дорожными силами командовал ген. Самойлов. Плешков занимал в это время положение как бы командующего войсками с большим Штабом; они начали с формирования больших Штабов, не имея никакой вооруженной силы. Все эти вооруженные отряды никому и ничему не подчинялись и правление Плешкова было чисто номинальное. Они сносились с Штабом по своим нуждам с требованием денег, снабжения и вооружения, но когда дело доходило до каких нибудь распоряжений, исходящих от Штаба, они не желали их выполнять. Нужно сказать, что все эти отряды образовались как то стихийно самостоятельно, никто из них определенными планами не задавался и поэтому лица, которые стояли во главе таких отрядов, были совершенно независимы и самостоятельны, тем более, что иностранцы поддерживали Семенова и Калмыкова, англичане поддерживали немного Орлова - это единственное, что англичане делали и поддерживали только главным образом материально, потому что оружия у них не было. Французы присылали немного оружия Семенову, но мало. Американцы никакого участия ни в чем не принимали.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Отряд Маковкина, состоящий из китайцев, тоже предназначался для борьбы с большевиками, а не для охраны ж.д. дороги ?

Адм. КОЛЧАК. Нет, считалось, что китайцы вообще не будут участвовать, этот отряд предполагали для охраны дороги, потому что на китайцев смотрели так, что они вообще драться не будут и на них надеятся нельзя. На них смотрели, как на возможность

изъятия русских от охраны ж.дороги, но считали, что они дальшей этой дороги не пойдут.

Все эти отряды возникли совершенно самостоятельно, поэтому они ~~сообразовывали свои действия~~ почти независимо от кого бы то ни было, подчинялись только своим начальникам, а Штабу предъявляли одни только требования в смысле материального снабжения, деньгами и т.д. Что меня очень печалило с самого начала - это глубокая рознь между Орловским отрядом и Семеновским. Они участвовали еще до меня в совместных действиях, но эти совместные действия привели к разрыву и осложнениям между Семеновым и Орловым и дело дошло до того, что Орловцев невозможно было двинуть на фронт вместе с Семеновцами. Таковы отношения были между отрядами Калмыкова и Вращеля, Конная часть Орловского отряда, которая была образована, и была в это бремя на Семеновском фронте, но готовилась оттуда уйти, потому что она свою задачу считала законченной. Эта часть в размере экскадрона с двумя орудиями и с пулеметами действовала на Семеновском фронте, но там тоже все время шли трения и было желание у этих отрядов выйти из подчинения Семенову.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Каковы были причины этих трений ?

Адм. КОЛЧАК. Я думаю, что они лежали в характере русских людей, совершенно утративших в это время всякое понятие о дисциплине. "Никому не желаю подчиняться, кроме самого себя, поэтому каждое распоряжение, которое давал какой нибудь начальник, всегда резко критиковалось, считалось, что оно безсмысленно и возбуждались безсмысленные жалобы на то, что нас мол заставляют драться, а своих берегут и т.д. Вот это все привести в порядок и заставить отряды объединиться, ~~была моя задача, чтобы~~ подчинить их одной власти. ~~была моя задача~~.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Вы лично в Харбине встретились с и Орловым ?

Адм. КОЛЧАК. Да.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. А раньше Вы этих военных людей знали ?

Адм. КОЛЧАК. Нет, я впервые раз их видел и узнал, что Орлов был в армии все время, что касается Семенова и Калмыкова, то я их никогда не видал.

Политическое положение определялось следующим образом: политическую организацию в Харбине составлял Дальне-Восточный Комитет. В нем, Харбине, было Управление Восточно-Китайской ж.д. и находилось то, что называло себя правительством и жило в вагоне - это так называемой правительство Дербера, в которое входил и Устругов. Оно, дальневосточный комитет, состояло преимущественно из представителей торгово-промышленного класса на Востоке.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Но Вы повидимому группу Дербера не совсем точно называете правительством, правительством она называла себя позднее, а до этого времени она называла себя Восточным Комиссариатом.

Адм. КОЛЧАК. Они называли себя правительством Дербера. Вскоре после этого оттуда вышел Устругов, все посты у них были распределены. Краковецкий был Военным Министром. Жили они в вагонах, предоставленных им Хорватом. Их деятельность ни в чем не сказывалась, я ни разу не сталкивался с ними ни в какой области, хотя мы жили рядом и стояли на смежных ветках. ~~Министерские посты были у них все распределены~~, они не делали никаких выступлений, а жили, как частные лица и повидимому ни во что не вмешивались и никаких претензий ни на что не заявляли.

На 69-ой стр. - зачеркнуто "но", надписано "и считали, что", зачеркнуто "сообразовали свои действия", надписано "действовали", зачеркнуто "было моя задача", "Харбине" зачеркнуто "нем", надписано "дальневосточный комитет". Зачеркнуто "были у них все распределены" - вверху тов. Пред. Чрезвычайной Комиссии

37

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. А Дальне-Восточный Комитет обнаруживал известную деятельность ?

Адм. КОЛЧАК. Очень слабую, она стремилась к известному поддержанию этих отрядов, кое какие средства они давали. Дальне-Восточный Комитет проявлял чрезвычайно малую и слабую политическую деятельность, они у меня бывали, но это были только разговоры, а дела они никакого не делали. Что же касается гражданской власти, то на полосе отчуждения была восстановлена та власть, которая раньше там существовала. Там была администрация в руках гражданского управления в полосе отчуждения ж.д.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Там был установлен член Директор-Распорядитель при Управлении дороги, который стоял во главе Правления этой дороги?

Пов.ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Политическую работу они начало вести уже вновь организовавшееся Правление ?

Адм. КОЛЧАК. Да, другого органа не было .

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Каковы были взаимоотношения между Хорватом, который являлся как бы главою правительства, фактически существующего на полосе дороги с Дальне-Восточным Комитетом и с Группой Дербера.

Адм. КОЛЧАК. Что касается Группы Дербера, то Хорват считал так : " было бы неудобно выбросить их на улицу, они просили у меня возможности жить, я дал им вагон и я смотрю на них, как на частных лиц". Он им покровительствовал, как частным лицам, не смотря на то, что они претендовали на какое то звание членов правительства. Я думаю, что отношение этого Правления было такое же, как и отношение Хорвата. Когда обсуждался вопрос о создании какой нибудь власти на полосе отчуждения, то я и некоторые другие заявляли совершенно определенно, что никакого правительства и определенной власти создать в полосе отчуждения нельзя, потому что в конце концов территория не русская и китайцы могут попросить убраться это правительство вон, если бы таковое объявилось. Дело в том, что положение полосы отчуждения было очень серьезное со стороны китайцев, китайцы уже чувствовали себя хозяевами положения. Я заметил резкое измение великолепных отношений, с которых когда я приехал в Харбин, они взяли совершенно другой тон и другое направление. Я думаю, что Дербер и его сотрудники потому не объявили себя правительством, что это вызовет конфликт с китайцами. В полосе отчуждения можно было только держаться строго условий, которые были поставлены между правительствами, но что выходило из этих рамок, могло привести к крайне нежелательным последствиям.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Но тогда не возникали у Вас опасения, что в конце концов с Группой Дербера придется столкнуться, как с политическим противником и как с претендентом на то же самое, на что Управление Восточно-Китайской ж.д. претендовало ?

Адм. КОЛЧАК. Нет, какая же это правительственная власть ?

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Ведь по существу правление было началом правительственной власти, юридически это не могло быть заявлено по тем соображениям, какие Вы высказали, но по существу раз это была организация, которая думала создать военную силу и эту военную силу определенным образом наладить для борьбы с большевиками и отнимать у большевиков территорию, то ясное дело, что эта военная сила подчинялась бы каким то директивам правления и она подчинялась бы этому правлению до известного момента и на территории полосы отчуждения и на той территории, которая была бы отнята, начиная с полосы отчуждения. Таким образом это был за-

На 9-ой стр. - Зачеркнуто „этих", вписано „их", исправлено „преследовали", зачеркнуто „этого", надписано „всего", вписано „второго" вписано „Правлений" исправлено „для борьбы" - верно

Нач. Пред. Кравцева

родыш власти, это была власть, но формально ей не было присвоено с самого начала никакого наименования. Но рядом здесь же на рельсах стоит полный состав претендентов. Для меня непонятно, каким образом со стороны Хорвата было такое великодушие, такое laissez faire ?

Адм. КОЛЧАК. Хорват не придавал на формирование власти, он к этому вопросу относился безразлично, потому что он группу Дербера не считал серьезной, у этих претендентов не было ни денег, ни вооруженной силы, следовательно это была группа лиц, которая могла себя назвать как угодно, но практически она ни располагала никакими средствами, и со стороны иностранцев никаких отношений к ней заметно не было.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Я думаю, что полезно было бы слышать от Вас соображения о финансовом положении: какие средства были отпускаемы ~~для этого~~ , в каких размерах и каковы были источники возобновления этих средств.

Адм. КОЛЧАК. Я не был посвящен и не входил во все финансовые рессурсы, у меня было условие с Хорватом, что я буду ежемесячно представлять ведомость и по его распоряжению средства выдавались Начальнику Штаба из Русско-Азиатского Банка в Харбине. Приблизительно ежемесячный расход достигал у меня одного миллиона рублей в месяц, которые мне выдавались по моему ордеру. Эти деньги шли на содержание всех отрядов, кроме семеновского и калмыковского.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Знали ли Вы, каковы рессурсы Правления и на что Вы можете расчитывать ?

Адм. КОЛЧАК. Мне Хорват сказал, что я могу расчитывать на средства в пределах одного миллиона рублей в месяц, эта сумма тогда приблизительно отвечала существовавшей потребности.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Здесь возникает вопрос, если бы дело шло успешно главным образом на добровольческих началах, если бы было много желающих поступить добровольцами; то как бы Вы отнеслись к этому и до какого состава Вы бы могли бы дойти в формировании новых отрядов ?

Адм. КОЛЧАК. До состава ~~того~~ корпуса пограничной стражи, ~~которая находилась в~~ полосе отчуждения, а средства для этого корпуса у дороги были. Эти средства шли не только на содержание отрядов Маковкина и Орлова, но я еще вел заготовку по интендантской части, закупку лошадей, обслуживание и приведение в порядок казарм,- все это требовало около I миллиона рублей, содержание же самих отрядов требовало гораздо меньше.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Хотя корпус был и неполон, но все таки по разверстке достигал повидимому до 20 тысяч человек ?

Адм. КОЛЧАК. Да эта цифра могла бы отвечать той задаче, которую мы себе ставили. Если бы в дальнейшем потребовались бы средства, то Хорват сказал, что они найдутся. Из 20.000 чел. предполагалось 5.000 китайцев оставить для охраны дороги, а I5.000 отнести в действующие части.

После отрядов полковника Орлова и Маковкина и артиллерийской части, которая там формировалась, ко мне начали являться другие лица с просьбой формировать новые части, я им отказывал, потому что новых отрядов не к чему было создавать. Приток добровольцев был очень велик и я приступил к вопросу о мобилизации в полосе отчуждения, которая бы могла дать I0.000 чел. в пределах 5 верст, преимущественно молодых, начиная с самых ранних. По этому поводу велись работы, но осуществить эту мобилизацию так и не удалось.

Вот общая картина, которую я застал по прибытии в Харбин.

На II-ой стр. вместо "никакого отношения", зачеркнуто "для этого", "него", "которая находилась в". Описка. Кр. раб. ред. - Берлин.

Тов. пред. Чрезвычайной Комиссии

38

Прежде всего мне хотелось выяснить свои взаимоотношения с Семеновым. Мне докладывали, что Семенов никому не подчиняется, что он будет действовать на свой страх, самостоятельно и независимо. Я сказал, что я не претендую на то, чтобы командовать им, но что должно быть какое нибудь согласование, нужно определить операционную зону и какая то связь должна существовать; об этом я считал необходимым переговорить с Семеновым и поехать к нему. Перед этим я несколько раз беседовал с главою японской военной миссии генералом Накашима, Генерал Накашима выслушал мои пожелания относительно размера тех частей, которые я предполагал здесь развернуть, представил ему все сведения о помощи, которую я просил у Японии для содержания этих частей. Он сказал, что так много они не в состоянии дать, так как что мы имеем огромнейшия средства во Владивостоке, когда Владивосток будет в наших руках, нам будет легче, чем у нас слишком мало сил, чтобы задаваться такими широкими проектами и он обязуется предоставить сколько нам нужно пулеметов, материалов и т.д.. Затем он неожиданно говорит:" какие Вы компенсации можете предоставить за это?" Меня чрезвычайно удивил этот вопрос, потому что я в сущности говоря я не являлся лицом, которое могло бы говорить о компенсациях, я смотрел на оружие, как на заем, потому что Хорват платить за это оружие. Я - говорил я - вовсе не прошу этого оружия как милости: если у Вас есть оружие, то продайте мне, дорога платит за него, потому что я все равно должен создавать охрану дороги, оружие нужно, и дорога вынуждена будет это оружие приобретать. Он сказал, что денежный вопос его совершенно не интересует. Я говорю: " какие я, явившийся сюда офицер, член Правления дороги, могу Вам компенсации предоставлять? кем я уполномочен на это? Я обращаюсь к Вам и смотрю на это как на заем; если Вам нужно обезпечение, то Хорват даст обезпечение ценностями дороги. Я прошу у Вас так немного, какие тут могут быть компенсации? Вы знаете, что Россия может компенсировать что угодно, но я не могу вести с Вами переговоры, я никем не уполномочен." Затем я обратился к нему с просьбой: "задача наша заключается в том, чтобы объединить эти части, такими как иначе друг без друга они работать не могут; и я хотел бы, если Вы даете Семенову оружие и деньги, то нельзя ли это делать через один источник, хотя бы через Хорвата, чтобы Хорват мог бы распределять те средства, которые из вне получаются для вооруженных сил, более правильным образом?" Затем я сказал, что я считаю, что такая непосредственная помощь начальникам отдельных отрядов есть главная причина недисциплинированности и неподчинение этих частей, все они чувствуют себя независимыми и согласовать действия отдельных частей при таких условиях невозможно." Я думаю, Вы, как военный, это понимаете и прошу Вас, если Вы предполагаете какие нибудь средства давать, делать это не непосредственно, а через Хорвата, хотя бы и под Вашим контролем". Вот разговор, который у меня был с генералом Накашима. Он меня спросил: " Вы к Семенову поедете?" -"Да, я поеду, я хочу с ним договориться о том, какие у нас должны быть взаимоотношения". С этой целью я вначале мая поехал в Манчжурию, послав Семенову телеграмму, что прошу встретить меня на ст. Манчжурия. По прибытии на ст. Манчжурия мне сообщили, что Семенова нет. Меня это очень удивило, потому что я послал за три дня телеграмму, на фронте все было спокойно, но Семенова не было. Через некоторое время я убедился, что тут идет какая то странная игра; мне донесли, что Семенов находится на ст. Манчжурия. Со мною было взято 300.000 руб. денег, который я полагал ему передать от Управления дороги. Это обстоятельство меня чрезвычайно удивило, тем не менее я продолжал так стоять и дожидаться. Наконец, мне совершенно определенно сказали, что Семенов здесь находится, но что он не желает ко мне прибыть, тогда я решил, что вопрос настолько важен, что надо пренебречь самолюбием, я поехал к Семенову с ним переговорить. Затем мне совершенно определенно заявили, что Семенов получил инструкцию мне ни в коем случае не подчиняться. Я прибыл к Семенову в вагон и спросил: " в чем дело, я приезжаю сюда не в качестве начальника над Вами, я приехал с Вами поговорить об общем деле создания вооруженной силы и нам нужно договориться, в какой мере и в какой степени я могу оказывать Вам помощь своими отрядами, потому что средства у нас одни и те же, средства Восточно-Китайской ж.д., и мне, как члену Правления этой дороги, чрезвычайно важно знать Ваши желания и цели для того, чтобы я мог

"говорил я" - вписано "относительно" весь" зачеркнуто "так как" надписано "что", вписано "ко" "думал" "говорил я" "этой" - вписано "относительно" весь" зачеркнуто "так как" надписано "что", вписано "ко" "думал" "говорил я" "об этом" зачеркнуто "это" "относительно" "я" "предлагал" "мне не менее" зачеркнуто "он" надписано "Семенов" "говорил" надписано

распределять те остатки имущества и ценностей, которые имеются в распоряжении Правления, соответствующим образом. Я привез Вам денег от Восточно-Китайской ж.д." Он отвечал мне довольно уклончиво, что он сейчас ни в чем не нуждается, что он получает средства и оружие от Японии и что он не обращается ко мне ни за какими пожеланиями и просьбами. Тогда я убедился, что в сущности разговаривать не о чем. Таким образом выяснилось, что Семенов желает действовать совершенно самостоятельно и ни в какие обязательства и связи ни с Правлениям ж.д., ни с Хорватом вхрдить не желает. Тогда я ему сказал: "хорошо, я с Вами не буду разбирать этот вопрос, но имейте в виду, что раз Вы со мной не могли договориться и не могли ничего выяснить, то я слагаю с себя всякую ответственность за ту помощь, которую могла бы Вам оказать ж.д., и уже ее средства и ресурсы буду применять к тем частям, которые находятся под моим командованием. Так мы и расстались, я уехал вратно в Харбин.

В.П. ДЕНИКЕ. Вопроса об ограничении сферы действий Вы с Семеновым не ставили ?

Адм. КОЛЧАК. Нет, это был очень короткий разговор. После этого я уехал в Харбин, сообщил Хорвату о положении вещей и сказал, что я уже никакой связи не имею с отрядом Семенова, который действует вполне независимо и самостоятельно, и что я буду действовать и заботиться и налаживать работу Штаба только на те части, которые фактически находятся у меня в руках. Затем я разработал такой план операции: изучивши средства и ресурсы восточно-китайской ж.д. я увидел, что создать здесь серьезную вооруженную силу не удастся, что единственное место, откуда можно начинать развертывание сил, это Владивосток, и что операции надо вести главным образом на Владивосток. Это было мое мнение, которое совершенно не разделялось японским командованием; у них в это время обсуждался вопрос об интервенции, и я думаю, что с японской точки зрения создание вооруженной силы на востоке было в это время совершенно нежелательно. Из дальнейших разговоров я почти убедился, что это так; поэтому они настаивали, чтобы все силы и средства употребить на действия в Забайкалье и передать их в распоряжение Орловского и Семеновского отрядов. Между тем отношения Орловского отряда к Семенову совершенно исключали возможность посылки к нему этих лиц, они бы не пошли. Я об этом серьезно разговаривал с Орловскими офицерами и они заявили, что они ни за что не пойдут.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. А вообще Орловский отряд в его составе мог бы пойти куда бы то ни было?

Адм. КОЛЧАК. Я думаю, что мог бы. Он потом действовал в Приморской области по моему плану. Этот отряд увеличился до 2000 человек, добровольцы все таки являлись.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Как Вы реагировали на пожелание Японии ?

Адм. КОЛЧАК. Я считал, что главные действия должны быть на Дальнем Востоке, потому что во Владивостоке были огромные ресурсы и средства, которые бы освободили нас от постоянного обращения за помощью к иностранцам. Хорват был очень огорчен, но что делать? Не вести же войну из за этого между собою. Он ставил этот вопрос так, как он есть. После этого, поговоривши с начальником Штаба Орлова, я задал ему задачу строевой подготовки этих частей, чтобы сделать из них регулярные силы, потому что в конце концев все это носило характер партизанских нерегулярных воинских частей. Поэтому первой моей задачей было приведение в порядок всех этих частей в дисциплинарном отношении и обучении их стрельбе. Затем я на Сунгари начал образовывать флотилию, использовав морских офицеов и команды, которые были добровольцами. Китайцы смотрели на это довольно косо, но каких бы то ни было препятствий в этом отношении не чинили. Одним из первых мероприятий был вывод из Харбина всех воинских отрядов и частей, потому что это был город ниже всякой репутации, пьянство и безобразие непременно связывали с пребыванием воинских частей в Харбине. Поэтому, когда явилась возможность все эти части вывести из Харбина и расположить их по линии до Погранично, я это сделал и отряд Орлова был расположен на ст.

Зачеркнуто "налаживать" надписано "налаживать" исправлено "ся" зачеркнуто "этих лиц" надписано "орловцев" вместо "своих" - Стерлит. Зам. Пред. Подбельский

39

Пограничная. В Харбине я оставил небольшие части для несения караула. Затем вскоре после моего возвращения от Семенова ко мне прибыл ген. Накашима, который сообщил, что известный груз артиллерии, снарядов и оружия посылается из Японии в мое распоряжение. Затем он сказал: "как Вы с Семеновым?" Мне было отчетливо понятно, что это дело рук японской военной миссии, и такое обращение ко мне Накашима меня взорвало. Я бываю очень сдержан, но в некоторых случаях я взрываюсь: это была насмешка, и я сказал: "Вы, вероятно, отлично знали, к каким результатам эта поездка повелет, я не знал, но Вы отлично знали. Мне очень хорошо известно, что поведение и отношение Семенова было инструктировано подполковником Куроки, который состоял при нем. Вы можете против этого возражать, но это не меняет положения". Затем он говорит: "что же отряд Вращеля Вы возвращает от Семенов к себе?" - "Ваше превосходительство, отряд Вращеля действует на фронте, и поэтому независимо от каких бы то ни было отношений моих с Семеновым, я не дам приказания убрать этот отряд, пока Начальник не скажет и пока не явится возможность. Не могу я с фронта убрать часть, которая находится в боевой работе". Тогда он говорит: "а Вы бы потребовали, чтобы эту часть вызвать". Это меня уже окончательно возмутило, потому что это было бы просто провокационное предприятие: я приказал бы Семенову вернуть отряд, а он не подчинился бы. Я сказал: "я бы может быть это и сделал, если бы Вы мне не мешали". Одновременно с этим я узнал, что не смотря на обещание мне и Хорвату передать деньги в наше распоряжение Накашима через Куроки передал их Семенову. Поэтому поводу я ему сказал: "у меня к Вам была покорнейшая просьба, исполнение которой я считал важной с дисциплинарной точки зрения: формально мы бы не возражали и то, что Вы приказали бы, было бы передано. Я указал Вам на те отрицательные результаты, которые получаются при непосредственной передаче этих сумм, Вы обещали, но тем не менее не исполнили, не предупредивши меня. Я должен сказать, что Вы способствуете нарушению дисциплины и порядка в наших частях. Мне не понятны мотивы, по которым Вы это делали, но факт для меня остается фактом". После этого мы очень холодно расстались, при чем он мне сказал: "я японский офицер, я никогда не позволил бы себе нарушение дисциплины в каких нибудь других частях, Вы наносите мне тяжкое обвинение, что мои действия нарушают военную дисциплину". На это я ответил: "факты, которые я Вам привел, подтверждают справедливость того, что я сказал." Это привело меня к совершенному разрыву с японской миссией, я никаких дальнейших шагов не предпринимал и в конце концев они задержали мне доставку груза и оружия в Дальнем. Эта беседа была последней, содержание которой я не скрывал.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Не приходилось ли Вам высказывать мнений, которые могли бы быть приняты за выражение Вашего общего отношения к помощи Японии в борьбе с большевиками, которые резюмировались бы фразой: "в конце концев лучше большевики, чем японцы"?

Адм. КОЛЧАК. Нет, такой фразы не было сказано, я таких положений не высказывал, кроме того я знаю хорошо, что против меня на этой почве шла борьба и интриги, которые велись от генерала Плешкова и Хорвата для того, чтобы использовать мое японофобство. Собственно говоря никакого японофобства и японофильства не было, нужно было только получить оружие. Я считал, что все это должно быть оплачено, но те размеры и те средства, которые я просил, были по существу так мизерны, что для первоклассной державы говорить о каких то компенсациях за четыре старых гаубицы и десять тысяч винтовок мне представлялось совершенно абсурдным, потому что сам Хорват говорил, что средства на покупку найдутся, если бы надо было заплатить. К этому периоду пошли слухи о восстании чехов на линии ж.д. и некоторые чехи уже ушли и начали продвигаться по Амурской дороге.

В.П. ДЕНИКЕ. За этот период времени до появления чехов были ли у Вас связи или у окружающих Вас групп, существовавшими на территории России или Сибири антибольшевитскими организациями или чехами?

Адм. КОЛЧАК. Нет, такой связи не было; были только слухи, которые сообщали о том, что создается новая власть в Сибири, но о ней я окончательно узнал только осенью, когда приехал из Японии во Владивосток

На 39-ой стр. - зачеркнуто "и ясно, что все это" и написано "что вся поездка с Семеновым" зачеркнуто "предприятие" написано "предложение" зачеркнуто "связи" написано "связь с" - вычеркнуто. Колчак.

и когда прибыла туда миссия Вологодского.

В.П. ДЕНИКИН. А с российскими антибольшевитскими организациями например Национальным Центром были у Вас связи ?

Адм. КОЛЧАК. О России мы узнали только по слухам, а связи никакой не было. Первое известие более или менее точное и с большим опозданием привез приехавший из Добровольческой Армии генерал Степанов впоследствии бывший у меня Военным Министром. Он привез сведения о том, что делается на юге России. Тогда же приехали Клуг и Глухарев.

А.И. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Они были в Добровольческой Армии или состояли только в офицерской организации в России? Они ведь приехали от Алексеева, имели ли они какие нибудь задания или они были людьми, действующими за свой страх и риск?

Адм. КОЛЧАК. Они были посланы в Сибирь для осведомительной цели и никакой специальной миссии они не имели. Они все остались здесь, обратно не вернулись, а адмиралу Алексееву они послали доклад и письма с курьером кружным путем. Кроме того была послана курьерами группа офицеров, но дошли они или нет мне неизвестно.

После этого я продолжал вести свою работу. Тут было несколько характерных интендентов, совершенно расстроивших мою возможность работать с японцами. Среди этих интендентов было два, которые чрезвычайно повредили мне в дальнейшей моей работе и сделали ее почти невозможной. Однажды я получаю телеграмму с одной из станций между Харбиным и Манчжурией, где находился интендантский склад, принадлежащий охранной страже манчжурской дороги и где начальником гарнизона был Марковский,- от него же и была эта телеграмма. На эту станцию прибыл прапорщик Боршевский с отрядом в 20-30 человек семеновских войск, которые реквизировали весь тот склад. Нужно сказать, что там было некоторое количество обмундирования, и что они хозяйничали там, как у себя дома, арестовали смотрителя склада, начальника гарнизона. В этом складе находилось много вещей офицеров, которые ушли на войну и оставили свое имущество в этом складе. Склад был реквизирован и начал грузиться в вагоны. Меня взорвало это предприятие, потому что это было уже вторжение в непосредственно подчиненную мне территорию без всякого согласования со мною. Я немедленно собрал экстренный отряд человек в 40 под командой двух офицеров и экстренным поездом двинул их на эту станцию, арестовать эту компанию и отобрать это имущество. Эта компания была арестована и привезена в Харбин и все было обратно возвращено в склад. Затем сейчас же было начато следствие, Большинство солдат, которым в сущности нельзя было предъявлять каких нибудь обвинений, потому что они исполняли приказания, были возвращены к Семенову, а Боршевского и других лиц посадили под арест с тем, чтобы предать их полевому суду, чтобы раз навсегда прекратить это хозяйничанье. Это вызвало страшную бурю среди японцев и среди семеновцев. Вскоре прибыл сам Семенов в Харбин для объяснения с Хорватом по разным вопросам и по поводу этого инцидента. Ко мне прибыл Таскин, который состоял при Семенове, с тем, чтобы это дело ликвидировать, чтобы это больше не повторилось. Я сказал, что я его не отпущу покуда не предам его суду и сделаю то, что суд постановит: постановит суд, чтобы его расстрелять - расстреляю, чтобы постановит, чтобы послать его куда нибудь - пошлю. Одним словом миссия Таскина успеха у меня не имела. В конце концов атмосфера стала чрезвычайно напряженная. Было доведено до моего сведения, что меня собираются арестовать. Я всегда ходил один по городу и продолжал это делать, но я собрал Орловскую часть и сказал, что никаких мер не буду принимать совершенно, потому что это могут быть только одни угрозы, которые не будут приведены в исполнение, но примите все меры по отношению поезда состава Семенова, если со мною что нибудь случится. До этого дело не дошло. В сущности осталось все как и было: Семенова я не видал, он переговорил с Хорватом и уехал. Но когда узнали об этом японцы, то они сделали заявление, что они в свою очередь выйдут с вооруженной силой, для того чтобы прекратить столкновения, если они возникнут. Все это создало тяжелую атмосферу. Инцинидент был мирно улажен, но тем не менее это чрезвычайно повреди-

На 75-ой стр. - вместо "страшную бурю", вписано "угрозы", зачеркнуто "его", надписано "подчиненного", вписано "мне" - вставить - подходящее место. Архив Колчака Ктн.

40

ло моей дальнейшей деятельности. После этого японская миссия повела себя совершенно открыто - к сожалению я сжег этот документ - от инструкторов офицеров я узнал, что японцы начали работать по германской системе над разложением тех маленьких частей, которые у меня были: говорили, чтобы офицеры ушли к Семенову, что у него открываются места Начальником артиллерии был подан рапорт о том, что Заведующий этой миссией предлагал ему вступить в отряд Калмыкова, где он будет занимать пост Начальника артиллерии. Словом повелась работа совершенно определенного характера, относительно которой совершенно открыто докладывали Орловцы. Орловцы, которые были твердые и честные люди, возмущались и даже выгнали одного из таких бессовестных господ, которые приходили и говорили, чтобы они мне не подчинялись. Это меня глубоко возмутило: я увидел, что раз являются с такими приемами, то работать нельзя. Тогда я обратился через нашего посла Крупенского в Токио с просьбой и с подробным изложением всего того положения, которое у меня было и о необходимости мне самому поехать в Токио к Начальнику Генерального Штаба Ихару, и переговорить с ним, что дальнейшая работа в такой атмосфере становится физически невозможна. Хорват тоже был очень обеспокоен этими всеми делами и советовал мне поехать в Японию и договориться там, потому что здесь с этими лицами у меня разговора быть не могло. Тогда я передал командование Штабом Хрещатицкому и в начале июля уехал в Токио. Мне были даны необходимые для этого средства и документы. Я решил совершенно открыто поговорить с Ихарой, а Хорвату я сказал, что если наша работа противоречит японским целям, то мы здесь ничего не сделаем, потому что противодействовать японским директивам у нас средств нет. В Токио я явился к нашему посланнику Крупенскому, изложил ему все, что знал и попросил устроить мне свидание с Начальником Генерального Штаба. Крупенский мне говорит: "знаете, Вы поставили себя с самого начала в слишком независмое положение по отношению к Японии и они поняли это. Вы позволяете себе разговаривать с ними слишком независимым и императивным тоном, - это было с Вашей стороны ошибкой, Вы должны были это смягчить; они себе составили мнение о Вас, как о своем враге, который будет противодействовать всех их начинаниям, всему их делу и поэтому они, конечно, Вам не только помощи не будут оказывать, но будут оказывать противодействие Вашей работе." Я говорю: - все эти сведения относительно моего враждебного отношения к Японии идут из определенных источников, но мои поступки не давали никогда основания и повода к тому, чтобы считать меня врагом Японии, я относился к ней, как к союзной державе. Война продолжается, большевитский авангард находится на Дальнем Востоке, больше половины его состоит из мадьярских и немецких частей, все военнопленные немцы участвуют на стороне большевиков и поэтому я считаю, что я продолжаю ту войну, которую мы вели раньше и что в инетересах Японии оказать мне ту маленькую материальную помощь, за которой я обратился. Повторяю, что эта помощь исчисляется суммами настолько небольшими, что даже китайская дорога гарантировала бы уплату. Мне было устроено свидание с Ихарой, при котором был Помощник Начальника Штаба Танака, который теперь состоит военным министром. Я изложил все дело Танака и сказал ему, что с самого начала моего прибытия я совершенно определенно считал необходимым доброжелательные и добрососедские отношения с Японией, на которую я смотрел, как на дружественную державу, от которой я просил только оружия и военного снаряжения, так как никаких других потребностей у меня не было и я расчитывал, что Япония мне может выдать из своих громадных запасов часть оружия, которое мне нужно, но события получили определенный характер и мне приходится совершенно откровенно узнать Ваше мнение: возвращаться ли мне в Харбин и будете ли Вы мне противодействовать в той работе, которую я Вам изложил; если да, то я считаю, что работать я не могу, а если Вы дадите мне указание, что Вы не вмешиваетесь во внутренние дела и не будете мне препятствовать, то я буду продолжать свою работу". Затем я говорю: "я понимаю Ваше Превосходительство, что если бы в моем распоряжении был огромный корпус, к которому можно было бы применять метод разложения по германскому образцу, я бы понял, но у меня только два полка, что же к таким силам применять такие средства? это по меньшей мере неудобно." Он весьма весело встретил это заявление, потом подумал и сказал: " Знаете, адмирал, останьтесь у нас в Японии, когда можно будет ехать я скажу

"он его" - Зачеркнуто "безсовестных", надписано "безсовестливых", зачеркнуто "с просьбой и", вписано "и заявлением" исправлено "признаю". - Хранить
Нов. Нач. Хрещатицкого - Хорв

Вам, а пока у нас здесь есть хорошие места, поезжайте туда и отдохните." Для меня было ясно и понятно, что ничего из этого предприятия у меня не выйдет, потому что та линия, которую я взял, неприемлема. Тогда я сказал: "хорошо, останусь пока в Японии." Я протелеграфировал Хорвату общее содержание этой беседы, остался в Японии и решил немного полечиться, потому что я чувствовал себя не вполне здоровым. Как раз в эти же первые дни моего пребывания до меня дошли известия о Владивостокском перевороте, произведенном чешскими и русскими частями, о том, что отряд Орлова вышел из Пограничной на Гродеково, что во Владивостоке образовалось правительство Дербера, затем, что там появилось Правительство Хорвата с различными органами.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Скажите, адмирал, Вы знали раньше о намерениях Хорвата объявить себя Правителем ?

Адм. КОЛЧАК. Нет, у него таких намерений не было, это была работа Дальне- Восточного Комитета. Если у него эти планы были, то во всяком случае мне не были известны.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Судя по тому манифесту, каким объявил о своем вступлении в Управление всей Россией Хорват, этот переворот был подготовлен друзьями и лицами, которые его окружали, - Вы не принадлежали к числу этих лиц ?

Адм. КОЛЧАК. Я с ним об этом даже не говорил и думаю, что этот переворот подготовлял главным образом Дальне-Восточный Комитет.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Еще один вопрос: Вы покинули Харбин по тем соображениям, которые Вы изложили. Деятельность отрядов Орлова и Семенова в Харбине по внутреннему управлению и несению ими чисто полицейских обязанностей Вами замечалась или даже может быть направлялась, или нет ?

Адм. КОЛЧАК. Нет, они совершенно не несли никаких полицейских обязанностей, я выселил даже одну часть. Они несли только караульную службу.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Но в Харбине были случаи, когда представители отрядов Семенова, Калмыкова и Орлова иногда присваивали себе функции политической полиции и принимали меры ареста, а иногда даже увозы и убийства по отношению к отдельным лицам.

Адм. КОЛЧАК. Увозы все время повторялись, но я не могу сказать что это делали представители всех отрядов, у меня данных определенных нет. Я могу только сказать, что я сам был свидетелем того, что в Харбине арестовывали на улице вечером и в этом отношении отдельные группы действовали совершенно независимо. До моего отъезда было при мне убийство одного учителя Ушанского.

Верно: Полковник Кудрявцева

41

Допрос Чрезвычайной Следственной Комиссией АДМИРАЛА КОЛЧАКА 30 января 1920 года, снятый в совещ. тов председателя к.а. Колчака и членов Деникина и Алексеевского.

Ко времени моего приезда наблюдалось, что в самых казалось бы маленьких отрядах создавались особые органы контр-разведки. Создание этих органов было совершенно самочинное, т.к. контр-разведка может быть лишь при штабах корпусов. В таких отрядах могут быть лишь разведовчные отделения, но контр-разведка, как орган, направленный для борьбы с противником, может существовать лишь в штабе корпуса. Между тем контр-разведка существовала во всех таких отрядах, в особенности в таких отрядах, которые создавались сами по себе. Там где впоследствии воинские части, создавались нами основании изъятых правил организации, там их, конечно, не было, но всех самостоятельно образовавшихся отрядах контр-разведка была. Эти органы контр-разведки самочинно были полицейски и главным образом, политическими разведками, которые заключались в том, чтобы выслеживать, узнавать и арестовывать большевиков. Нужно сказать, что эти органы контрразведки большей частью состояли из людей, совершенно не подготовленных к этой работе, - добровольцев и по большей части основания, по которым производились все действия этих органов контр-разведки были совершенно произвольными, не предусматриваемыми никакими правилами. Обыкновенно все контр-разведочные органы должны были состоять в тесной связи с прокуратурой и во всех случаях обязаны были действовать, оповещая друг друга, здесь же никакой связи съ прокуратурой не существовало и самое понятие "большевик" было до такой степени неопределенным, что под него можно было подвести что угодно. Какие были причины для этого? Из разговоров с офицерами, у меня создалось впечатление, что эти органы были переняты с тех органов, которые существовали здесь в Сибири. Во времена большевистской власти. В Сибири в целом ряде пунктов по жел.дор. существовали такие заставы, которые контролировали пассажиров в поездах и тут же производили их аресты, если они оказывались контр-революционерами. По этому типу и эти отряды создавали у себя аналогичные органы: они занимались совершенно самочинно осмотром поездов и когда находили кого нибудь, кто по их мнению, был причастен к большевизму или подозревался в этом, то арестовывали. Такие явления существовали несомненно, по всей линии жел.дор. После моего прибытия туда, когда выяснилась эта картина, я беседовал с начальниками отрядов и сказал, что в сущности контр-разведка должна быть только в моем штабе, т.к. они мешают друг другу и портят все дело. На это мне совершенно резонно ответили, что "мы боремся и то, что с нами делали, будем делать и мы, т.к. нет никакой другой гарантии, что нас всех не перережут; мы будем бороться таким же образом, как и наш противник боролся с нами. За нами устанавливается слежка травля по всему пути, а там, где мы находимся, мы обязаны таким же образом обезпечить и себя, от проникновения сюда лиц, которые являются нашими врагами". Поэтому, хотя такие органы контр-разведки никогда не значились официально, на деле они продолжали функционировать. В тех отрядах, которые были мне подчинены, мне удалось поставить дело таким образом, что о производившемся аресте сообщалось немедленно мне и прокурору; арестованные лица передавались прокурорскому надзору и там производилось быстрое разследование дела. Я помню, значительное число бывало арестовано по совершенно неосновательным причинам когда это выяснялось, то их отпускали, но те лица, которые были персонально известны этим частям, конечно, не выдавались и с ними воинские части расправлялись сами совершенно самочинно, в тех же случаях, когда было только подозрение, они выполняли это требование и передавали прокурорскому надзору, и там производилось разследование, которое большей частью не приводило ник каким результатам. Контр-разведка при штабе у меня была, но контр-разведки при отрядах действовали совершенно самостоятельно. Формально, они не существовали никогда и таким образом любая часть могла сказать, что никакой разведки у нея нет. С точки зрения всех военных чинов, это было средство борьбы; они говорили" мы защищаемся, мы ведем борьбу и считаем необходимым применить ту же меру, которую применяли и в отношении нас. Нужно сказать, что в Харбине ходило много разсказов относительно деятельности этих органов; не знаю, насколько, они были справедливы, т.к. это был сплошной кошмар, стоявший на всей линии жел.дор. как со стороны большевиков, так и со стороны тех, которые боролись с ними. Для меня, как совершенно нового человека, это казалось совершенно невероятным; я не верил.

-ой стор. - зачеркнуто "вотъ", надписано "извѣстныхъ" вписано "во", зачеркнуто "всѣхъ", надписано "сѣхъ", вписано "полицейски", исправлено "политическими розыск. которыя заключались", вписано "при большевиках", "отдѣлъ контр-разведки" "теперь" "дѣло", "надзору" - вычеркнуть.

тов. Пред. Чрезвычека

этому и считал больше словами, но потом, конечно, ближе познакомился и видел, что на жел.дор.шла все время жесточайшая взаимная травля, как со стороны тех районов, где хозяйничали большевики, так и в тех районах, где хозяйничали их противники. Методы борьбы были одни и те же.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Когда факты самочинных обысков, арестов и расстрелов устанавоивались, принимались ли меры, чтобы привлечь виновных к суду и ответственности?

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Такие вещи никогда не давали оснований для привлечения к ответственности: было невозможно доискаться, кто и когда это сделал. Такие вещи никогда не делались открыто. Обычно происходило так: в вагон входило несколько вооруженных лиц - офицеров и солдат, арестовывали и увозили. Затем эти лица исчезали и установить, кто и когда это сделал было невозможно.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Но ведь в самом Харбине или на ст. Харбин, имелись определенные полицейские части, которые несли внешнюю полицейскую службу, которая должна была заключаться в недопущении таких самочинных действий. Принимались ли меры, чтобы нарядная милиция была господином положения на станциях?

АДМИРАД КОЛЧАК. На центральной станции этого и не делалось. Бывали иногда случаи арестов въ городе; большей частью это случалось по линии дороги, в самом же Харбине это случалось сравнительно редко, т.к. там был комендантъ станции, была воинская стража, существовала известная охрана станции. Я приведу случаи, с которыми мне пришлось в этой отношении сталкиваться. Первый случай с кот. мне пришлось столкнуться, произошел на второй день моего приезда и состоял в следующем. Начальником милиции в Харбине в то время был фон-Арнольд, котрый состоял в канцелярии Хорвата. Утром в тот день, он позвонил мне по телефону и по французски сообщил мне, что по дороге от Харбина к боиням/единственная шассейная дорога/ найдено тело убитого учителя Уманского, что уже дано знать прокурору, что он и следователь выехали уже на место и производят дознание. "Я приеду к вам и все разскажу продробно". Через некоторое время он сам лично прибыл ко мне и сказал, что он сильно подозревает, что это убийство совершенно бывшими воспитанниками Хабаровского корпуса. Кадеты Хабаровского корпуса были везде: в отрядах Семенов, Орлова, Калмыкова и др. Уманский недавно приехал сюда, ничего не делал и, очевидно, убийство нахрдится в связи с теми обвинениями, которые выдвигалист против него, в том, что будучи в Хабаровске он выдавал кадет и их родителей якобы участвовавших в контр-революционных заговорах, благодаря чему погибло масса народу, вследствие чего бежавшие из Хабаровска старшие воспитанники Корпуса поклялись, что отомстят ему. "Вот все, что я подозреваю", сказал фон-Арнольд, "остальное дело следственных властей". Разследование как будто дало известные следы и в конце концов следователь направился в отряд Орлова, но его, конечно, туда не пустили. Ко мне прибыл прокурор и заявил, что они хотят осмотреть все помещение отряда, казармы, автомобили итт.д., но что их туда не пускают. Я немедленно сделал по телефону распоряжение не только допустить, но и оказать полное содействие судебным властям в осмотре и обыске кото. они предполагали сделать. На это последовал ответ, что это будет исполнено и они будут допущены. Через некоторое время они были у меня, я спросил их каковы же результаты. Они ответили - "никаких; имеются сильные подозрения, но ничего определенного нельзя установить". Конечно, самое важное было бы установить, кто оставлял казармы вечером и в течение ночи. Обыкновенно в частях ведутся точные списки увольняемых, в отряде же ничего подобного не было: люди увольнялись просто дежурным офицером, который отпускал их; никаких книг, никаких списков в отряде не велось. Поэтому, установить факт, какие люди были вне казармъ, было невозможно, и вся работа прокурора решительно ни к чему не привела. Вблизи этого места, где было найдено тело, был найден свежий след автомобиля, на котором повидимому и было привезено тело, но никаких характерных признаков не было установлено, ни шины, ни размеров автомобиля. Таких автомобилей в Харбине сколько угодно и поэтому осмотр автомобилей не дал никаких результатов. Этот случай произошел в первые дни моего пребывания там. Второй случай был таков. Однажды, когда я сидел у себя в вагоне и занимался, мне доложили, что ко мне пришла молодая дама и просит меня принять ее. Я сказал, чтобы ее попро-

на 79-ой стр. - зачеркнуто "со стороны" надписано "с", вписано "ои" исправлено "конторым" - вторг.

Пов пред Прокурора Ключ.

42

сили ко мне; она входит и бросается ко мне с просьбой спасти ея мужа офицера, который на улице Харбина был арестован офицером Семеновского отряда. "Я знаю, его арестовали по приказанию помощника Семенова, который является его личным врагом. Его приказано арестовать и отвезти в Хайлар, а кого отвозят в Хайлар, тот уже не возвращается назад. Я уверена, что его убьют и только Вы можете спасти его". Я подумал: Я считал, что прежде всего, Харбин является частью, в которой распоряжаюсь я и такие аресты без моего ведома являлись противоречащими основной воинской дисциплине. Семенов мог не считаться со мной, но в Харбине арестовывать офицера без моей санкции, он, конечно, не мог. Затем я отлично знал, что разговаривать в данном случае совершенно безполезно, поэтому я вызвал караул, призвал 2 офицеров и сказал: "вероятно, сегодня вечером к поезду, кот. должен отойти в Хайлар, явится конвой с арестованным офицером, арестуйте их всех и доставьте ко мне". Офицера конвоировало 4-5 солдат и 1 офицер, мною же было послано полурота - 20-30 чел. которые были скрыты на вокзале. Когда в вокзал вошел конвой с арестованным офицером, их окружили и заявили "по приказанию Командующего войсками вы арестованы". Те увидели, что сопротивляться безполезно, т.к. силы были значительно больше, подчинились и были приведены ко мне. Я призвал к себе начальника семеновского отряда. Он заявил мне: "Ваше превосходительство, я человек подчиненный, мне было приказано моим начальником сделать это и я должен был выполнить. Я не могу ни оправдываться, ни доказывать, почему я это сделал: я получил приказание от моего начальника доставить в Хайлар и больше ничего не могу сказать. Я выполнил данное мне приказание, все остальное мне неизвестно". Тогда я отпустил конвой, арестованного же офицера оставил у себя. Я призвал его и сказал: "единственный способ спасти вас - арестовать вас, чтобы вы были у меня под охраной". Я так и сделал и отправил его на гауптвахту в орловский отряд. При этом я приказал, чтобы следили за тем, чтобы к нему, никто, кроме жены не мог проникнуть, в случае же попытки забрать его силой, действовать оружием. Он просидел таким образом некоторое время, затем я передал его Хорвату, который его через некоторое время освободил / я тогда уехал во Владивосток/. Вот способ, которым можно было бороться с этим явлением, но это было возможно только тогда, когда вы об этом знали. Не приди ко мне его жена, я ничего не знал бы об этом: мало ли офицеров ездит с солдатами, на первый взгляд трудно узнать, ведут ли арестованного или он просто идет с ними. Что касается того, что делал Калмыков, то это были уже совершенно фантастические истории. Я лично например, знаю, что там производились аресты, не имевшие совершенно политического характера, чисто уголовного порядка. Там шла напр. правильная охота на торговцев опиумом. По линии Китайской жел. дор. ездили постоянно с контрабандой опиума очень много лиц - женщин и мужчин, провозивших опиум, стоящий очень дорого. Здесь очень часто уже не контр-разведка, а просто предприниматели под видом политического ареста выслеживали этих торговцев, арестовывали их, отбирали опиум, их убивали, а в случае обнаружения этого, ссылались на их то, что это были большевистский агенты или шпионы. Конечно, это не были большевики, это были просто хищники, занимавшиеся провозом опиума, что давало им большие деньги; за ними велась систематическая охота, при чем занимались и солдаты и вообще частные предприниматели, обычно в вагон входила кучка солдат, заявляли такому продавцу опиума: "вы большевистский шпион", арестовывали, опиум вытаскивали и затем его убивали, а опиум продавали.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Не приведете ли вы несколько примеров из деятельности Калмыкова, относительно которого вы говорите, что она превышала, что делалось тогда?

АДМИРАЛ КОЛЧАК. У него была крупная исто"я, я не знаю, как она уладилась. Это случилось за несколько времени до моего отъезда. Калмыков поймал тогда вблизи Пограничной шведского или датского подданного, представителя Кр. Креста, которого он признал за какого то большевистского агента и кот, он повесил, отобрав у него все деньги, большую сумму в несколько сот тысяч. Требование Хорвата прислать арестованное лицо в Харбин, деятельность консулов ничему не помогли. Скандал был дикого свойства, т.к. его ничем нельзя было оправдать,

На 80-ой стр. - исправлено и вписано "предпринимательные частные люди", зачеркнуто "предприниматели" надписано, лица", "ю" вписано "ее" зачеркнуто, "деятельность" надписано "стороны со стороны" - Верно.

Тов. Пред Верхбчека Кит

Хорват был чрезвычайно обеспокоен этим случаем, но сделать было ничего нельзя, даже денег не удалось получить. Это был форменный случай разбоя. Такие явления по линии жел. дор. существовали и бороться с ними было почти невозможно. Теперь надо посмотреть, что представляла из себя милиция, единственный орган, который мог бороться с этим явлением. Там, где существует организованная полиция, кот. ведет наблюдение за порядком, она могла бы не допускать появления самочинных партий, неизвестно кому принадлежащих, кот. осматривали вагоны, арестовывали людей и т.д., но нет что милиция, существовавшая в то время, м.б. даже сама участвовала в этом. Нужно сказать, что в то время, когда я был в Харбине, милиция представляла нечто потрясающее по своей распущенности и даже по внешнему безобразию. В Харбине на всех улицах была наша и китайская милиция. Китайцы, надо отдать им справедливость, прекрасно несли свою службу; хотя они и не вмешивались ни во что но во всяком случае китайские производили нормальное впечатление людей, стоящих на посту и занимающихся делом и несением охраны города и личной безопасности. но что касается наших милицейских, то это были большей частью распущенные пьяные люди, абсолютно не знакомые ни с какими полицейскими обязанностями, которых китайцы очень часто/мне самому пришлось это видеть/избивали, приговаривая" мы теперь капитаны, вы теперь ходя". У Арнольда был маленький отряд, составленный из стародок. Вообще же милиция там представляла один сплошной кошмар.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Таким образом, не было возможности принять какие нибудь систематические меры к обеспечению безопасности личной и имущественной по всей линии ж.д. при помощи формируемых отрядов.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. В то время дело только налаживалось; может быть впоследствии это и можно было сделать. Когда, позже, осенью мне приходилось проезжать там, то таких явлений уже не существовало, по крайней мере никто не жаловался. В то же время милиция, охранная стража по жел. дор. находились в таком печальном состоянии, что я глубоко уверен, что те же самы милицейские спокойно занимались подобными предприятиями, ловлей опиоторговцев и т.д.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Приходила ли Вам мысль, что до Вас и других высшего правительственного состава доходят сведения о жертвах такого произвола, только принадлежащих к обществу. К Вам пришла жена офицера; для жены рабочего или крестьянина это было бы труднее не только в смысле физического проникновения, но и в психологическом смысле. Приходила ли Вам мысль, что такие случаи произвола во много раз превышают те отдельные случаи, о которых вам приходилось слышать.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Я думаю, что все случаи едва ли могли касаться низов, т.к. не было смысла трогать этих людей. По крайней мере со стороны железнодорожных служащих не было жалоб на какие нибудь аресты или обыски. Да это и вполне понятно, т.к. вряд ли для организаторов подобных предприятии имло смысл арестовывать низших служащих.

К.А. ПОПОВ. Над кем производились эти расправы?

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Большей частью, над проезжавшими по жел. дор., конечно, вся эта работа велась главным образом, в классных вагонах. Вопрос стоял таким образом: сколько я представляю, там постоянно ездили из Приамурья, Хабаровска по делам все эти лица. Если встречались лица, кот. были известны раньше, то их хватали и арестовывали. Хватали также людей, о которых, было известно, есть ценный груз опия. Все это относится к области уголовных деяний.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Когда мы старались выяснить, почему образуется такая контр-разведка, вы отвечали, что это- метод противника. Вместе с тем Вы образовали у себя центральную контр-разведку, с тем, чтобы упорядочить все эти органы контр-разведки. Те меры и методы, кот. применяли эти контр-разведки отдельных отрядов, Ваша центральная контр-разведка также применяла бы.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Если бы контр-разведка определила существование таких большевистских агентов, кот. я признавал бы опасным и, то, конечно, их приходилось бы арестовывать. Каждый из начальников может вступить на этот путь, может делать что угодно, но в пределах известных законоположений, в пределах законных норм. Я всегда стоял

На 84-ой стр. - зачеркнуто "партии" надписано "подкомиссии" вписано "как" зачеркнуто "подкомиссии" зачеркнуто "принадлежащих" надписано "подкомиссии" вписано "они" "все" зачеркнуто все эти лица надписано "такие" вписано "до" "так назыв." вписано "они" "все" зачеркнуто "подкомиссии" вписано "они у нас" — Ред.

на этой точке зрения: можно расстрелять, можно проделать, что угодно, но все должно быть выполнено на основании законных норм. Такие вещи, как аресты, производимые контр-разведкой, кот. подвергались расследованию, о кот. доносились прокурору, можно было делать. При мне лично за все время не было ни одного случая полевого суда. Было штабом арестовано несколько лиц, приехавших из Владивостока с целью закупки хлеба, причем у них были отобраны деньги. Затем было рассмотрено какие это были деньги - общественные или частные; общественные были сданы в Банк, частные же возвращены. Потом, насколько помнится, эти люди были освобождены, т.к. против них не было никаких улик. Они, действительно, принадлежали к большевистской организации и приехали закупить хлеб, но все же не было никаких оснований делать что либо с этими людьми.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Вам говорили, что этот метод, усвоенный противником, но признавали ли Вы, что это закон?

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Нет, не признавал. Несомненно нужно было как нибудь бороться и я считал необходимым это делать, но я не допускал, чтобы это делалось самочинными, неизвестными мне организациями.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Офицеры говорили вам, что они могут быть вырезаны своим противником, если не усвоят себе методов защиты противника. Я ставил Вам вопрос, что эти аресты должны быть более многочисленными в массах населения, по Вашему же мнению эти аресты производились главным образом среди пассажиров. Следовательно среди русского населения Манчжурии, как будто не было большевиков, не было тех агрессивных форм боевого большевизма, как в России и Сибири. Вы должны были заметить, когда при Вас ссылались на необходимость создавать контр-разведку в Манчжурии, что это отговорка или повод для проявления тех или других низменных инстинктов в офицерстве.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Повторяю, что основания для этого были. Конечно, вполне понятно, что когда ведется борьба, то нежелательно, чтобы на территорию, на которой Вы ведете борьбу, проникали агенты противника, но здесь вопрос был другой: большей частью это был вопрос мести. Люди, кот. пробрались сюда с величайшим риском и опасностью, хотя бы через Слюдянку, где погибло по крайней мере до 400 офицеров, кот. тут же уничтожались и выбрасывались в Байкал, люди, прошедшие через эту школу, конечно, выслеживали лиц, кот. им запомнились, которых они знали в дороге и, конечно, мстили. Для меня было ясно, что главным мотивом этой деятельности является месть, что все те ужасы, которые творились по линии жел. дор. происходили на почве мести.

В.П.ДЕНИКЕ. Здесь отчетливо освещены Ваши отношения с Семеновым, но для нас неясна роль Хорвата по отношению к Вам и Семенову, с одной стороны и с другой - роль Хорвата по отношению к Японии.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Хорват все время держался странной политики примирения. После отделения Семенова, который не признавал ни Хорвата ни меня, Хорват все же против моего ~~распоряжения~~ желания оказывал Семенову помощь. На этой почве у меня было с ним несколько случаев столкновения, т.к. Хорват давал известные предметы снаряжения из запасов жел. дор. Семенову, тогда как я настаивал, что этой передачи не должно быть. Это могло делаться с моего ведома, но Хорват делал это несколько раз помимо меня и это вызывало столкновения. В отношении японцев Хорват в то время держался политики не обострения отношений, хотя вообще он с ними не работал и связи с ними не имел.

В.П.ДЕНИКЕ. Вас он поддерживал во всем.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Я думаю, что меня он не поддерживал. В связи с отношением Семенова и японцев, я сказал Хорвату, - в таких условиях работать невозможно, что обстановка, которая создается в полосе отчуждения исключает всякую возможность сохранить наше положение, наш престиж, и в этом случае я видел, что Хорват работает против меня. Он считал, что я слишком безпокоен и слишком несдержан и возможно, что Хорват желал от меня отделаться.

92-ая стр. - вместо "тех или других низменных инстинктов в", ~~офицер~~ вставить "то, расширенное вместо "желания" - вставить.

Нач. Арт. Управления Кол.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Отношение Хорвата к репрессиям против большевиков, каково было ?

Адм. КОЛЧАК. Хорват глубоко возмущался всем этим и со своей стороны делал все, поскольку это зависело от него, чтобы прекратить это. Когда случилась эта история у Калмыкова со шведским подданным, то Хорват наложил запрет на то оружие, которое предназначалось для отряда Калмыкова и прибыло на ст. Харбин, чтобы воздействовать на него, но это оружие принадлежало японцам и в конце концов ему пришлось его выпустить.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Значить, он был человеком, который если и стремился вести борьбу с большевиками, то в пределах законных норм. Был ли он в этом смысле решительнее более решительным, чем Вы и он ли Вас одерживал, или Вы его ?

Адм. КОЛЧАК. В этом отношении мы не расходились: Хорват все время стоял на точке зрения законных норм борьбы. Вообще я не могу говорить об его борьбе с большевиками, т.к. в то время борьба только подготовлялась. В отношении железнодорожников, которые ему были подчинены непосредственно, он старался держаться политики примирения, успокоения и удовлетворения всех требований, которые выставлялись железнодорожниками. Таким образом меры, которые он принимал, были всегда в высшей степени гуманными; он старался достигнуть всего добром, путем сглаживания острых углов, разговаривал постоянно с рабочими и вносил много успокоения в эту среду. Насколько знаю, там была одна только забастовка, когда были остановлены поезда, причем мой поезд был объявлен свободным для движения и я прекрасно ездил. Стачка была прекращена, насколько помню, без тяжких репрессий со стороны Хорвата.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Теперь продолжите Ваш рассказ.

Адм. КОЛЧАК. Я понял, что мое возвращение в Харбин нежелательно. В это время готовилась интервенция, т.е. ввод иностранных войск на нашу территорию. По всей вероятности, впечатление, которое осталось у японцев, было таково, что я буду мешать этому делу, поэтому они желали бы, чтобы я не вмешивался в дела Востока.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Доходили ли до Вас слухи, что параллельно с властью Дербера существует власть Областного Земства. Каково было Ваше отношение к этим трем организациям власти ?

Адм. КОЛЧАК. Из тех сведений, которые у меня имелись я мог знать более или менее определенно только состав правительства Дербера, так как стоял в Харбине рядом с ним в вагонах. Что касается до Приморского Земства, то сперва у меня были сведения ошибочного характера. Во время образования этих правительств я мог пользоваться только источниками из газет бывших в Японии. По этому поводу я беседовал с Дитерихсом, нашим агентом в Токио, который представил мне целый ряд распоряжений и постановлений, которые делались этими тремя органами власти на Востоке. Я должен сказать, что единственно серьезным органом, который занимался реальным делом мне представлялось земство, так как все эти акты, которые представлялись со стороны других правительственных организаций, носили только характер политической борьбы. У меня создалось представление, что между всеми этими организациями велась борьба за власть и одна организация отменяла постановления другой. Между тем Земство вынесло ряд постановлений, носящих деловой характер. Поэтому у меня создалось впечатление, что Земство это есть единственная власть, которая на Востоке может что нибудь сделать, так как оно развивает работу чисто делового характера. У меня произвело тяжелое впечатление, имевшее тогда место вооружение отряда полковника Толстого. Я видел, что правительство Хорвата сделать ничего не может и что, следовательно, силы у него нет. По Владивостоке хозяйничали союзники: чехи, например, не пропустили в Никольско-Уссурийск

На 83-ей стр. - в имени „Японии", в Харбин" зачеркнуто, „города" надписано, „характера" исправлено, „занимался" - вычеркнуть.

Тов. Пред. Арабчека Клы

44

стрейде Хрещатицкого, задержав его на Гродекове. Для меня было ясно, что Хорват и его Правительство не являются хозяевами на Востоке и никаких распоряжений делать не в состоянии; там хозяйничают союзники и единственным деловым аппаратом там остается только Земство. Более подробные сведения я получил после того, как послал одного из опрашивавших меня офицеров Вуича во Владивосток, чтобы собрать сведения и обрисовать картину, так как по газетам было впечатление полного хаоса и сумбура и трудно было, что либо понять. В сущности, этим и определялось мое отношение к этим правительствам, сидя я с ними никакой не имел и не интересовался даже этим; так как в это время я был на курорте. Я решил, что теперь наступило господство союзников, которые будут распоряжаться, не даже не считаясь с нами.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Какое впечатление произвел на Вас самый акт объявления Хорвата себя Верховным правителем?

Адм. КОЛЧАК. Я считал, что из всех тех лиц, которые были на Дальнем Востоке, Хорват единственный мог претендовать на это, так как он давно уже был на Востоке в качестве главнокомандующего полосы отчуждения, был известен на Востоке всем и если он пытался образовать правительственную власть на Востоке, то и слава Богу: хотя кому-нибудь было это сделать. Я сначала этому не удивился, так как Хорват был единственным авторитетным лицом, который мог это сделать.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Это предполагает известную предпосылку в Вашем умонастроении, чтоб нужна единоличная власть. Ведь Верховный Правитель это в сущности диктатор.

Адм. КОЛЧАК. Я считал, что надо управлять Дальний Восток к какому нибудь порядку, поэтому я считал вполне понятным, если бы Хорват распространил свою власть кроме полосы отчуждения и на соприкасающуюся Приморскую область. Я считал вполне естественным, что Хорват пытается наладить управление. Во всяком случае я не считал, что это торжество идеи единоличной власти.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Ваше умонастроение как будто было таково, что Вы считали это естественным.

Адм. КОЛЧАК. Я очень колебался, считать ли такой путь нормальным. Я совершенно не вступал тогда ни в какие отношения с Хорватом. Я считал, что в такие моменты какое нибудь лицо должно взять власть в свои руки, так как в тот момент положение вещей носило характер анархии, когда у нас начинали хозяйничать иностранцы. Таким образом, когда Хорват, известное на Востоке лицо, взял власть в свои руки, то в принципе я считал это правильным: пусть он начинает водворять управление и какой нибудь государственный порядок. Но я не считал, что персональный состав этого правительства [illegible] в состоянии справиться с этой задачей и те, что впоследствии мне было сообщено Вологодским на Востоке, что этот персональный состав не в состоянии будет справиться с делом. До моего приезда в Владивосток мне казалось, что было бы наиболее разумным начать организацию власти через земства, которые казались мне как бы зарекомендовавшими себя известной деловой работой в крае. По этому поводу я могу сказать следующее. Когда я приехал в Токио, то Нокс сделал мне визит. Разговаривая со мной о положении на Дальнем Востоке, он спросил меня, что я делаю. Я изложил ему подробно свою эпопею на Дальнем Востоке и причину почему я уехал оттуда и нахожусь в Японии. Он просил меня сообщить, что происходит в Владивостоке, так как по его мнению нужно было организовать власть. Я сказал, что организация власти в такое время, как теперь, возможна только при одном условии, что эта власть должна опираться на вооруженную силу, которая была бы в его распоряжении. Этим самым решается вопрос о власти и надо решать вопрос о создании вооруженной силы, на которую эта власть могла бы опираться, так как без этого она будет фиктивной и всякий другой, кто располагает этой силой, может взять власть в свои руки. Мы очень долго обсуждали по поводу того, каким образом организовать нашими силу

На 85-ой стр. - вписано „поэтому" - вчерне.
Тов. пред. Чрезвычайного Суда

так как Нокс повидимому приехал с широкими задачами и планами, которые ему впоследствии пришлось изменить, но он приехал помочь организации армии. Я указал ему, что имея опыт с теми организациями, которые были, я держусь того, что таким путем вряд ли удастся создать что нибудь серьезное и поэтому я с ним условился принципиально, что создание армии должно будет итти при помощи английских инструкторов и английских наблюдающих организаций, которые будут вместе с тем снабжать оружием, и что если надо создавать нашу армию, то нужно создавать с самого начала, именно с воспитания, т.е. строить школы для офицеров, для унтер-офицеров, потому что основная причина, почему нам так трудно было создавать вооруженную силу, это вообщая распущенность офицерства и солдат, которые потеряли, в сущности говоря, всякую меру понятия о чести, о долге, о каких бы то ни было обязательствах: никто не желал ни с кем решительно считаться, каждый считался только со своим мнением . То же самое было и в обществе. Например в Харбине я не встречал двух людей, которые бы хорошо относились друг к другу. Ужасное впечатление, которое у меня от Харбина осталось, когда я человека в первый раз вижу, считаю его порядочным человеком и говорю с ним, как с таковым, а через минуту является другой и говорит: " Что Вы с ним говорите? это бывший каторжник, он украл" и т.д., а про этого другого то же самое говорить. Это была атмосфера такого глубокого развала, что создать что бы то ни было было невозможно. Это была одна из причин, почему я так скептически относился к правительству Хорвата: оно состояло из людей, которые сидели в этой харбинской яме.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Вы значит считали в известной степени считали, что земство могло бы быть государственной властью в силу того, что Земство является государственным установлением и что оно в то же время обнаружило достаточную деловитость в своей деятельности?

Адм. КОЛЧАК. Я главным образом базировался на последнем. Нокс спрашивает: "каким образом можно создать власть ?" Я сказал: "путь к созданию власти один: в первую очередь создание вооруженной силы, затем, когда эта ~~власть~~ сила уже ~~наступает~~ развита, то командующий этой силой там, где эта сила действует, осуществляет всю полноту власти военной. Как только освобождается известный район вооруженной силой, должна вступить гражданская власть в отправление своих функций. Какая власть ? Выдумывать ее не приходится, для этого есть земская организация и нужно ее поддерживать. Покуда территория мала, эти земские организации могут оставаться автономными, но по мере того, как развивается территория, эти земские организации, соединяясь в более крупные соединения, получают возможность уже выделить из себя тем или другим путем правительственный аппарат. Это была записка, которую я подал тогда Ноксу, для того чтобы выйти из хаоса. Впоследствии, когда мне пришлось поехать во Владивосток , когда мне пришлось познакомиться с деятельностью земства, я ~~утвердился~~ убедился, что это земство было большевитского напрвления и на него надежды, с моей точки зрения, не было .

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. А Вы в личные отношения с земскими деятелями входили или Вы слышали это от других и не возникало ли у Вас сомнения в том, что это освещение субъективное?

Адм. КОЛЧАК. Нет, в личные отношения с земскими деятелями я не входил, но из дел явствовало, что связь Медведева и Огарева с большевиками была несомненная, - это было дознано следствием и судебным материалом и для меня было ясно, что это Земство было полубольшевитским или большевитское.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Вам не было известно, что Медведев, возглавлявший земство, как орган власти, был из этого земства изгнан большевиками, которые несколько раз пытались его арестовать. Что Огарев, Городской Глова Владивостока, как лицо возглавляющее исполнительный орган Городского Управления, был изгнан и должен был точно также скрываться от большевиков ?

Адм. КОЛЧАК. Нет, я этого не знал. Нужно сказать, что вся обстанов-

На 85-ой стр. - Зачеркнуто "власть", "наступает", "утвердился", надписано "сила", "развита" и "убедился" - вписать.
Глав. Нач. Колчака К.Дитм

ка, в которой я сидел в Японии, исключала возможность давать мне правильную оценку и взвешивать все; что там происходило . По американским и японским газетам до меня доходило кое что.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Остается еще третий вид возникавших тогда организаций - это Дербердское правительство. Ваше отношение к Дербердскому правительству не изменилось, когда оно из претендента превратилось в некоторую организацию ?

Адм. КОЛЧАК. Нет, оно осталось таким же,как и было: я считал его правительством опереточным.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Я хотел бы задать Вам еще один вопрос : Вы с французским послом Реньо имели беседы и разговоры ?

Адм. КОЛЧАК. Я сделал ему один визит по совету Крупенского.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Я ставлю этот вопрос потому, что Реньо играл в последствии некоторую роль в союзнических кругах, влияющих на события в Сибири, а во вторых,потому что об этом есть какое то указание в письме г-жи Тимиревой к Вам от 17 сентября, в котором она говорит , что у Вас установился какой то альянс с Реньо.

Адм. КОЛЧАК. Он был очень мило у меня принят, но я только обменялся визитами с ним беседами ; Крупенский очень лестно о нем отзывался .

Обдумав свое положение в Японии, я в конце концов пришел к тому убеждению, что при условии интервенции я вряд ли буду иметь возможность здесь в России,что нибудь сделать, потому что эта интервенция мне не была ясна прежде всего. Она носила официальный характер помощи в обеспечении прохода чехов на Дальний Восток. Вслед затем получилось известие, что чехи отправляются обратно на Уральский фронт, и суть этой интервенции мне была в конце концов совершенно непотна. Я видел из предыдущих отношений, что я лицо нежелательное для японского командования и считал, что делать мне на Востоке здесь нечего. К этому времени я получил более подробное известие от Степанова относительно положения на юге России и затем меня чрезвычайно безпокоило положение моей семьи, от которой я решительно никаких писем не получал. Я знал, что она находится где то на юге в Севастополе, поэтому я решил поехать и постараться пробраться на юг, повидать ген. Алексеева, потому что из всей предшествующей власти Алексеев, как и Корнилов, сохранял в принципе для меня значение Верховного Главнокомандующего, которому я был когда то подчинен и никаким актом из этого подчинения не вышел. Я считаю, что если бы было в отношении меня сделано Алексеевым какое либо распоряжение, я считал бы обязанным для себя его выполнить, как приказание Главнокомандущего. Поэтому я решил ехать на юг, постараться найти свою семью и затем явиться в распоряжение ген. Алексеева. Вот решение, которое я предпринял в Японии.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Я хотел бы выяснить: как могло остаться такое мнение об Алексееве, как Главнокомандующем, после того , как он законно признанной всей Россией властью был удален от командования. Был Брусилов, затем был Духонин, который был убит во время переворота.

Адм. КОЛЧАК. Я представлял себе, что на юге Алексеев является Главнокомандующим теми силами, которые там имеются, и считал, что я должен ему подчиниться в силу того, что он был раньше Главнокомандующим. Это было не совсем правильно, он в сущности Главнокомандующим не был, но я тогда не знал, я представлял себе организацию противобольшевитскую, возглавляемую Алексеевым, потому что роль Корнилова был для меня не совсем ясна.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. До Вас в Японии доходили известия о том,

Тов Пред Чрезвычка Кот

что в Западной Сибири образовалось Западно-Сибирское Правительство и как Вы к этому относились ?

Адм. КОЛЧАК. Были неопределенные сведения, что в Омске образовалось Западно- Сибирское Правительство, были неясные слухи о том, что в Самаре собирается съезд Членов Учредительного Собрания, были первые намеки об образовании Директории, - это были все отрывочные и неопределнные сведения, из них самое серьезное это то, что Омскому Правительству удалось успешно провести мобилизацию в Сибири, и что население, совершенно измучившееся за время хозяйничанья большевитской власти, главным образом в лице Сибирской кооперации, поддержи-вали власть этого правительства. Ни характера этого правитльства, ни его целей и тенденций я не знал, я знал только, что оно противобольшевитское. Тогда же я узнал об организации вооруженной силы Гришиным -Алмазовым, подробности же я узнал, когда прибыл во Владивосток. Из Японии я уехал с намерением уехать на юг России, но потом мое решение изменилось. Из Японии я уехал безпрепятственно. Прибывши в Владивосток, я обратился к своим знакомым сослуживцам морякам; в свою очеред последние, узнав о моем приезде, обратились ко мне с просьбой, чтобы я им посвятил вечер и высказал свое мнение, что им делать, кому подчиняться и каково должно быть отношение морских офицеров и команд к существующему троевластию. Я сказал, что я это сделаю, но прежде я прошу дать мне несколько дней, чтобы ознакомиться с тем, что делается в Владивостоке. Владивосток произвел на меня впечатление чрезвычайно тяжелое: я не мог забыть, что я там бывал во время Империи, тогда мы были хозяевами, это был наш порт, наш город, теперь жет там распоряжался кто угодно. Все лучшие дома, лучшие казармы, лучшие дамбы были заняты чехами, японцами, союзными войсками, которые туда прибывали, а наше положение было глубоко унизительное, глубоко печальное, я чувствовал, что Владивосток уже не является нашим русским городом.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Каково было Ваше принципиальное отношение к интервенции раньше, чем Вы ее увидели в Владивостоке ?

Адм. КОЛЧАК. В принципе я был против нее.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Все таки можно быть в принципе против известнойМеры, но допускать ее на практике, потому что другого выхода нет. Вы считали, что не смотря на то, что интервенция нежелательна, к ней все таки надо прибегнуть ?

Адм. КОЛЧАК. Я считал, что эта интервенция, в сущнос и говоря, закончится оккупацией и захватом нашего Дальнего Востока в чужие руки. В Японии я убедился в этом. Затем я не мог относиться сочувственно к этой интервенции в виду позорного отношения к нашим войскам и унизительного положения всех русских людей и властей, которые там были: меня это оскорбляло, я не мог относиться к этому доброжелательно. Затем самая цель и характер интервенции носили глубоко оскорбительныйхарактер, это не было помощью России, все это выставлялось, как помощь чехам и их благополучному возвращению, и в связи с этим это получало глубоко оскорбительный и глубоко тяжелый характер для русских. Вся интервенция мне представлялась в форме установления чужого влияния на Дальний Восток.

В Владивостоке я получил первые сведения о Западно-Сибирском Правительстве, которое тогда называлось Вологодского. Затем я узнал, что в Уфе состоялось совещание, на котором было решено из Сибирского Правительства образовать Всероссийскую власть, и что во главе этой власти будет стоять Директория в составе Авксентьева, Зензинова, Чайковского, Вологодского и Болдырева; там же я узнал, что в Архангельске образуется какая то власть под председательством Чайковского и что все эти отдельные правительства решили объединиться под флагом Директории. Когда я сибирался беседовать об этом вопросе со своими сослуживцами моряками, где были представи-

на 89-ой стр. - вписано "под уверенно" зачеркнуто "подтверждало" "неправильно" "тогда" "прежде" "Чайковского" "иностранцев" "неправильно"
Пов. Пред. Иркутска Ктов
и "должен" - вписано
Пов. Пред. Иркутска Ктов

46

тели от Морского Управления на Дальнем Востоке, я высказал им совершенно определенно: я не являюсь здесь Вашим Начальником, я совершенно частное лицо и если Вы хотите знать мое мнение, то для того, чтобы прекратить в конце концев то сове шенно недостоиное положение, которое существует в Владивостоке в виде двух или трех каких то правительственных орга инаций, которые боряться между собою. за вдасть, я бы признал Западно-Сибирское Правительство, потому что это правительство образовалось повидимому без всякого постороннего влияния и поддерживается широкими слоями населения Сибири: оно уже провело мобилизацию, что показывает, что правительство имеет действительную организацию и пользуется сочувствием и доверием наеления, потому что такая мобилизация иначе не пройдет. Вот те мотивы, которые заставляют меня признать это правительство и всеми сила и поддержать его авторитет. К этому времени, как раз прибыла миссия Вологодского в Владивосток. Не помню кто с ним был, но навреное помню, что был Гинс. Правительство это прибыло в Владивосток и сейчас же в тот или другой день Вологодский созвал представителей Дерберского Правительства, которые моментально сложили свои полномочия и признали власть Сибирского Правительства. Затем повидимому Земство тоже признало это правительство и вслед затем Хорват сказал, что он тоже подчиняется новой Сибирской власти. Я лично представился тогда Вологодскому, так как бывший с ним один из морских офицеров сообщил мне, что было бы желательно, чтобы я повидался с Вологодским. Я сделал ему визит, он был страшно занят, ни о чем серьезно не говорил, я сказал ему совершенно определенно, что те морские части, которые имеются здесь, безусловно подчиняются распоряжениям этого правительства. Затем эта миссия уехала, а я еще оставался, так как не мог никак выбраться из Владивостока, и в конце концев мне пришлось обратиться в Чешский Штаб. Сюда относится и первая моя встреча с Гайдой, который находился тогда в Владивостоке. Я получил известие, что он желает меня повидать. Я пошел к нему в Штаб и встретился с ним в здании бывшего порта, где он находился. Я спросил его, в каком положении находится ~~все~~ дело. Он мне ответил, что вся сибирская магистраль очищена совершенно от большевиков, что есть постановление союзного командования о том, чтобы чехи не уходили из России в виду невозможности предоставить им тоннаж, а чтобы они шли на Урал, что на Урале теперь образуется чешско-русский фронт, который будет продолжать борьбу с большевиками. Я спросил его, какой характер носят вообще эти большевитские вооруженные силы ? Он тогда совершенно определенно сказал: "это продолжение той войны, которая была раньше, центром тяжести всех этих вооруженных сил являются немецкий и мадьярские военно-пленные, для меня совершенно несомненно, что это есть та же война, которая велась раньше, и немцы несомненно участвуют во всем этом предприятии." Затем я спросил: "Вам известно про Омское Правительство и как Вы на него смотрите ?" -"Да, говорит он, это Омское Правительство сделало уже большую работу в создании армии и эта армия теперь действует согласно с нами". Я спросил: "кем объединяется командование?" -" Этот вопрос, говорит он, пока висит в воздухе, потому что объединения русского и чешского командования нет. До сих пор русские и чешские отряды дрались вместе с ~~на-~~ чешских войск, там русские подчинялись, и обратно, но общего командования у нас нет". Я говорю: "по моему это большой недостаток в борьбе, раз нет объединенной вооруженной силы, хотя бы только по оперативным заданиям".- " Я думаю, что правительство по этому поводу несомненно войдет с нами в соглашение и я надеюсь, что вопрос мы в ближайшее время разрешим." Действительно, Гайда обращался в то время к Вологодскому относительно назначения себя Главнокомандующим вооруженными силами русскими и чешскими, действующими на территории Сибири, чтобы правительство санкционировало его власть. " Как бы Вы отнеслись к этому?" спрашивает он меня. Я сказал: "для меня вопрос подчинения той или иной вооруженной силе определяется всегда практическим путем. Я не знаю состава

а) обыкн.- исправлено „положение", зачеркнуто „с нами" в черте.

Тов Пред. Прибытка Кто?

русских сил, если Вы ~~все~~ чехи более организованы и в стратегическом отношении имеете большую ценность, то будет вполне естественно, что командование должно Вам принадлежать, если отношения изменятся в сторону русских, то должно быть русское командование, - иначе вопроса решить никак нельзя. Скажите, что такое Директория и что она из себя представляет?" Он говорит: " это образование нежизненное несомненно, я не верю, чтобы эта Директория могла объединить все русские части и силы, действующие здесь в Сибири и на другой территории. Я лично думаю, что она этого не может, и я имею сведения, что Омское Правительство относится вообще к этой затее отрицательно. Но Вологодский сам вошел в состав Директории и тем самым явился как бы в подчинении". Я говорю: " какую при этих условиях власть Вы считали бы наилучшей ?"- " Я, говорит он, считаю, что в этом периоде и в этих условиях может быть только военная диктатура". Я ответил: "военная диктатура прежде всего предполагает армию, на которую опирается диктатор и следовательно это может быть власть только того лица, в распоряжении которого находится армия, но такого лица не существует, потому что даже нет общего командования. Для диктатуры нужно прежде всего крупное военное имя, которому бы армия верила, которая бы знала это лицо, и только в таких условиях это возможно. Диктатура есть военное управление и она базируется в конце концов всецело на вооруженной силе, а раз этой вооруженной силы нет пока , то как Вы эту диктатуру создадите?" На это он мне отвечает: "Конечно, это вопрос будущего времени, потому что сейчас все еще нахрдится в периоде созидания, развития, но я лично считаю, что это единственный выход, ка ой только может быть". На этом разговоре мы расстались.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Этот разговор был после свидания с Вологодским и после отъезда Вологодского из Владивостока ?

Адм. КОЛЧАК. Сколько помнится, после.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Когда Гайда заявил Вам, что он имел разговор или делал предложение Вологодскому о назначении его общим Главнокомандующим, было ли тогда для Вас ясно положение Гайды в самой чешской армии? был ли он признанным вождем всех чешских сил?

Адм. КОЛЧАК. Это не было ясно для меня, я слышал фамилии Сырового, Чечека, в Владивостоке Гайда имел повидимому настоящую армию, всех же войск распределенных по вской территории Сибири до того, как они призвали военнопленных, было 20.000 -25.000, впоследствии они дошли до 40.000.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Вы не знали, кто в служебном отношении у них выше, Сыровой или Гайда ?

Адм. КОЛЧАК. Нет я не знал, они как бы самостоятельно действовали: Гайда на Востоке, а Сыровой на западе, но Гайда ему не подчинялся.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. А подчинялся ли Чечек Гайде или нет ?

Адм. КОЛЧАК. Я этого тоже не знаю. Затем я узнал, что Семенов подчинился Омскому Правительству, что у него было свидание с Пепеляевым, который прибыл в Читу. Таким образом впечатление у меня получилось такое, что дело все таки сдвинулось с той мертвой точки, на которой оно было, что возникает какое то сильное объединенное правительство, которое будет в состоянии что нибудь сделать.

А.Н. АЛЕКСЕ ВСКИЙ. А участие чехов в русской политической вооруженной гражданской войне Вы не считали интервенцией союзников?

На 89-ой стр. - поправить „чешских" - вычеркнуть

Пов. Пред. Иркутского Окр. Суда

Адм. КОЛЧАК. Нет, я считал, что чехи стоят совершенно особо. Прежде всего для меня было ясно, что чехи были поставлены в необходимость этой борьбы, для того чтобы выбраться из России. Я на чехов смотрел совершенно другими глазами, я их отделял от тех союзников, которые пришли извне.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Но тогда для Вас было ясно, что сами чехи, как вооруженная сила, находятся тоже в распоряжении союзников?

Адм. КОЛЧАК. Тогда это было не совсем ясно, наоборот мне представлялось, что они действуют совершенно самостоятельно, но что союзники им помогают, по крайнеймере они официально высказывали, что интервенцию они делают для обезпечения выхода прохода чехов, это был официальный язык, которым они всегда говорили.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. А теперь для Вас ясно, что выступление чехов было спровацировано союзниками или большевиками ?

Адм. КОЛЧАК. Я не знаю, мне представлялось всегда, что чешское восстание началось в Европейской России, когда они решили двигаться на Восток, чтобы уйти оттуда. Мне кажется тут не было определенной провокации: просто большевики начали их разоружать, это создало им впечателние, что их не выпустят, это заставило их сплотить ся и сорганизоваться, - это был вопрос жизни и смерти для них.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Но впоследствии оказалось, что там был целый ряд агентов французских и английских до того, как большевики приступили к разоружению.

Адм. КОЛЧАК. Я мало осведомлен об этом. Мне начал рассказывать обо всей этой истории Дидерихс, которыйбыл Начальником Штаба у Сырового. Насколько я знаю об этом с момента чешского движения, это был вопрос жизни и смерти их: они считали, что в России они погибли, потому что немцы хозяйничают в России, как они хотят. Они уходили уже на запад, чтобы двинуться домой, но это было невозможно. Тогда они бросились в Сибирь, для того чтобы итти на Восток, не расчитавши, что союзники не могли в то время дать им тоннажа. Ведь если бы союзники руководили ими, то как объяснить, что они прошли всю бибирь по магистрали ?

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Есть сведения, что союзники решили захватить магистраль и для этого нужно было дать чехам дойти до головного участка, чтобы иметь в своем распоряженни Владивосток и обладая магистралью осуществить свою мечту о создании Уральского фронта. Есть другое объяснение, что вовсе чехи не бросились на сибирскую магистраль, чтобы по ней уходить от большевиков,- они были направлены на эту магистраль.

Адм. КОЛЧАК. Откровенно Вам скажу, я не имею этих данных ..в наступлении чехов я не видел руководящей руки союзников. для меня стала ясна роль союзников с чехами уже впоследствии.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Этот разговор с Гайдой интересен в отношении выяснения Вашей идеи, впоследствии целиком овладевшей Вми, а в начале как будтот бывшей под некоторым сомнением, — идеи единоличной власти. Когда Гайда развивал Вам мысль, что только военная диктатура возможна, Вы держались того мнения. После того, как Вы познакомились с деятельностью Земства, Вы укрепились, и Ваши колебания в отношении характера образования власти в напрвлении единоличной власти или в направлении ее коллегиальности определились к этому времени ?

0-ой стр. зачеркнуто «они», надписано «чехи», вписано «союзники думали», зачеркнуто надписано «они», вписано «все», вписано «с Вашей точки зрения» вписано «а кто» — вверху. Тов. Пред. Трибунала

Адм. КОЛЧАК. Впоследствии я смотрел на единоличную власть совершенно может быть не с той точки зрения, с какой Вы предполагаете. Я считал необходимой прежде всего единоличную военную власть - общее единое командование. Затем я считал, что всякая такая единоличная власть, единоличное верховное командование, в сущности говоря, может действовать с диктаторскими приемами и полномочиями, только на театре военных действий и в течении определенного очень короткого периода времени, когда можно действовать, основываясь на чисто военных законоположениях. У нас имеется чрезвычайно глубоко продуманное взятое из-за границы, сверенное со всеми подобными же трудами в Германии, Англии и Франции, Положение о Полевом Управлении Войск: это есть кодекс диктатуры, это кодекс чисто военного правления. Для меня было ясно, так как я очень хорошо знаю это Положение, и над ним очень много сидел, изучал и считаю его одним из самых глубоких и самых обдуманных военных законоположений, которые у нас были - для меня было ясно, что управлять страной на основании этого Положения , в сущности говоря, нельзя, потому что там не было целого ряда таких Положений необходимых, как например вопросы финансового порядка, вопросы торгово-промышленных отношений, там не существует целого ряда государственных функций, которые власть должна о существлять, они Положением о Полевом Управлении Войск не предусматриваются. Поэтому мне казалось, что единоличная власть, как военная, должна непременно связываться еще с организованной властью гражданского типа, которая подчиняется этой военной власти и на театре военных действий. Это делается для того чтобы объединиться в одной цели ведения войны. Таким образом ~~единоличная~~ власть складывается из двух функций: Верховного командования плюс ~~верховная~~ гражданская власть, подчиненная ~~гражданскому порядку~~, которой можно было бы управлять вне театра военных действий.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Конечно, мы так и подразумеваем, что без гражданского аппарата, без высшего гражданского управления управлять страной нельзя. А военная власть возглавляется только одним лицом ?

Адм. КОЛЧАК. Да, Мне казалось, что именно такая организация власти в период борьбы должна существовать и в этом убеждении я укрепился уже тогда, я обдумал этот вопрос и пришел к тому, что это есть единственная форма, которая в таком положении будет возможна.

Ехал я в Омск с очень большой медленностью, с большими остановками, я ехал 17 дней и в течении пути у меня ни встреч ни задержек не было. В Омске я не предполагал останавливаться кроме нескольких дней для того, чтобы выяснить возможность выехать на юг и выяснить, в каком положении находятся дела на юге и решить, как дальше двигаться. Когда я прибыл во Владивосток я вместе с тем сложил с себя полномочия Члена Правления Китайской Восточной ж.д.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Вот на этом я хотел бы обратить Ваше внимание: Вы сложили эти полномочия, но Правление как будто бы не освободило Вас от звания Члена Правления. Вы получили уведомление ?

Адм. КОЛЧАК. Помнится мне, что ~~оно~~ было получено. Я подал Хорвату докладную записку о том, что я уезжаю с Востока и прекращаю свою работу, и считаю, что не могу более оставаться в составе Правления и прошу меня отчислить, и когда я был в Харбине, я получил свои последние 2000 руб калования, которые я , как член Правления, получал, и сказа, что я заканчиваю свою деятельность.

На 91-ой стр. - исправлено "власть штаба" зачеркнуто "единоличная" зачерк. "Верховная" надписано "аппарат" зачеркнуто "гражданскому порядку" надписано "верховной командования" вписано "аппарат", испр. "которым" вписано "оной" зачеркнуто "и" - верно.

Пом. Нач. Иркутского Кат[illegible]

Пом. Нач. Иркутского Кат[illegible]

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Этот вопрос, конечно, не имеет существенного значения, но может иметь значение в Вашем судебном деле. Дело в том, что Правление или Управление ж.д. в 1919 году давало сведения о составе Управления Восточно-Китайской ж.д. такие, что Вы входили как один из членов Правления.

Адм. КОЛЧАК. Я не могу даже представить себе, чтобы после мое его заявления они меня считали членом Правления. Я сказал, что я не могу оставаться членом Правления, и никакого вознаграждения я не получал. Ни одного дела, ни одной бумажки до меня не доходило и никакого отношения я больше никакого к правлению не имел.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Я говорю это потому, что по смете ж.д. Департамента за 1919 г., в части ее, касающейся Врост.Кит. дор. Министерству финансов был представлен список членов Правления Восточно- Китайской дороги, и Вы там значились.

Адм. КОЛЧАК. Меня это совершенно удивляетъ, потому что я никакого отношения к дороге тогда не имел. Я думаю, что это какое то недоразумение или упущение в смете, может быть эта смета составлялась еще в сентябре месяце ?

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Нет, она составлялась весной 1919 г. Я сам ее видел.

Адм. КОЛЧАК. Это какая то ошибка, потому что я не имел никакого отношения.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Эта ошибка может иметь значение, потому что он а может послужить поводом к предположению, что Вы, будучи Верховным Правителем, оставались Членом Правления.

Адм. КОЛЧАК. Это было совершенно немыслимо. В сентябре, когда я уехал и когда я фактически не мог состоять в Правлении, я сложил свои полномочия.

По прибытии в Омск я узнал о смерти Алексеева, который умер, кажется, 11 или 12 сентября, там же я получил известие о смерти Корнилова, и что Главнокомандующим Добровольческой Армией на юге России является ген. Деникин. Когда я прибыл в Омск, на ветке уже стоял поезд с членами Директории и поезд Болдырева, который был тогда назначен Верховным Командующим и прибыл со своим Штабом в Омск. По прибытии в Омск мы встретили ген. Мартьянова, моего сослуживца по Балтийскому морю и Штабу Эссена и Казимирова. Они встретили меня и спросили, что я намерен делать. Я сказал, что я здесь только проездом и хочу пробраться на юг России. Они мне сказали: " зачем Вы поедете, там в настоящее время есть власть Деникина, там идет своя работа, Вам надо оставаться здесь. Во всяком случае мы Вас просим организовать на первое время морских офицеров, которые здесь разбросаны в Сибири. Надо, чтобы кто нибудь взялся за организацию этих морских частей и Вы единственное авторитетное лицо, которое может это взять на себя. Здесь уже имеется маленький зачаток, - Морское Управление, во главе которого стоит Казимиров, но пока мы занимаемся одной регистратурой, составляем списки офицеров, которые проезжают через Омск и являются сюда, но надо это дело поставить, чтобы последние остатки, какие сохранились от флота, распыленные и разбросанные, сбрать. Я говорю: " Ведь в Омске флота нет, эту работу Вы можете спокойно без меня провести. Для флота надо все сосредоточить во Владивостоке, там наш центр, там есть кое какие остатки нашего имущества, транспорта и это единственное место, куда всем морским офицерам надо отправляться. Я только что уехал оттуда, назад ехать ненамерен. " Затем о моем приезде узнал Болдырев. Это был первый из членов Директории, который прислал ко мне адьютанта и пригласил к себе. Болдырев задал мне вопрос, что я намерен делать. Я сказал, что хочу ехать на юг России, никакого опреде-

Надо: вместо - вписано "тогда", зачеркнуто "пробел", надписано "упущение", зачеркнуто "мы встретили", надписано "меня встретили" - верны. пом. Пред. Чрезвычайки Клюбкина Клюбкин.

пом Пред. Чрезвычайки Клюбкина Клюбкин

ленного дела у меня нет и хочу выяснить вопрос, как туда проехать. Он мне сказал: " Вы здесь нужнее и я прошу Вас остаться". На это я ответил: " Что же мне здесь делать: флота здесь нет." Он говорит " Я думаю, Вас использовать для более широкой задачи, но я Вам об этом скажу потом. Если Вы располагаете временем, останьтесь несколько дней." Я сказал, что я человек свободный, у меня есть телефон, данныймне в Владивостоке и если Вы позволите поставить его на ветке, я могу ждать дальнейших Ваших указаний". Потом я сделал визит всем членам Директории, познакомился с Авксентьевым Зензиновым, Виноградовым и беседовал с ними по делам чисто частного порядка. Болдырева я раньше не знал никогда, но фамилия его была мне известна. Я считал его фигурой довольно крупной, он образованный офицер, но его деятельности я не знал, частью слышал о не скорее положительные хорошие отзывы. Начальником Штаба был Розанов. Я был у него с визитом и к этому же времени относится знакомство с представителями Добровольческой Армии генералами Лебедевым, Сахаровым И Романовским.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Они были официальными представителями Добровольческой Армии ?

Адм. КОЛЧАК. Официальным представителем Добровольческой Армии был Лебедев, а Сахаров и Романовский были в Добровольческой Армии, но сколько помнится полномочий у них не было.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Значит Лебедев в сущности был послан командованием Добровольческой армией в Сибирь ?

Адм. КОЛЧАК. Да, для связи и информации .

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. А не слышали ли Вы сомнений в том, что полномочия его действительны ?

Адм. КОЛЧАК. Нет, я никогда не слышал. Вся дальнейшая переписка, которая велась у меня с Деникиным, шла про него и Деникин писал о нем. Ведь это был один из мотивов почему я взял его к себе Начальников Штаба.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Я слышал такое объяснение, что Лебедев - я конечно характеризую его так, как характеризовали те, которые давали мне сведения - очень самолюбивый и очень честолюбивый молодой офицер, несомненно был в Добровольческой Армии, но его командировка сюда не носила такого официального характера поручения от командования, как он претендовал, но он претендовал и сумел доказать это и тогда, благодаря этому, он получил ответственную должность Начальника Штаба, и поэтому потом командование Добровольческой Армией было в известной степени удовлетворено тем, что лицо, бывшее в Добровольческой Армии, состоит Начальником Штаба и поэтому оно не могло отрицать этого, что в известной степени он является представителем Добровольческой Армии, таким образом получилось некоторое de facto . Это имеет большое значение, потому что эта фигура около Вас играла большую роль и его близкое прохождение к Вам и к той политической работе, какая здесь совершалась, имеет большой интерес и отношение к Вашему делу и к другим. Так я определенно ставлю Вам этот вопрос: возникали ли у Вас какие нибудь сомнения или по крайней мере слышали ли Вы это? Ведь против него велась определенная кампания и указывался целый ряд возражений на его близость к Вам ?

Адм. КОЛЧАК. Нет, до меня не доходило, что он является официальным представителем Добровольческой Армии. В письмах Деникин мне ни одного слова об этом не писал. Я думаю, что если бы он явился без достаточных полномочий от Деникина, то Деникин прежде всего известил бы меня, что он не считает его своим представителем, - как же иначе это могло быть ?

На 93-ей стр. - зачеркнуто "мне", исправлено "меня", вписано "и лишь", "моя", исправл. "слышал", зачерк. "вся", "официал.", "в", зачеркнуто "шла про него и", зачеркнуто "на", надписано "против", вписано "известно" - верно.

Нач. Упр. Колчака Ключ

49

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Я, как допустимую гипотезу, это принимаю.

Адм. КОЛЧАК. А я это совершенно отвергаю, потому что у меня никаких данных нет: я находился в переписке с Деникиным и Деникин отличнознал, так как вся переписка и донесения посылались Деникину.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Это было fait accompli он был представителем, но он не был послан представителем с широкими полномочиями, он был послан для информации.

Адм. КОЛЧАК. Конечно, он не был послан и никогда Деникин не мог предполагать, что Лебедев будет у меня Начальником Штаба. Он его, вероятно, послал с теми задачами, с какими посылались офицеры: т.е. информировать его о положении вещей и делать все, что потребует Добровольческая Армия в смысле установления связи с Добровольческой Армией. Я уверен, что он таких полномочий быть Начальником Штаба не имел.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Нет, не начальником Штаба, а быть официальным представителем.

Адм. КОЛЧАК. Я глубоко убежден, что если бы этого не было, то Деникин бы меня известил, что он считает нежелательным это лицо и оно не пользуется его доверием, как это он делал в отношении других офицеров, когда он посылал телеграммой: " пожалуйста, такие то офицеры не пользуются доверием Добровольческой Армии, будьте осторожны". Был даже ряд офицеров, которые сидели арестованными в Омской тюрьме, как не посланные вовсе Деникиным, как самозванцы. Когда явились ко мне представители Добровольческой Армии, они меня информировали о положении вещей на юге России, что там делается, какая там организация управления и т.д. Затем были разговоры относительно Директории. Все, как эти представители, так и другие лица из армии, с которыми я встречался, относились совершенно отрицательно к Директории: они говорили, что Директория это есть повторение того же самого Керенского, что Авксентьев тот же Керенский, что идя по тому же пути, который уже пройден Россией, они неизбежно приведут ее снова к большевизму, и что в Армии доверия к Директории нет. В частности к Болдыреву было тоже отношение, говорили, что Сибирское Правительство относится к появлению этой Директории скрепя сердце, что это нужно, но что симпатии и сочувствия к этой Директории в среде Сибирского Правительства и армии нет. Из переговоров и случайных встреч с казаками я узнал, что у них есть определенное отрицательное отношение, они говорили, что это есть представители партии, которые войдут в соглашение с большевиками и погубят Россию. Из казаков я встречался с Волковым и еще с некоторыми другими молодыми офицерами, которых я встречал в гостях. Затем я плохо помню, кто меня просил сделать доклад о положении на Дальнем Востоке, это был какой то общественный деятель. Я сделал свой доклад, в котором я очень мрачно обрисовал положение и указал, что по моему все идет к тому, что Дальний Восток будет нами потерян, сил создать нам не удастся и т.д. Это было большое собрание, там где помещалась 2-я мужская гимназия, это было собрание чисто гражданских и общественных деятелей. Из Директории на этом собрании никто не присутствовал, а от Сибирского Правительства очевидно были представители, но боюсь точно сказать кто.

Дня через два после этого меня снова вызвал ген. Болдырев к себе в вагон и сказал, что он считает желательным, чтобы я вошел в состав Сибирского Правительства в качестве Военного и Морского Министра. Я ему на это сначала ответил отказом, потому что я могу взяться только за морское ведомство, какого сейчас создавать нельзя, а пока надо постараться разобраться, какие здесь имеются рессурсы, средства, личный состав, привести это в порядоки тогда можно будет создать какой нибудь орган. Что касается Военного Министерства

-ойсир - вписано „о Лебедеве", „относительно нашей армии", вписано „Начальником Штаба" зачеркнуто „какого", надписано „которого" - вкрить.

Тов. Пред. Иркутского Ктк.

Тов Пред. Иркутского Ктк

то я знаю, что такое военное Министерство во время войны, и просто на просто не хотел бы брать на себя этой обязанности. Болдырев тем не менее очень настаивал: "Не отклоняйте этого предложения, Вы сами увидите, если дело не пойдет у Вас, никто Вас не связывает, Вы всегда можете его оставить, но сейчас у меня нет ни одного лица, которое пользовалось бы извес ным именем и доверием, кроме Вас, поэтому я Вас прошу, обращаясь к Вашему служебному долгу, чтобы Вы мне помогли, вступивши в должность Военного и Морского Министра." Я сказал: " мне понятны все функции задачи, которые возлагаются на Военное Министерство во время войны, но прежде всего мне хотелось бы задать вопрос: какое положение у меня в отношении войск, какие войска будут мне подчинены, будут ли известные части в моем распоряжении или они все изъемлются, а у меня остаются аппараты снабжения армии, какие главным образом ложатся на Военного Министра в военное время". Он мне ответил: "вопрос о разграничении командования у нас еще не вполне закончен. Ведь здесь, как Вы слышали, Военный Министр уже имеется в составе Сибирского Правительства - Иванов-Р инов, но теперь по всей вероятности вновь приходится формироваться Совету Министров и Иванов-Ринов вряд ли войдет в этот Совет, это место останется свободным и я прошу Вас его занять". Я сказал: "я дам Вам окончательный ответ только тогда, когда я выясню себе ясно, что собственно мне придется делать, какие взаимоотношения у меня будут с Вами , командующим армией и со всеми теми войсками, которые находятся на территории Сибири. Здесь, насколько я слышал, существует система, с котрой я коренным образом расхожусь в основаниях: это корпусная территориальная система. Я считаю, что применять здесь в Сибири эту систему при тех расстояниях, при тех средствах сообщения, брать этот германский образец и класть в основу организации вооруженной силы я считаю совершенно неправильным, я считаю, что от этой организации будет нужно отказаться, а между тем большинство тут являются сторонниками этой системы и мне придется с места вступать в конфликт с начальниками из-за такого то кардинального вопроса. Этот вопрос меня больше всего заботит". Он говорит: "Я считаю, эту систему неприемлемой, я разделяю Вашу точку зрения, и мы этот вопрос как нибудь уладим. Я тогда сделаю распоряжение относительно того, чтобы Вы вошли в состав Правительства". Я говорю: " хорошо, я войду, но повторяю Ваше Превосходительство, что если только я увижу, что обстановка и условия будут неподходящими для моей работы и расходятся с моими взглядами, я прошу освободить меня от должности. Я ставлю еще одно условие: я неясно себе представляю, что такое представляет из себя фронт, что такое наши вооруженные силы на Урале, что нужно, какие отношения существуют у у Вас с чехами, - я человек посторонний и считаю необходимым уехать в ближайшее время на фронт, для того чтобы лично объехать все наши части и убедиться в том, что для них требуется .

В.П. ДЕНИКЕ. А не возникало у Вас с Болдыревым разговора в связи с предложением министерского поста об общем положении, в какой мере возможно и удобно Вам работать с Директорией, в какой мере вообще Директория может защищать Ваши взгляды ?

Адм. КОЛЧАК. Нет, Болдырев меня не запрашивал, мы вели чисто деловой разговор.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Словом Вы смотрели на это предложение несколько профессионально и технических и политических возражений не делали ?

Адм. КОЛЧАК. Нет, с Болдыревым я об этом не разговаривал, но я сознавал, шел на службу к Директории. Принципиальных возражений против принятия портфеля Военного Министра у ме-

На 95-ой стр. - исправлено "и", зачерк. "что", надписано "если", исправлено "оканчулся", "приедется", "такого", "кардинальнаго", зачеркнуто "то", "и", надписано "что" - вчитать

Пов. Пред. Иркутскаго Окр. Суда.

- вчитать.

Пов. Пред. Иркутскаго Окр. Суда.

не не было, так как политического вопроса мы с Болдыревым не касались.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Предложение поста Военного Морского Министра Вы получили впервые от Болдырева, но разговоры о возможности вхождения в Сибирское Правительство в качестве Военного ли Министра или Техника у Вас были раньше с Болдыревым или с кем нибудь другим ?

Адм. КОЛЧАК. Нет, я ни с кем не говорил. Первый разговор был с Болдыревым.

В.П. ДЕНИКЕ. А Болдырев во время разговора не сказал ли Вам о том, что об этом есть своего рода предположения в некоторой среде и что такого рода вхождение будет приветствоваться Сибирским Правительством или отдельными его членами ?

Адм. КОЛЧАК. Нет, он об этом не говорил. Затем мне пришлось в первый раз после того, как я получил от Болдырева письменное предложение вступить в отправле ие моей деятельности, бывать каждый день на заседаниях Совета Министров .

В.П. ДЕНИКЕ. Это был уже не Сибирский Совет Министров, момент формирования его происходил без Вас ?

Адм. КОЛЧАК. Нет, он происходил при мне, потому что Директория приехала за один-два дня до меня. В заседаниях Совета Министров я встретил совершенно определенную атмосферу борьбы Сибирского Правительства с Директорией. Я явился к председателю Совета Министров Волгодскому, сообщил, что со стороны Болдырева есть такое то распоряжение и я стал являться туда, как член Правительства. Таким образом я был назначен Болдыревым не единолично, а от имени Директории и очевидно он об этом совещался с членами Директории.

Атмосфера, которую я там встретил, была чрезвычайно напряженная, я мог бы ее характеризовать как атмосферу борьбы Сибирского Правительства с Директорией. Расхождения главным образом шли по поводу некоторых персональных оставлений в составе Министров, между прочим этот вопрос особенно обострился при назначении Михайлова, которого Директория не желала, а затем еще при назначении Роговского товарищем Министра Внутренних Дел по Делам Государственной охраны. Эти два вопроса приняли чрезвычайно большую остроту.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Члены Директории учавствовали на заседании Совета Министров ?

Адм. КОЛЧАК. Нет, только Вологодский, а у них шли свои заседания, на которых я не присутствовал, а присутствовал только Вологодский. К этому же самому периоду относится и чрезвычайно меня поразившее и удивившее выступление впервые чехов по поводу состава Правительства - представителей Кошека и Рихтера. Главное возражение, которое делалось на этой почве, сводилось к тому, что мы получили партийную власть, что с.р. в конце концов будут проводить свои планы, которые расходятся с мнением правительства, что это является несомненным уклоном в сторону большевизма, доказательством чего является связь настоящего правительства с Черновым, который был тогда в Екатеринбурге. Как раз к этому времени было выпущено воззвание за подписью Чернова, касающееся вооруженных сил. Оно наделало большую бурю и в правительстве и в армии и в военных кругах. Оно было составлено в обычных тонах и вызвало везде страшное негодование. В этом воззвании было указание на то, что офицеры реакционеры, что они восстановили погоны, что под этим видим снова готовится реакция или контр-революция,- все это темы глубоко оскорбительные для всего офицерства, кото-

На 96-ой стр. - в списке "борьбы", зачеркнуто "туда" надписано "в Совете Министров", зачеркнуто "нам" надписано "в Совете", списано "кто" - вправить.
тов. Пред. Иркутского Ктн

рое в своей массе вело борьбу с большевиками и не преследовало никаких политических целей. В самой армии были две стороны, которые довольно враждебно относились друг к другу: это сибирская армия с бело-зелеными значками, создавшаяся на территории Сибири и так называемая Народная Армия, которая образовалась в Поволожье. Между ними существовала довольно открытая вражда и это меня чрезвычайно печалило: офицеры были одни и те же, в сибирской армии была масса офицерства совсем не сибиряков, главный контингент Народной Армии был из Европейской России. Они носили трехцветную полосу - русский национальный флаг, и кажется в это время были даже без погон, а сибирская армия с самого начала надела погоны и бело-зеленое знамя взяла, как свои символ. Было много случаев столкновений между офицерами и это меня глубоко печалило, но в общем думать о тех инсинуациях и нареканиях, которые возводил Чернов на офицерство, было нельзя, это была ложь, напрвленная с целью разложить , с таким трудом и усилиями созданную , вооруженную силу.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Вы несколько раз касадись вопроса о внешних знаках в армии, о погонах и отличиях офицеров, и Вы сейчас высказываете мнение, что погоны и внешние знаки были приняты в Сибирской армии и отрицались в Народной. Не возникало у Вас впоследствии вопроса о том, что окружавшие Вас офицеры в Омске вводили Вас в заблуждение? Офицерство в общем по психологическим побуждениям не очень высокаго масштаба стояло всегда за погоны и отличительные знаки, - не возникало ли у Вас сомнения, что на фронте вся армия ходит без погон, что солдаты и офицеры Народной Армии и лучшие боевые офицеры Сибирской Армии равнодушно относились к погонам? Это вопрос (очень пустяшный), у нас в русской жействительности сделался большим вопросом. Как Вы лично относились к погонам ?

Адм. КОЛЧАК. Я лично относился положительно, мотивируя это тем, что это есть чисто русское отличие, нигде заграницей не существующее. Я считал, что армия наша, когда была в погонах, дралась, когда армия повернула свой дух, когда она сняла погоны, это было связано с периодом величайшего позора и развала. Я лично считал: какие основания для того , чтобы снимать погоны ? Вся наша армия всегда носила погоны.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Конечно, Вы впоследствии должны были действовать, как политик: если в солдатской массе есть настроение противпогон, сделать уступку.

Адм. КОЛЧАК. Нет. Я во время объездов фронта, а я очень много времени проводил на фронте - встречалсяна позициях в различных условиях с солдатами и офицерами и должен сказать, что у меня ни разу не возникало этого вопроса на фронте. Я видел одинаковое безразличное отношение: иногда и погон достать нельзя, какие тут погоны и без погон обойдешься. Но предъявлять этих требований я не мог в силу того, что их нельзя было удовлетворить. Этого вопроса мне просто на просто не приходилось обсуждать ни за, ни против, во время моих поездок по армии этот вопрос не поднимался. Я встречал солдат и офицеров на передовых линиях, одетых совершенно фантастически, - где уж тут говорить о погонах : было бы что нибудь одеть.

На 97-ой стр. - исправлено „зеленое" „сложивший" „писано „сам по себе" - верить.

Тов. Пред. Чрезвычека К[illegible]

Тов. Пред. Чрезвычека К[illegible]

Допрос бывшего Верховного Правителя адмирала Колчака, снятый 4 февраля 1920 года Чрезвычайной Следственной комиссией в составе тов Председателя К.А.Попова и членов Г.Г.Лукьянчикова и Деникe.

В.П.ДЕНИКЕ. Мы остановились в прошлый раз на том пункте, когда Вы сделались товарищем Министра и на создании атмосферы борьбы Директории с Сибирским правительством,

тов ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы говорили, что на заседании Совета Министров Вы вынесли впечатление, что создается напряженная атмосфера борьбы, что со стороны Омского Сибирского Правительства выдвигается мысль о том, что Директория носит партийный характер, что она связана с Черновым, который ведет определенную агитацию.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Эта атмосфера борьбы мне представлялась чрезвычайно неблагоприятным обстоятельством, для того, чтобы вести какую нибудь работу. Я видел после нескольких заседаний, что деловые решения не выносились, а велся все время вопрос политического свойства и порядка; я несколько раз приходил к убеждению, что работать в такой атмосфере нельзя, и что мне единственно остается ехать непосредственно в армию. Я это высказывал генералу Болдыреву, у которого довольно часто бывал, говоря ему, что я положительно не чувствую себя пригодным для той деятельности, какая мне выпала: я военный техник, могу заниматься чисто военным делом, но эта обстановка меня отвлекает совершенно в другую сторону, которая для меня является нежелательной. Тут явилась еще одно весьма серьезное осложнение, с которым мне пришлось встретиться, когда я активно выступил на почву политической борьбы - это вмешательство чехов. Представитель чехов, насколько мне помнится, в Омске было два: Кошек, который в последствии был здесь, и Рихтер, которого я потерял из виду. Дело в том, что там шла борьба главным образом насчет персонального назначения состава Совета Министров, и она главным образом концентрировалась вокруг Михайлова, на включении которого настаивало Сибирское Правительство, и Роговского, которого хотели сделать Министром государственной безопасности, но в последствии назначили на должность директора Департамента Милиции, т.е. в сущности товарища Министра Внутренних Дел. Кроме того было там несколько других вопросов. В это время поднимался вопрос о Сибирской Областной Думе, которая была в Томске. Вопрос этот не имел особенной остроты, потому что представитель Дериктории Авксентьев совершенно определенно заявил, что он берет на себя решение вопроса о роспуске Думы. Эта Дума была распущена после поездки самого Авксентьева в Томск. Вот это персональное назначение различных лиц в состав Совета Министров и вызвало вмешательство чехов. Оно состояло в том, что оба представителя пороэнь явились к Вологодскому и затем к членам Директории и некоторым Министрам и заявили от имени Национального Чешского Совета, что чехи несогласны на кандидатуру Михайлова и еще нескольких лиц - я точно не помню кого - и что они настаивают, чтобы эти лица не были включены в состав Сибирского Правительства. Для меня, как для человека нового, вопрос о кандидатуре Михайлова или кого либо другого стоял совершенно открыто, я их раньше не знал, не встречался ни с Михайловым, ни с другими членами Правительства и когда вопрос поднимался я молчал, потому что никаких причин говорить против этих лиц у меня не было. В заседании Председатель Вологодский доложил о появлении у него одного из чешских представителей с таким заявлением, да еще подкрепленным тем, что если такой состав будет неугоден Национальному Чешскому Совету, то чешские войска оставят фронт. Перед этим я говорил с генералом Болдыревым и он мне сказал, что с чехами у него очень трудно идет дело, что чехи бросят фронт и не желают дальше драться, и для меня таким образом оставление чехами фронта было ясно, а заявление чешских представителей Кошека и Рихтера о том, что если не произойдет изменений в составе Совета Министров, то они оставят фронт, мне представлялось совершенно определенной агитацией, что они играют, что они и без этого фронт оставили бы, и что эта угроза недействительна. Я высказал свое мнение совершенно определенно: я не имею чести быть знакомым ни с Михайловым, ни с другими членами Правительства, но для меня сегодняшний визит Кошека и Рихтера является совершенно императивным, для того, чтобы я поддерживал кандидатуру этих лиц. Я настаивал, что бы правительство резко и определенно, раз навсегда пресекло вмешательство чехов в наши внутренние дела, которые их ни с какой сторо-

ой стор. - зачеркнуто сама, вписано самый вопрос, зачеркнуто мне представлялось, вписано производило на меня, зачеркнуто мысль, надписано впечатление, зачеркнуто лиц, надписано членов правительства. - Верно.

тов Пред. Иркутского Ком.

ны не касаются. Так было сделано. Совет Министров категорически постановил о включении в состав Совета Министров всех лиц, которых он начал ранее и затем остановился на вопросе о Роговском. Нужно сказать что Директория в это время тоже разделилась на две группы: одна, состоящая из Авксентьева и Зензинова, являлась одной стороной, другая, которая состояла из Вологодского и Виноградова, являлась ее антогонистом. Болдырев стоял посредине: как человек военный и верховный Главнокомандующий, он не занимал определенной политической позиции по отношению к той или другой группе. Из всех членов Правительства я встречался только с Болдыревым, с Авксентьевым я обменялся визитами и виделся с ним на банкете.

В.П.ДЕНИКЕ. Как относился Болдырев к этой борьбе.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Болдырев думал, что надо всеми силами уладить это дело и идти на известный компромисс, что потом все устроится, но теперь нельзя создавать раскола, который отразится на армии и на положении дел на фронте. Он старался быть как бы примиряющим началом в этой Директории между двумя борющимися группами.

В.П.ДЕНИКЕ. Как смотрел Болдырев на Директорию: представлялась ли ему жизнеспособной, или он тоже думал, что эта Директория ничего сделать не может.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Когда я поднял вопрос об освобождении меня от обязанностей Военного Министра, то и Болдырев и Авксентьев смотрели так, что это есть временная переходная ступень и они не смотрели на себя как на постоянное учреждение.

В.П.ДЕНИКЕ. Это по идее Директория должна была через известный срок созвать Учредительное Собрание, но не представляли ли они, что вообще Директория не сможет этого выполнить.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Нет, я определенно этого вопроса не помню. В конце концов после долгих разговоров пришли к компромиссу, что Роговский будет товарищем Министра.

В.П.ДЕНИКЕ. Вы присутствовали на совместном заседании Директории с Сибирским Правительством, когда соглашение состоялось.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Да, я тогда был нанем, оно ничего из себя не представляло. Это было заседание, на которое явились все члены Директории и Совет Министров, нанем было прочитано постановление относительно взаимоотношений между Директорией и Советом Министров, затем члены Директории раскланялись и ушли, и дальше продолжалось деловое заседание Совета Министров.

В.П.ДЕНИКЕ. Вы повидимому говорите о формальном моменте утверждения этого постановления, но до этого было заседание или совместное совещание Директории и всего состава Совета Министров, где довольно остро эти вопросы ставились. Там между прочим с резкой речью выступил Михайлов, с другой стороны примирительно держался Шумиловский, Вы на таком заседании не были.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Я не помню, откровенно говоря. Я помню это формальное заседание, которое было очень короткое, Авксентьев прочел известное положение относительно Директории, относительно Сибирской армии, которая должна сохранить свое бело-зеленое знамя. Этим вопросом Совещание закончилось, затем члены Директории ушли, а Вологодский остался председательствовать; тогда же ему было преподнесено почетное звание гражданина Сибири.

В.П.ДЕНИКЕ. За это время завязывались ли у Вас с членами Сибирского Правительства более или мнее близкие личные связи.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Нет, я не могу сказать этого. Я здесь оставался очень короткое время и вскоре около 7-8 ноября я выехал на фронт. Я бывал у Болдырева иногда. Затем я получил приглашение от чешского командования приехать к 8-10 ноября в Екатеринбург для присутствования на торжестве передачи знамен четырем чешским полкам, кроме того мне нужно было вообще выехать на фронт, для того, чтобы повидаться с начальниками и обследовать все вопросы снабжения, все нужды армии и

На 99-ой стр. - вписано «Совета Министров» - вкорите.

Тов. Пред. Иркутского [illegible]

фронта. Примерно числа 7-го или 8-го я выехал из Омска в Екатеринбург. Тогда я был временно исполняющим обязанности Военного Министра; в сущности у меня Министерства не было; я жил в доме Волкова в одной комнате, у меня не было ни органов, ни средств, пока функционировали органы Сибирской армии, штаб этой армии помещался в Доме Свободы, но пока я за него не принимался.

Первая моя миссия была - присутствовать на этом торжестве и затем вечером на банкете, где я впервые познакомился с чешскими офицерами и с Сыровым. Там присутствовали представители иностранных держав. Кроме того там я вторично видел Гайду.

В.П.ДЕНИКЕ. Во время этой встречи или в последствии не возникало ли у Вас с чехами каких либо бесед в роде той, какая была у Вас с Гайдой во Владивостоке.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. В этот день я не беседовал, а на другой день я поехал по различным военным частям, сделал визит Гайде, Сыровому и т.д. Здесь Гайда меня спрашивал о том, каково политическое положение в Омске. Я сказал, что считаю его чрезвычайно неудовлетворительным в виду того, что соглашение между Сибирским Правительством и Директорией есть просто компромисс, от которого я не жду ничего хорошего, что столкновения в будущем почти неминуемы, потому что Директория не пользуется престижем и влиянием, что Сибирское Правительство, которое считает, что оно Сибирь объединило и уже 6 месяцев стоит у власти, передает эту власть с известным сопротивлением. Я говорил, что столкновения несомненно будут, и во что они выльются, я сказать не могу. Гайда сказал на это: "единственное средство, которое еще возможно, это только диктатура". Я заметил ему; что диктатура может быть основана только на армии, и то лицо, которое создает армию и опирается на армию, только и может говорить о диктатуре, кто же при настоящем положении может взять на себя должность диктатора? Только кто нибудь из лиц, находящихся на фронте, потому что никто, не опирающийся на вооруженную силу не может осуществлять диктатуру." Гайда ничего не ответил на это, но сказал, что все равно к этому неизбежно придут, потому что Директория несомненно искусственное предприятие. Затем он говорил: "По этому поводу мне известна та работа, которая ведется в казачьих кругах: они выдвигают своих кандидатов, но я думаю, что казачьи круги не в состоянии справиться с этой задачей, потому что они слишком узко смотрят на этот вопрос". Затем после этого короткого визита, я поехал уже на ближайший фронт, чтобы повидаться с Пепеляевым и познакомиться с Голицыным. Фронт проходил недалеко от Екатеринбурга, Пермь и Кунгур не были взяты. Фронта был между Кунгуром и Екатеринбургом. Я разделяю свою работу на две части: одна заключалась в чисто технической, формальной стороне выяснении нужд и потребностей армии тогда, а другая сторона заключалась в частных встречах и переговорах во время моих поездок на фронт и выяснения на месте чисто деловых сторон. Я вынес впечатление, что армия относится отрицательно к Директории, по крайней мере в лице тех начальников, с которыми я говорил. Все совершенно определенно говорили, что только военная власть может теперь поправить дело, что такая комбинация из 5 членов Директории кроме борьбы, интриг, политической розни ничего не даст и что в таком положении вести войну нельзя. Особенно резко говорил ген.майор Пепеляев: с моей точки зрения совершенно безразлично, кто будет вести дело для войны, но я считаю, что комбинация из Директории и Сибирского Правительства ничего не выйдет хорошего.

В.П.ДЕНИКЕ. А с какими видными деятелями, кроме Пепеляева, Вам приходило встречаться.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Я видел Голицына, представителей полков, которые были на фронте и общее мнение было то же самое, в этом смысле разногласий я не встречал. Главным Атаманом на Дальнем Востоке был Иванов-Ринов, я видал его тогда, когда я вступил в должность Верховного Главнокомандующего в декабре месяце. Пепеляев об этом вопросе говорил с чисто военной точки зрения: раз мы ведем войну должно быть чисто военное командование, а как это будет, это для меня совершенно безразлично, потому что я не политик.

В.П.ДЕНИКЕ. В бытность Вашу в Екатеринбурге и на фронте, Вы не получали никаких известий о положении дела в Екатеринбурге, где находился Съезд Членов Учредительного Собрания.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Они были уже в Уфе. Я помню только одного члена Брушвитта, он был представителем Съезда Членов Учредительного Собрания и говорил речь на банкете, - только одного его я помню. Насколько мне

на Ю-ой сир. - Зачеркнуто "что", вписано "на фронте", перечеркнуто и вписано "вновь официальной", зачеркнуто "ею", перечеркнуто "разногласий" - вписать.

Пом. Нач. Прибыл. Ком.

помнится, я поехал на Челябинск с фронта, там в штабе Сырового, я повидался с Дитерихсом, который был начальником штаба, сделал там визиты членам Чешского Национального Совета, который был в Челябинске. Затем я поехал на фронт, откуда поехал назад южным путем на Омск. Мне был дан экстренный поезд, и с этим поездом поехали представители чешского командования и полковник Уорд, который присутствовал на этом параде. С Уордом мы вместе завтракали и беседовали на всякие темы. Между Петропавловском и Курганом мы встретились с поездом ген. Болдырева за сутки до прибытия моего в Омск. Я явился к нему и в общих чертах изложил результаты своей поездки. Болдырев ехал в Челябинск для свидания с чешским командованием, так как по его словам с чехами у него были очень натянутые и затрудненные отношения, чехи оставляют фронт, там грозили тяжелые осложнения на Уфимском фронте, красная армия ведет наступление на Уфу и его тревожит настроение чехов, которые оставляют фронт без всякого прикрытия. Этот вопрос его чрезвычайно тревожил и по этому он выехал, не дождавшись моего прибытия. Я спросил его о том, что делается в Омске, так как я никаких сведений об Омске не имел. Он говорит: "в Омске тоже нехорошо, там несомненно идет брожение среди казаков, в особенности говорят о каком то перевороте, выступлении, но я этому не придаю серьезного значения. Во всяком случае я надеюсь, если мне удастся, побывать на фронте и уладить там дело". Затем он прибавил: "это все искусственно, но мы должны пройти через такую стадию, и я надеюсь, что работать ~~можно~~ будет вполне возможно, потому что весь состав Директории состоит из людей, лично не преследующих никаких задач, стараются сделать, что могут, и я думаю, что ничего серьезного ~~от~~ ~~сюда~~ не ~~найдет~~ произойдет". Как видите, Болдырев определенно говорил, что в Омске атмосфера очень напряженная, в особенности в казачьих кругах. Я с ним расстался, он поехал в Челябинск, а я уехал в Омск, куда прибыл приблизительно числа 16 ноября, за день до переворота. Меня главным образом смущала вопрос о том, что окончательное решение относительно моих функций в смысле образования министерства и моих взаимоотношений с командованием на фронте оставалось еще неопределенным; оно не могло быть выяснено фактически, у меня не было подчиненных частей; эти вопросы Болдырев решил поставить, когда он окончательно вернется. Чисто технически меня беспокоил вопрос о территориальной системе, уничтожение которой я поставил категорическим условием вхождения моего в состав Министерства и принятия на себя поста Военного Министра, так как я считал эту систему неприемлемой. По приезде моем в Омск, ко мне являлись многие офицеры из Ставки и представители от казаков, которые говорили мне определенно, что Директории осталось недолго жить и что необходимо создание единой власти. Когда я спрашивал о форме этой единой власти и кого предполагают на это место предложить для того, чтобы была единая власть, мне указывали прямо: "Вы должны это сделать". Я сказал, что я не могу на себя взять эту обязанность просто потому, что у меня нет в руках армии и вооруженной силы, а то, что вы говорите может быть основано только на воле и желании армии, которая поддержала бы клич, который хотело бы стать во главе ея и принять на себя верховную власть и верховное командование. У меня армии нет, я человек приезжий, я не считаю для себя возможным принимать участие в таком предприятии, которое не имеет под собою почвы. Затем мне остается неизвестным вопрос об отношении к такой конъюнктуре власти со стороны Сибирского правительства. Сибирское Правительство, насколько я мог понять, борется против Директории, желая власть сохранить у себя и оставить то положение, которое было до прибытия Директории, - это во первых, а во вторых, как я сказал, я нахожусь на службе (я это подчеркивал) и ~~что~~ я не считаю возможным, оставаясь на службе, предпринимать какие нибудь шаги в том смысле, в каком Вы говорите. Вот приблизительно, какие разговоры велись вскоре после моего приезда.

В.И.ДЕНИКИН. Вы не помните, кто из более видных военных деятелей являлся к Вам с подобного рода разговорами и предложениями.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Насколько помню, Лебедев и полковник Волков, который был начальником гарнизона города, затем Катанаев, очень много офицеров Ставки. Определенно могу сказать, что ни Мятковского, ни ген. Белова у меня не было. Из лиц не военных, из политических деятелей по вопросу о единоличной власти у меня никого не было. Я помню, что приходил ген. Андогский, ген. Сурин и другие, когда шла работа по созданию Военного и Морского Министерства. Как я говорил никаких определенных решений или слухов мне не сообщалось, это носило характер разговоров и обмена мнений.

На 101-ой стр. - зачеркнуто "опять", "опять" "выйдет", надписано "произойдет", зачеркнуто дважды "что". с вырыть.

Тов. Пред Трибунала

53

Пов. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Красильников у Вас не бывал ?

Адм. КОЛЧАК. Насколько я помню не был, но возможно, что он заходил вместе с Каштанаевым; в то время он был войсковым старшиной.

Когда я осведомился о положении вещей, то я решительно хотел отклонить от себя должность Военного Министра. И вот мне кажется, что ~~в тот день~~ в тот день я об этом заявил в Совете Министров, когда я приехал, мотивируя это тем, что при этих условиях я считаю невозможным вести работу Военного Министра. Это решение мое было почти категорическое, но пока я не отказывался до прибытия Болдырева, так как в его отсутствие не считал возможны бросить начатое дело, а затем я собирался работать на фронте или заняться организацией Морского Министерства. Насколько мне помнится 17 ноября был у меня Авксентьев накануне своего ареста. Он приехал ко мне на квартиру и просил, чтобы я взял свою просьбу об отставке назад. Я ему совершенно определенно сказал: " Я здесь уже около месяца военным Министром и до сих пор я не знаю своего положения и своих прав; обязанности свои в отношении обслуживания армии я более или менее себе представляю, но самые права Военного Министра мне неизвестны.: подчинены ли мне здесь войска или нет, в каких отношениях я нахожусь с командованием фронта, непосредственных или я с ними только сношусь и т.д., словом целый ряд технических вопросов. Вместо чисто деловой работы здесь идет политическая борьба, в которой я принимать участия не хочу, потому что я считаю ее вредной для ведения войны, и в силу этого я не считаю возможным в такой атмосфере и обстановке работать, даже в той должности, которую я принял." Так мы с ним не договорились, я предложил упорно настаивать на том, что я не буду больше Военным Министром и жду только приезда Болдырева. Я делаю оговорку : мне кажется, что это было в то время, о котором я говорю, но может быть это было накануне моего отъезда на фронт.

Переворот совершился 18 числа ~~вечером~~ ночью с воскресения на понедельник. Об этом перевороте ~~слухи~~ ранней носились; частным образом мне морские офицеры говорили, но день и время никто фиксировать не мог. О совершившемся перевороте я узнал в 4 часа утра на своей квартире. Меня разбудил дежурный ординарец и сообщил мне, что меня просит к телефону Вологодский. Было еще совершенно темно. От Вологодского я узнал по телефону, что сегодня ~~вечером~~ ночью около 1-2 часов были арестованы члены Директории Авксентьев, Зензинов, Аргунов, Роговский, и увезены за город, что он сейчас совет немедленно Совет Министров и просит, чтобы я прибыл на это экстренное заседание Совета Министров. Когда я спросил : " кем арестованы ?" - Он сказал : "я точно сказать не могу и прошу Вас как можно скорее одеться и около 6ти часов я вероятно всех соберу". Я спросил : "какими частями произведен арест?" Он ответил, что не знает . Тогда я приказал соединиться, и вызвать сейчас же Розанова, который был Начальнико Штаба Болдырева. Он в это время спал, но когда я его вызвал, он сразу подошел к телефону. Я спросил его, знает ли он о том, что произошло в городе. Он ответил, что в городе полное спокойствие разъезжают усиленные патрули, но что он никак не может добиться ни Штаба, ни Ставки, ни Управления Казачьими частями, так как телефоны повидимому не действуют. Я ему сказал, что я сейчас оденусь и перед тем, как поехать в Совет Министров, заеду к нему по дороге, чтобы с ним поговорить. Затем я попытался соединиться со Ставкой, и спросить там, известно ли, что делается, но со Ставкой соединиться мне не удалось. Тогда я бросил эту попытку, вызвал себе автомобиль из гаража и около 5 часов я заехал к Розанову. К Розанову же приехал и Виноградов, с которым я затем поехал в Совет Министров. Виноградов сообщил мне, что ночью, повидимому казачьими частями, на своей квартире арестованы члены Директории, но где находятся арестованные члены Директории неизвестно, в городе все спокойно, разъезжают только казачьи патрули, стрельбы и вооруженных выступлений не было. Розанов повидимому не был совершно в курсе дела, жаловался на то, что нет сообщения по телефону и он не мог добиться никакого толка, он посылал своих ординарцев, но и они нечего не могли узнать, кроме того, что мне сообщил Вологодский. - Зачеркнуто "в тот день", вписано "в тот день" исправлено "продолжал" Зачеркнуто "вечером" написано "ночью" - Вырвать. Нач. Отд. Лога Прощенко

ский и Виноградов. Я спросил Виноградова : " а Вас не арестовывали?" - " Нет, ко мне никто не являлся". Около 6 ти часов Совет Министров собрался в здании губернатора около собора, где он тогда помещался и Вологодский сообщил всему составу Совета Министров о событиях, которые произошли ночью. Весь состав Совета Министров и все лица к нему причастные были на лицо, между прочим были Розанов, Матковский, Помощник Военного Министра, генерал Сурин. Матковский был совершенно не в курсе дела, повидимому ничего не знал, но присутствовал в заседаниях Совета Министров постоянно, как командующий войсками В этот день было большое заседение, где были и министры и товарищи министров, а так как должность командующего войсками давала ему права товарища Министра, то и он поэтому присутствовал на заседании. Вологодский поставил вопрос о том, как смотрит на это Совет Министров. Подробностей больших он не мог сообщить, а сообщил в общих чертах, что ночью дом, где находились эти четыре лица, около здания гимназии, где они жили, был оцеплен сильным разъездом казаков I Сибирского Казачьего Полка, были еще части Красильниковского отряда в виде партизан, конная часть и в.д.; затем он сообщил такую вещь: на вокзале, где находились подобранные чины государственной охраны Горовского - у них стоял один эшелон, который все называли боевой эсеровской дружиной - прибыла одна казачья часть, которая оцепила этот эшелон, разоружила его, никого не арестовывая; так как сопротивления эта охрана казакам не оказывала, она сдала оружие и денежный ящик. Тогда поднялся вопрос о том, где могут нахрдиться арестованные члены Директории ? На это никто определенно указать не мог. Потом уже кто то из прибывших сообщил, что они находятся в здании Сельско-Хозяйственного Института, за Загородной рощей, где находилась часть партизанского отряда Красильникова. Вологодский поставил вопрос, как относится к этому аресту Совет Министров ? Было высказано несколько мнений: первое мнение - факт ареста ничего не обозначает, тем более, что три члена Директории - большинство остаются : Виноградов, Вологодский и Болдырев; второе мнение было такое, что Директория после того, что случилось, остаться не может у власти, и что власть должна перейти к Совету Министров Сибирского Правительства (- об арестованных пока никто не говорил, участь их была неизвестна -); раз члены Правительства подвергались какому нибудь аресту и не могли этому противодействоать и предупредить этот арест, то тем самым они должны сложить с себя полномочия ; раз они арестованы, то они тем самым перестают быть властью. Затем высказывалось еще, что вся власть должна перейти к Совету Министров, что власть Директории отпадает - это было третье мнение. Во время этих прений встал Виноградов и сказал, что он считает невозможным оставаться более в составе Директории ни при каких обстоятельствах после того, что произошло, и слагает с себя обязанности и никакого участия больше в заседании он принимать не считает возможным. Был поднят даже вопрос о том, чтобы Виноградов оставался в Совете Министров, но он сказал: " я свои полномочия слагаю и выхожу из состава". После этого он оставил зал заседания. Уход Виноградова поставил ту часть голосов, которые говорили, что Директория остается, в затруднительном положении: оставался только один Вологодский здесь и Болдырев на фронте. Тогда вопрос об оставлении Директории сам собою стал отпадать. Затем часов около 8-ми поднялся вопрос о том, что надо выработать какой то текст обращения к населению, что такое положение является совершенно нетерпимым, что в такой переходный момент может наступить анархия и во что она выльется неизвестно. Пока в городе все спокойно, но все казачьи войска находятся под ружьем, они посылают в город патрули караул, отдельные части ходят по городу, хотя это ни в чем не проявляется, другие части находятся тоже под ружьем, хотя они не выходят из казарм, и если такое неопределенное полодение продолжится, то можно ожидать каких нибудь крупных и серьезных событий. Тогда поднялся вопрос такой: что следует сделать и как на это реагировать. Вопрос был решен таким образом, что необходимо для того, чтобы вести и продолжать борьбу отдать все преимущества в настоящее время военному командованию и что во главе правительства должно стоять лицо военное, которое объединило бы собою военную и гражданскую власть, т.е. вопрос был поднят определенно в форме объединиения военной и гражданской

(На 103-ей стр. - зачеркнуто "это подписано", "я" зачеркнуто, "Вологодским" зачеркнуто, "Розанов" зачеркнуто, "событий" зачеркнуто, "написано" зачеркнуто, "не арестовывая" зачеркнуто, "Директории" зачеркнуто, "Горовского" зачеркнуто, "так как" зачеркнуто, "я" зачеркнуто, "правительства" написано "Директории", "Горовского" зачеркнуто, "собрался" зачеркнуто, "в собрании" написано "в собрании", "Вологодский" зачеркнуто, "Розанов" зачеркнуто, "так как" зачеркнуто, "я" зачеркнуто, "правительства" написано "Директории", "арестовывая" зачеркнуто, "какому нибудь" зачеркнуто, "собрался

54

власти в одном лице. Кем был поставлен этот вопрос я точно не могу сказать, но кажется, что он был поставлен одним из военных. Когда ко мне обратились, то я тоже сказал, что считаю это единственным выходом из положения; я только что вернулся с фронта и вынес убеждение, что там полное несочувствие к Директории и малейшее столкновение между Директоией и Правительством отозвалось бы сейчас в войсках. Тогда вопрос стал принимать конкретную форму: желает ли Совет Министров, чтобы власть была вполне единоличной, во главе всего Совета Министров. Когда этот вопрос был поставлен на обсуждение, я высказался за это совершенно определнно и сказал, что это я считаю единственным выходом из положения, - не помню, чтобы кто нибудь возражал против этого. Затем большинство членов Совета Министров, учитывая ту обстановку, в которой мы находились тогда, страшно напряженное и тяжелое положение на фронте, брожение в самом Омске, только что случившийся ночью арест Директории, очень неопределенное и тревожное состояние во всех войсках Омского гарнизона, говорили, что должна необходимо, хотя бы временно, но сейчас же, чтобы вступила в управление единая военная власть, в виде определенного военного лица. Ответ был вынесен положительный без каких бы то ни было возражений с чьей бы то ни было стороны. Тогда у нас Верховным Главнокомандующим был Болдырев и я сказал, что этому Верховному Главнокомандующему и должна быть передана вся военная и гражданская власть. Верховный Главнокомандующий, получив всю полноту гражданской власти, явится тем лицом, которое станет во главе Правительства. Такое решение было принято всем Советом Министров без каких бы то ни было серьезных возражений пока шел вопрос чисто принципиальный. В дальнейшем шло уже обсуждение вопроса о том, кто персонально должен быть Верховным Главнокомандующим и облечен такой властию. После обмена мнений большинство членов Совета Министров высказалось в том смысле, что они предлагают мне принять эту должность. Тогда я считал долгом высказать свое мнение по этому поводу в том смысле, в каком я высказывал и раньше: надо прежде прежде всего стараться без всякой ломки сохранить то, что уже существует и что оказалось удовлетворительным, что не вызывает особенных возражений и сомнений, т.е. власть существующую в лице Верховного Главнокомандующего генерала Болдырева. Я говорил, что генерал Болдырев является Верховным Главнокомандующим; что им организован Штаб и, зная отношение к генералу Болдыреву со стороны войск, против него особых возражений не будет. Говорили про него, что он находится в руках партийных представителей с.р., отзывались о нем довольно безразлично, но против него серьезно ничего не говорили в войсках и фактически он существует уже, как Верховный Главнокомандующий. Гораздо проще для армии и ее органов, чтобы осталось то лицо, которое имелось, и хотя идет речь о моем назначении, но я должен сказать, что я человек новый, власть должна прежде всего опираться на широкую популярность и доверие войск, между тем как, хотя мое имя известно, но в общем ни казаки, ни армия, ни войска меня не знают, и как они относятся к этому я не знаю. Я считаю долгом сказать, что если бы со стороны армии явилось какое нибудь противодействие, то оно поставило бы меня в самое тяжелое положение, совершенно с моей точки зрения неприемлемое. Я добавил, что я высказываюсь таким образом, исходя из интересов самой армии, чтобы не вносить в нее каких нибудь новых потрясений. Тогда Вологодский обратился ко мне и сказал: "я принимаю во внимание все, что Вы сказали, но я Вас прошу оставить зал заседаний, так как мы находим необходимым детально и более подробно обсудить этот вопрос, и так как нам придется говорить о Вас, то Вам неудобно здесь присутствовать". Тогда я оставил это заседение, которое продолжалось довольно долго. Я вошел в кабинет Вологодского, а потом через некотрое время ко мне прибыл Петров или Михайлов - не помню - Матковский и Розанов и передали мне следующее: меня просят пожаловать в зал заседания и что Совет Министров единогласно признает Директорию несуществующей, Совет Министров принял на себя всю полноту власти, Совет Министров, исходя из тех положений, которые обсуждались, признает необходимым передать власть одному лицу, которое стояло во главе всего правительства в качестве Верховного Правителя и просит меня принять этот пост. Затем я пришел в зал заседания, где Вологодский прочел постановления Совета Министров, заявивши, что Совет Министров считает это единственным выходом из настоящего положения. Тогда я увидел, что разговаривать

на 104-ой стр. - Зачеркнуто "что" надписано "я", зачеркнуто "во главе всего" надписано "во главе", исправлено "говорил" в "сказал", зачеркнуто "в" надписано "в", зачеркнуто "следующее" надписано "следующее", исправлено "говорил" в "сказал", исправлено "Вы" в "Вас".

Подпись КПО

не о чем , я дал согласие и сказал, что я принимаю на себя эту власть и сейчас еду в Ставку для того чтобы сделать известным распоряжения по войскам и прошу Совет Министров уже детально разобрать вопрос о моих взаимоотношениях с Советом Министров и затем прошу назначить сегодня же днем заседение, для того, чтобы можно было обсудить целый ряд вытекающих из этого вопроса. Я должен был уехать в Ставку и оттуда телеграфировать по войскам о случившемся.

В.П. ДЕНИКЕ. Прежде чем перейти к дальнейшему, разрешите предложить Вам такой вопрос: были ли указания о том, каким образом подготовляется этот переворот? Вы осведомлены не были и лично участия не приняли, - впоследствии стало ли Вам известно, кем и как этот переворотт был организован, кто из политических деятелей и военных кругов принимал в нем участие?

Адм. КОЛЧАК. Вскоре , в ближайшие дни, я узнал только тех лиц, которые активно учавствовали в этом перевороте, это были три лица. Я знаю и мне говорил Лебедев, что в этом принимала участие почти вся Ставка, часть офицеров гарнизона, Штаб Главнокомандующего и некоторые члены Правительства. Он говорил, что несколько раз во время моего отсутсвия были заседания по этому поводу в Ставке. Я ему на это сказал одно: "Вы не должны мне сообщать фамилии тех лиц, которые в этом учавствовали, потому что мое положение в отношении этих лиц становится тогда совершенно невозможным, потому что когда эти лица станут мне известны, они станут в отношении меня в чрезвычайно ложное положение и они будут считать возможным тем или иным путем влиять на меня. Виновники этого переворота, выдвинувшие меня, будут оказывать на меня постоянно какое нибудь давление, между тем, как я считаю , для меня это совершенно безразлично это и я не считаю возможным давать или не давать те или иные преимущества." Фактически это Лебедев и выполнил. Я могу сказать, что почти вся Ставка, по крайней мере все Начальник Отделов принимали в этом участие и часть офицеров гарнизона, главным образом казачьи части. Я считал неудобным спрашивать о лицах. Что касается политических деятелей, то там несомненно были из состава Совета Министров.

Пр. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. В самый момент переворота Вы не знали кто был инициатором переворота и кто был фактическим выполнителем ?

Адм. КОЛЧАК. Нет, я знал: Волков Начальник Гарнизона, Катанаев и Красильников и несколько офицеров казачьих частей. Я Лебедева спросил: " кто же был главным участником переворота, казачьи части ?" Он сказал, что вся Ставка, Штаб Главнокомандующего при участии некоторых членов Совета Министров. Но до сих пор мне неизвестно, кто был из членов Совета Министров, я никогда к этому вопросу не возвращался и никгда ни с кем из Министров об этом не говорил. У меня создалось такое впечатление, что Матковский был не в курсе этих дел и, судя по его словам, никакого участия не принимал.

После заседания Совета Министров я поехал прямо в Ставку. На вопрос Розачова о его положении я сказал: "мне кажется лучше Вам некоторое время не выступать, потому что Ваше положение будет неудобное: Вы являетесь помощником Болдырева и в отношении его самого будет неудобно, если Вы останетесь в своей должности, поэтому я прошу Вас на некоторое время, пока не принимать участия в делах Ставки, а вместо Вас будет полковник Сыромятников (который тогда был квартирмейстером) вести доклады и исполнять обязанности Начальника Штаба". Когда Сыромятников явился, я прежде всего спросил его, какие части произвели сегодня ночью эти события ?" Он мне назвал: "Тогда я спросил его : " Где находятся члены Директории ?" Он мне ответил, что они находятся в отряде Красильникова в здании Сельско-Хозяйственного Институ - та. Я спросил: " были ли сделаны какие нибудь убийства и насилия в течение ночи?" Он сказал, что ничего не было, что разоружение милиции Рогговского не вызвало никаких столкновений и недоразумений. Тогда я просил вызвать к себе Волкова и сделать распоряжение, чтобы доставили в город арестованных, поместить их на квартиру, квартиру усилено охранять, но не держать их там. Затем я с ним вместе с прибывшим генералом Андогским выработал целый ряд телеграмм по частям и по армии, главным образом на фронте, по гарнизонам различных городов -

все гражданские власти должен был осведомить об этом Совета Министров, а осведомление военных была моя обязанность - о том, что я вступил в Верховное Командование и Верховное Управление в качестве Верховного Правителя. Затем мне в 4 часа дали знать, что Совет Министров снова собрался после перерыва и что просят меня прибыть туда. Я приехал на это заседание и сообщил им те подробности, какие я знаю, какие распоряжения моною сделаны. Кажется к этому времени арестованные были уже на своих квартирах, я послал уже одного из своих ординарцев удостоверится, в каком они положении и состоянии. Они оказались все живы и водворены на свою квартиру. Затем на этом же заседании Совета Министров был обсужден вопрос относительно выработки кратко конституции о моих взаимоотношениях с Советом Министров. Была принята форма, которую я признал совершенно отвечающей тому, что нужно, указавши на то, что я считаю необходимы работать в полном контакте и в полном единении с Советом Министров; затем тут же немечен план относительно такого Совета, который был при мне для экстренных вопросов и главным образом для решения вопросов иностранной политики, так называемый Совет Верховного Правителя, состоящий из пяти членов, в которыймогли вызываться ответственные лица. Затем поднялся вопрос о том, что же делать сейчас. Я сказал, что в городе ходит масса самых фантастических слухов, поэтому надо самому факту переворота придать гласность. Я считал самым правильным судебное разбирательство в открытом заседании совершении этого переворта, для того чтобы во-первых снять нарекания на лиц, совершивших этот переворот, а во вторых потому, что это лучший способ осведомления. Я сказал, что никогда не допущу кары над лицами, потому что раз это они сделали, я принял все последствия на себя, но это один из способов придать гласности самые обстоятельства совершившегося переворота.

В.П. ДЕНИКЕ. Так что инициатива этого суда принадлежала лично Вам ?

Адм. КОЛЧАК. Я не помню, я ли первый высказал эту мысль, или Вологодский, но такая точка зрения была высказана. Тогда было решено образовать специальный чрезвычайный суд, для того чтобы разобрать все это дело. Затем я вызвал Волкова и сказал ему, что я считаю необходимым гласное расследование всей его деятельности не с целью его наказывать или карать, а с целью придать гласность, так что я его отдал под суд Чрезвычайного Суда, на Суде он должен дать показания, касающиеся этого дела. Этот суд Вам вероятно известен.

В.П. ДЕНИКЕ. А не выступал ли перед Вами вопрос о том, что вовсе этот суд не явится средством осведомить общество о перевороте, если перед ним будет только голый факт переворота, а вся закулисная обстановка будет от общества скрыта, и что если судить, то надо судить всех организаторов ?

Адм. КОЛЧАК. Я предполагал, что вся картина переворота будет выяснена на суде, но суд взял все таки персонально отвественность этих трех лиц и дальше этого он не входил потом.

На этом же заседании был решен вопрос о личной судьбе членов Директории. Я сообщил, что я приказал препровести их на квартиру, что я сделал распоряжение гарантировать им полную неприкосновенность и что единственно разумное решение, какое можно сделать в отношении этих лиц, это предоставить им выехать заграницу. Это было общее мнение Совета Министров . Потом уже впоследствии, так как сразу этого сделать было нельзя, нужно было в связи с Чрезвычайным Судом поднять вопрос о привлечении их к суду, при чем наиболее серьезное обвинение, котрое тяготело над ними, были переговоры их по прямому проводу и доказательства тесной связи Авксентьева и Зензинова с Черновым и как бы подчинение их в партийном отношении Ц.К. партии с.р., во главе которого стоял Чернов, что вызвало страшное возмущение: какое это Правительство, которое находится в руках определенной партии и исполняет ее приказания. Я подробно не знаю текста этих переговоров, кажется, что я видел ленты, но они у меня в голове не остались и ничего особенного они собой не представляли, во всяком случае каких нибудь криминальных и преступных решений не было, но они действительно носили оттенок такой, что как бы верховная власть

55

подчинялась партии и ее директивам. Это было самое серьезное обвинение.

В.П. ДЕНИКЕ. К камому моменту относится письмо к Вам Вологодского, где он указывал, что непременным условием его оставления не посту является личная неприкосновенность членов Директории ?

Адм. КОЛЧАК. Это было им высказано на заседении, это было вероятно в первый же день. Я думаю, что там же обсуждался этот вопрос и общее мнение тогда было такое. Я ответил, что я личную безопасность им гарантирую. Затем обсуждался вопрос об отправке их за-границу, и что я поддерживал. Я думаю, что письмо мне было присланов промежуток между этими двумя заседаниями.

Пов. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Вы упомянули относительно разговоров о суде над арестованными, - это разговар тогда же был ?

Адм. КОЛЧАК. Разговор о предании суде был не в тот день, а на второй или третий день, может быть даже после их отъезда, так как они уехали на второй день. Это было в ближайшие дни, когда следственный материал разбирался и тогда было мнение, что желательно было бы этих лиц привлечь к суду. Мне пришлось сказать, что нежелательно предаъать их суду, как принципиально, так и фактически, так как они уже уехали и судить о них нет никаких оснований: раз они смещены, то зачем, собственно говоря, их судить ?

В.П. ДЕНИКЕ. Авксентьев и Зензинов приняли ли на себя какие либо обязательства в виду отказа от власти, на которых они были отпущены ?

Адм. КОЛЧАК. Нет, там было обязательство не вести борьбу против правительства. Затем на этом вечернем заседании Совета Министров я заявил, что все арестованнык члены находятся в моем непосредственном ведении и если угодно переговорить с ними и убедиться в их положении, то пусть Министр Юстиции, имеющий к ним доступ поедет к ним. Старинкевич несколь раз ездил к ним на городскую квартиру и сообщил Совету Министров, что они действительно там находятся и с ними ничего не сделано. Во всяком случае Министру Юстиции было предоставлено право навещать их и говорить с ними во всякое время.

Вскоре ко мне прибыли, насколько мне помнится, Реньо и Уордт, они меня спрашивали, что я намерен делать с членами Директории. Я сказал, что ничего не намерен с ними делать, а предоставлю им ехать за границу. Они спрашивали меня , намерен ли я предавать их суду; я сказал, что намерен. Со Старинкевичем я обсуждал вопрос, как их отправить. Было решено взять экстренный поезд и еще вагонъ для охраны их. Затем я немного опасался каких нибудь выступлений по доррге, так как мне говорили о возможности нападения на них и я обдумывал, как бы гарантировать их от этого. Я воспользовался близостью и знакомством с Уордтом и просил его вообще дать мне конвой из IO - I2 англичан, которые бы в дороге гарантировали от каких нибудь внешних выступлений против членов Директории. Уордт с большим удовольствие согласился. Он сказал, что ему нужно делегировать I5 человек в Владивосток и эти I5 человек могут также ехать в этом поезде и нести караульную службу. Таким образом это очень легко устроилось. Затем я со Старинкевичем решил вопрос о том, какие суммы нужно им дать. На вопрос, куда они предполагают ехать, члены Директории ответили, что они хотят ехать в Париж и им была выдана сумма приблизительно по 75.000- I00.000 руб. каждому, в этот же ден. Затем было дано знать Хорвату заготовить заграничные паспорта на ожидая их приезда и просит китайские власти и японские о беспрепятственном их проезде. Вскоре был получен ответ, что все будет сделано, и что японские и китайские власти препятствий чинить не будут. Затем я сказал Старинкевичу, чтобы он выработал известное положение, по которому они дали подписку, что они, во-первых, уезжают из России заграницу, во-вторых , что они ни при каких условиях не будут вести политическую борьбу против правительства Верховного Правителя, находясь загранич-

На 107-ой стр. - вписано "бы", зачеркнуто "они", надписано "их", зачеркнуто "обязательства в виду", надписано "условия", зачеркнуто "нет, там", вписано "было", вписано "Уордтом", зачеркнуто "против" - вписать.

пов. пред. Чрезвычайка КМ

56

цей. Затем тут же зашла речь относительно Аргунова. Я сказал, что мне самому неясна его роль, а Аргунов сказал, что он хочет вернуться. Мы ему сказали, что через несколько времени он может вернуться, но на первое время пускай выедет , хоть в Шанхай, а затем никаких препятствий к его возвращению не будет. Вечером я вызвал Начальника конвоя и сказал ему, что он отвечает непосредственно перед мною за целость и неприкосновенность этих лиц и за малейшую попытку, против них направленную. Затем я сказал, что если будет попытка с целью нападения на них или наоборот с целью освобождения их , тогда действовать оружием без всяких разговоров. Этот офицер сказал, что он все это выполнит сам и ручается, что все будет выполнено, как нужно. Я добавил, чтобы они ни с кем общения не имели, чтобы не останавливаться на больших станциях, итти самым экстренным порядком и доставить их до Чжанчжуня, а английский конвой отпустить в Харбине. Они были отправлены 19 или 20 ноября.

Верно Помощник Начальника Конвоя

IX (последний).

57

ДОПРОС

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССЕИ АДМИРАЛА КОЛЧАКА

от 6 февраля, снятый в совещании Товарища Председателя К.А.Попова и членов Деникина и Алексеевского.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Чтобы выяснить Ваше отношение к перевороту, требуется установить некоторые дополнительные пункты. Между прочим для Комиссии было бы интересно знать - перед переворотом или во время его, или после встречались ли Вы в Сибири или на Востоке с Князем Львовым, который тогда через Сибирь проезжал в Америку.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Нет, с князем Львовым я не виделся, мы разъехались. Я виделся только с другим Львовым - Владимиром Николаевичем.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Не имели ли Вы от князя Львова письма или указания.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Кажется, какое-то письмо из Парижа было во время пребывания в Омске, но это было позже, приблизительно летом. Это письмо не содержало ничего важного и относилось главным образом к деятельности той политической организации, которая была в Париже и во главе которой стоял Львов. До этого я со Львовым не имел личных сношений и никаких указаний, переданных через него от кого бы то ни было, не имел. Письмо, о котором я говорил, было передано через Консульскую Миссию в Париже в июле месяце.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. В это время через Сибирь проезжал и находился в Омске Савинков.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Савинков заходил ко мне, когда я еще был на квартире у Волкова. Мы с ним беседовали, у меня он расспрашивал, интересуясь положением вещей, т.к. он только что приехал с Востока, и интересовался моим взглядом на отношение Японии к нам. Это было в первы дни моего приезда, насколько помнится в доме Волкова. Виделся с Савинковым только один раз, т.к. он вскоре уехал. По вопросу внутренней политики, я не беседовл с ним.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Из числа лиц, с котрыми Вы в это время встречались Вы не упоминули об отношении к генералу Апрелеву, приехавшему в это время из заграницы.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Я в первый раз слышу такую фамилию. Может быть я и встречал его, но под другой фамилией.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Не было ли в это время в Омске человека, приехавшего с поручением от русских заграничных кругов из Парижа или Лондона.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. В это время никого не было; позже были. Что касается Апрелева, то я теперь вспомнил, что в Японии я встречал молодого морского офицера, известного мне раньше, который служил в Французской Миссии и носил эту фамилию. Я видел его несколько раз в Токио. Он приехал туда с Миссией и состоял в распоряжении Реньо и к этому делу ни какого отношения не имел.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Я уже ставил Вам вопрос, в каких отношениях Вы состояли с Реньо. Вы отвечали, что отношения были чисто официальные. Между тем в письме г.Тимиревой от 17 сентября есть упоминание о каком то "Алльянсе", который Вам удалось установить с Реньо. Повидимому, г.Тимирева пишет Вам, повторяя те впечатления, которые Вы вынесли из Вашего морского переезда из Японии во Владивосток. Она говорит о пассажирах и припоминая ваши впечатления, пишет, что Вы вступили в "Алльянс" с Реньо.

Так в тексе - вероятно "Николаевичем", - верить

Тов. Пред. Прибыльска

Тов. пред. прибыльска

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Из Японии я ехал вместе с Рейно. Я виделся с ним несколько раз, он был очень любезен, но ни о какой политике мы с ним не говорили. Это было простое пароходное знакомство, т.к. из Цуруги он ехал вместе со мной и даже за столом за обедом и завтраком мы сидели рядом.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Вы сказали прошлый раз, что из поездки в армию вынесли впечатление, что армия была против Директории и на стороне идеи единоличной власти. Я хотел бы поставить вопрос, в каких частях Вы были.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Я был в Западной армии, хотя тогда еще не существовало этого термина "Западная армия", тогда была Екатеринбургская группа, которой командовал Гайда. Это были части, находившиеся в районе Челябинска.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Проезжали ли Вы в это время на Юго-Западный фронт, где находились части Народной армии, армии Комуча.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Эти части в это время были в Челябинске, куда я не приезжал.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Ведь в это время большевики вели наступление на Юго-Западный фронт и их удары выносили эти части армии Комуча.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Да, и чехи, которые в это время начали свою эвакуацию. На фронте этих частей я не был, т.к. не мог туда проехать. Юго-Западный фронт был в то время в районе Бугульмы, приблизительно по течению реки Ик. На юге в это время происходили большие бои частей Каппеля, принадлежащих к Народной армии.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Юго-Западный фронт в это время был выдвинут очень далеко. В это время Ижевский и Воткинский заводы принадлежали ли к армии Комуча.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. В это время все заводы уже перешли за Каму. В этих частях я также не был, т.к. не мог проехать, в виду эвакуации чехов. Я говорил с Дитерихсом, не могу ли я проехать на фронт в Уфу, но он мне сказал, что это задержит спешную эвакуацию чехов; мне пришлось отказаться.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. В оценке отношения армии к перевороту большую роль должны были сыграть Добровольческия части. Каково было их мнение.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Каково было их мнение я не знаю, но я виделся с представителем в Челябинске и он сообщил мне, что в общем отношение к Комитету Учредительного и к Директории отрицательное, даже в тех частях, которые находятся под командованием Фортунатова. Фортунатов в то время командовал полком Учредительнаго Собрания.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. При получении этих сведений о настроении армии Вы обращались ли Вы к командному составу?

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Да, главным образом, хотя в некоторых случаях мне приходилось даже беседовать с солдатами, правда очень коротко. Я беседовал с солдатами, бывшими на фронте и во время обхода в казарменных помещениях.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Не думаете ли Вы, что то, что Вы принимали за мнение армии в виду того, что Вы не посетили наиболее важных пунктов, несколько фальсифицировано.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Если бы у меня и было такое сомнение, то оно разсеялось на второй-третий день после переворота, когда я получил от всех частей, даже частей Фортунатова, выражение сочувствия к происшедшему перевороту.

На 110-ой стр. - исправлено „армии", вписано „нескольких" - верить.

Пред. Чрезв. Ком.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. К сожалению, эти телеграммы, как некоторые другие важные документы не сохранились?

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Они все находились в архиве Штаба.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Известно, что в начале на фронте у добровольческих частей и даже у части Сибирской армии, которая была сначала организована на добровольческих началах, было враждебное отношение к перевороту. Таково, например, было отношение третьей дивизии, одной из самых боевых дивизий. Другие части оставлялись в неведении совершившегося переворота: им говорили, что Адмирал Колчак действует от имени Директории, что Директория остается, т.к. в противном случае настроение солдат было таково, что возможно было думать, что они оставят фронт, чтобы идти ликвидировать переворот.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. О таких настроениях мне ничего не известно, т.к. мне об этом ни кто не сообщал. Наоборот, если у меня и были сомнения, то они рассеялись в ближайшие дни, когда я получил уверенность, что подобная конструкция Правительства и власти приветствуется всей армией. И дальше в последующие дни я от армии ничего, кроме самого хорошего, кроме самого положительного отношения не видел. Ни одного оскорбительного письма, ни одного памфлета из армии за все время пребывания мое Верховным Правителем я не получал. Если у меня и были некоторые сомнения, хотя бы в отношении тех частей, которые были непосредственно подчинены Комитету Учредительного Собрания, то они рассеялись: тот же Фортунатов признал совершившийся переворот совершенно легко и даже не оказал сопротивления при аресте членов Учредительного собрания, пославших вызов, что они пошлют войска против меня и откроют новый фронт.

К.А.ПОПОВЪ. Известны ли Вам случаи, когда в тюрьму сажались солдаты за перехваченную переписку содержавшую не одобрительные отзывы о Верховному Правителе.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Нет, мне это не было известно, но я допускаю, что это могло быть: из массы солдатских писем могли быть и такие, которые содержали такие отзывы.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Когда Вы были Военным Морским Министром и будучи Верховным Правителем, не приходилось ли Вамъ сталкиваться с фактом, что высшее военное командование до Вашего вступления в Военное и Морское Министерство, а также при Вас вело известную систематическую работу по возбуждению недовольства в добровольческой армии, армии Комуча тем, что военное снабжение этим частям всячески задерживалось. Я знаю, например, от Начальника Воткинской дивизии подполковника Сырового, что Ижевская дивизия, организовавшаяся после восстания не получила оружия, снарядов и патронов по той причине, что они намеренно не отправлялись туда, тогда как Сибирские части, составленные по мобилизации, имели всего в изобилии. Этим самым вызывалось недовольство этих частей.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Тогда я этого не знал. Для меня значительно позже выяснилась эта картина, что действительно какая то работа в смысле недоставления и задержки военного снабжения преднамеренно велась, но это было не в Западной армии, а главным образом в Сибирской. Если вы вспомните, то это было в тот момент, когда в главное командование вступил Дитерихс, имеется его приказ, где он говорит, что этот вопрос должен быть разобран. У нас было очень тяжелое положение с доставкой оружия, т.к. в первый период мы ничего не получали. Доставка оружия началась приблизительно к марту месяцу, до этого времени во всех частях не было ни оружия, ни сапог, ни обмундирования. В это время положение было очень тяжелым, но я не думаю, чтобы оно носило предумышленный характер.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Скажите ваше отношение к генералу Каппелю, как к одной из наиболее крупных фигур добровольческой армии.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Каппеля я не знал раньше и не встречался с ним, но те приказы, которые давал Каппель положили начало моей глубокой

На III-ей стр. - вписано „Сибирской" и „мин." зачеркнуто „будучи" - вписано „Сырового" вписано „Пирогова" - вписано
Пов. Пред. Иркутска Кпт

Пов. Пред. Иркутска Кпт

симпатии и уважения к этому деятелю. Затем, когда я встретился с Капелем в феврале или марте месяце, когда его части были выведены в резерв, когда он приехал ко мне, я долго беседовал с ним ~~на эти темы~~ и убедился, что это один из самых выдающихся молодых начальников.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Когда вы приняли власть Верховного Правителя, каково было отношение к перевороту правительств, существовавших на территории, освобожденной от большевистской власти.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. В первое время никакого, т.к. не было никакой связи.
Когда произошли все события, относительно которых я говорил в прошлый раз, то был решен вопрос относительно отправки членов Директории за границу. Под надежным конвоем они были отправлены, кажется, на второй день вечером. В первый же день часа в 3-4 было устроено второе заседание, на котором было решено учредить Верховный Суд для разбора всего этого дела. На второй день я с утра поехал в Ставку. Все это время я жил в одной комнате и всю работу проводил в Ставке. Нихаев в Ставке исполнявший должность Начальника Штаба вручил мне целый ряд телеграмм, полученных из разных мест Сибири, которые прибывали в течение первых пяти дней. Эти телеграммы были из самых разнообразных мест, городов, частей армии и т.д. Эти телеграммы дали мне уверенность, что по крайней мере армия меня приветствует. Это были ответы на мое извещение; их были десятки, среди них были телеграммы отдельных лиц. Помнится я получил даже телеграмму с приветствием от Союза Сибирских маслоделов. В последующие дни приходили депутации и приветствия от различных крестьянских общин в первые же дни приходили телеграммы главным образом от армии и военных частей. Тогда эти телеграммы дали мне полную уверенность, что то что было сделано, сделано правильно и отвечает настроению и пожеланию армии. Одной из первых была получена телеграмма от Хорвата, в которой он приветствовал меня, признавал меня Верховным Правителем и передавал себя в мое распоряжение. Одной из первых телеграмм была также ~~получена~~ телеграмма от Атамана Дутова. Вместе с ней получилась телеграмма от правительства Оренбургскаго. Затем была получена одна весьма характерная телеграмма от Уральцев, хотя и несколько более осторожно составленная: они приветствовали меня, но просили сообщить, какую политическую цель я ставлю в первую очередь. Я подтвердил ~~им~~, что моя задачи заключается в том, чтобы путем победы над большевиками дать стране известное спокойствие, чтобы иметь возможность собрать Учредительное собрание на котором была бы высказана воля народа. Очень скоро я получил ответную телеграмму с приветствием и заявлением, что они передают себя в мое распоряжение, что они вполне разделяют мою точку зрения и осуществление задачи, которую я ставлю перед собою, считают необходимым. Но я не получил никаких известий только от двоих: от Семенова и Калмыкова. О них не было никаких сведений, но это меня неособенно безпокоило, т.к. я былуверен, что Семенов будет против меня в виду тех отношений, которые сложились раньше. Поэтому едва ли можно было расчитывать, что Семенов пойдет вместе со мной; вероятно он попытается действовать отдельно, независимо. Будучи еще военным Министром, я отчетливо сознавал, в каком положении находится снабжение армии, поэтому на второй же день я снесся с Вологодским и просил кажется его и Министра Снабжения, который был в то время Зафиров, обсудить этот вопрос, т.к. считаю необходимым, чтобы в первую очередь правительство занялось изучением вопроса экономического порядка, т.к. вопрос снабжения стоит настолько остро, даже в самом Омске, что я считаю, что все усилия правительства должны быть положены в первую очередь на создание обеспечения снабжения армии. Я сказал, что необходимо чтобы завтра же вечером было устроено заседание на котором я выскажу свои взгляды, чтобы было собрано Экономическое Совещание. Это Совещание было разработанр тут же: были выбраны представители торговопромышленников, кооперативов и банков, которых можно было избрать здесь же в Омске. Таким образом было основано Экномическое Совещание, на котором я первую неделю сам вел заседания.

На 112-ой стр. "выбрали", вписано "выбраны" - верно.

Тов. Пред. Чрезвычайного Суда

59

Я каждый вечер бывал там сам, пока не изложил все те задачи, которые я считал необходимым осуществить для обслуживания армии. Затем, когда началось обсуждение общих вопросов, мне уже было трудно, к тому же я заболел.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Как отнеслись к перевороту представители иностранных держав, которые в то время были в Омске, или которые после приехали в Омск.?

Адм. КОЛЧАК. Насколько помню, в Омске в то время был представитель Америки-Гаррис и Франции - Реньо. Представителя Англии еще не было, был только полковник Уордт; Нокс же приехал позже. Со стороны Японии была только чисто военная миссия. ~~Представителями чехов были тогда~~ - военные представители Кошек и Рихтер. Вообще отношение со стороны всех, кто не являлся ко мне, были самые положительные. Гаррис, американский представитель относился ко мне с величайшими дружественными чувствами и чрезвычайно благожелательно. Это был один из немногих представителей Америки, который искренно желал нам помочь и деле все, чтобы облегчить нам наше положение в смысле снабжения. Гаррис, насколько помню прибыл ко мне первый с визитом, на другой день. Гаррис сказал мне: "думаю, что в Америке этому событию будет придано самое неопределенное, самое неправильное освещение, но наблюдая всю атмосферу, всю обстановку я могу только приветствоать, что Вы взяли власть в свои руки при условии, конечно, что Вы смотрите на свою власть, как на временную, переходную. Конечно основной Вашей задачей является довести народ до того момента, когда он мог бы взять управление в свои руки, выбрать правительство по своему желанию." Я сказал ему: " это есть моя основная задача; Вы знаете хорошо, что я прибыл сюда, не имея ни одного солдата, не имея за собой никаких решительно средств, кроме только моего имени, кроме веры в меня тех лиц, которые меня знают. Я не буду злоупотреблять властью и не буду держаться за нее лишний день, как только можно будет отъ нее отказаться" Но этот Гаррис сказал мне: "Я Вам сочувствую и считаю, что если Вы пойдете по этому пути и выполните те задачи, которые ставятся перед Вами, то в дальнейшем мы будем работать вместе". В таком же духе говорил со мною и Реньо. Полковник Уордт был у меня на следующий день и сказал, что он также считает, что это единственная форма принципа власти, которая должна быть. " Вы должны нести ее до тех пор, пока наконец Ваша страна не успокоится и Вы будете в состоянии передать эту власть в руки народа. Я сказал, что моя задача работать вместе с союзными предетавителями в полном согласии и что я смотрю на настоящую войну, как на продолжение той войны, которая шла в Европе.

В.П. ДЕНИКЕ. Не удалось ли Вам выяснить, не были ли оповещены иностранные предетавители о готовящемся перевороте.

Адм. КОЛЧАК. Я думаю, что это было неожиданно, по крайней мере для Уордта, Гарриса и Реньо.

Вслед за посещением этих лиц, о которых я говорил раньше, меня посетили Рихтер и Кошек. Со стороны Кошека было отношение было самое милое, любезное, но все чувствовалась какая то неопределенность. Они спросили меня: " что Вы предполагаете делать ?" Я сказал, что моя задача очень проста: снабжать армию, увеличивать ее и продолжать борьбу, которая ведется. Никаких сложных больших реформ я производить не намерен, т.к. смотрю на свою власть, как на временную и буду делать только то, что вызывается необходимостью, имея в виду одну задачу - продолжение борьбы на нашем уральском фронте. Вот вся моя политика, определяемая этим. Стране нужна во что бы то ни стало победа и должны быть приложены все усилия, чтобы достичь этого. Никаких решительно определенных политических целей у меня нет: ни с какими партиями я не пойду, не

буду стремится к восстановлению старого, а буду стараться создать армию регулярного типа, так как считаю, что только такая армия может одерживать победы. В этом заключается вся моя задача. Тогда Рихтер задал мне вопрос: " отчего Вы раньше не говорили об этом, почему не спросили нашего мнения ?" Я ему довольно резко ответил : " Вам какое дело. Я менее всего намерен был спрашивать мнения иностранцев," и заявил ему : " Ваше мнение совершенно неинтересно и необязательно для нас ". Он сказал мне : " Мы принимали участие в ведении войны". Я ему ответил : " Да, но теперь Вы никакого участия не принимаете, теперь Вы оставляете фронт , почему же Вы хотите чтобы мы справлялись с вашим мнением в особенности теперь, когда Вы оставляете фронт." Таким образом отношение чехов в лице их представителя было скорее недоверчивым со стороны Рихтера оно носило как бы характер обиды, что все сделано без их согласия, без предварительных перегоноров в ними.

В.П. ДЕНИКЕ. Не приходилось ли Вам слышать, что в то время когда Авксентьев и Зензинов находились в заключении, им через некоторых лиц предлагалось чехами выступление для ликвидации переворота.

Адм. КОЛЧАК. Такие разговоры были, но точных данных никаких не было и никаких шагов в этом направлении не предпринималось.

Совершенно отрицательную позицию занял Чешский Национальный Совет. Это мне было в связи с выступлением в Уфе членов Учр. Собр. V

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. В это время было заключено предварительное перемирие с Германией. Таким образом Германия выходила из войны и устанавливалось общее замирение Европы. Не возникало ли у Вас мысли, что и для России надо искать мирного выхода из того положения, которое создалось.

Адм. КОЛЧАК. Я об этом не думал, так как я видел, что этот мир нас не касается, и считал, что война с Германией продолжается. Я тогда в первое время надеялся, что в случае , если нам удастся удержать известные успехи на фронте, то мы будем приглашены на мирную Конференцию, где мы получим право голоса для обсуждения вопроса о мире. Так как этого не случилось, то я считал, что мы находимся в состоянии войны с Германией.

V В числе телеграмм полученных мною , я получил со значительным запозданием и телеграмму из Уфы за подписью 5-6 членов Учр. Собр. / кажется там были подписи Нестерова, Девятова/. Первая часть телеграммы состояла из ругани: меня называли узурпатором, врагом народа и т.д., вторая же часть носила более серьезный характер, там заявлялось, что Комитет чл. Учр. Собр. повернет свои [illegible] на Омск и откроет новый внутренний фронт против меня. Насколько первая часть была для меня безразлична, настолько вторая часть носила характер вызова или угрозы. На это надо было как то реагировать, хотя я и получил сведения, что все части Народной Армии / я получил приветствия от большинства первых частей / настроены сравнительно спокойно, и что эту угрозу вряд ли удастся осуществить. Я между прочим получил донесение из Челябинска, это передавалось как слух и за точность я не могу ручаться, но это было интересно, как характеристика отношения чехов, что когда случился переворот, будто бы в Уфе состоялось совещание Чл. Учр. Собр. , на котором вопрос был поставлен таким образом, что надо соединиться с

На 114- зачеркнуто "когда", зачеркнуто "характер", вписано "характер", вписано "на то", "обиженка", поправлено "волюнтизма", вписано "нашей" - вычеркнуто
Нов. прод. Прибавка

60

большевиками и начать общее наступление на Восток. На это будто бы чехи ответили, что если Чл. Учр. Собр. войдут в сношения с большевиками, то они их всех перевешают. Чехи в это время были заняты своей эвакуацией с Челябинского фронта и создали там ужасное положение. В Челябинске было забито несколько тысяч вагонов, так что всякое передвижение на этом фронте было чрезвычайно тяжело. Я думаю, что это оказало бсльшое влияние на снабжение армии: не было даже предумышленного задерживания, но в то время почти ничего не могли подавать в западную армию, благодаря забитости Челябинского узла.

Когда я получил эту телеграмму, я послал Дитерихсу и Гайде телеграмму арестовать в Екатеринбурге Чернова, о котором я получил вседения, что он живет в каком то ленинском укрепленном доме, что при нем сто человек охраны, а также арестовать чл. Учр. Собрания. Это было выполнено, и Чернов был арестован, но затем Гайда, повидимому по требованию Национального Совета, направил поезд, в котором был Чернов и часть его охраны, которая была арестована в обстановке сопротивления (была брошена бомба, но к счастью убитых не было, были только раненые), почему-то через Челябинск, и в Челябинске Чернов был освобожден. Так или иначе Чернов попал в НациональныйСовет, оттуда он бежал, уехал за фронт и перебрался в Европ. Россию. Кем был освобожден Чернов я не имею точных сведений, но полагаю, что это был (сделал) Национальный Совет.

К.А. ПОПОВ. Известно ли Вам, что при аресте Чернова Екатеринбургской комендатуре было дано распоряжение, чтобы Чернов и его товарищи были ликвидированы.

Адм. КОЛЧАК. Об этом мне неизвестно и мною таких распоряжений не давалось. Арест производился русскими частями.

К.А. ПОПОВ. Известно ли Вам, что Чернов и его товарищи были отбиты вооруженной силой чехов?

Адм. КОЛЧАК. О том, что они были отбиты вооруженной силой я сове шенно не знаю. Наоборот я знаю то, что по требованию Национального Совета они были ему преданы.

На 115-ой стр - исправлено, укрепленном, зачеркнуто «был», надписано «сделал» - вернуть.

Пом. Пред. Прибыткова. Кол

К.А. ПОПОВ. Вооруженным отрядом чехов Чернов и его конвой были отбиты от русского конвоя, который вел их на расстрел.

Адм. КОЛЧАК. Мне это представляется иначе: они были арестованы Гайдой, Чешский же Национальный Совет потребовал, чтобы их доставили в Челябинск, почему Гайда и выполнил это приказание. О том, что было нападение чехов на русский конвой, я совершенно не знаю. Если бы это было, то, вероятно, Гайда сообщил бы мне об этом, между тем он ничего не сообщал мне. Гайда в это время командовал не только чешскими войсками, и Екатеринбургской группой, состоящей из русских и чешских войск. Поэтому он мог давать приказания одинаково и русским и чешским частям. Арест Чернова, насколько я помню, был проведен русскими частями, но распоряжение об аресте было направлено непосредственно Гайде, как старшему Начальнику. Насколько я помню, я сделал это распоряжение Гайде и получил ответ, что приказание выполнено. Через несколько дней видя, что результатов нет, я запросил, где же находится Чернов. Был запрошен Гайда, каким поездом был отправлен Чернов. Гайда ответил, что Чернов такого то числа отправлен в Челябинск. Тогда я предложил запросит Дитерихса. Дитерихс ответил, что Чернова в Челябинске нет. Я считал, что когда поезд с Черновым прибыл в Челябинск, то Чешский Национальный Совет потребовал выдачи Чернова и его освободили.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Вы отдавали определенное приказание арестовать Чернова и доставить в Омск. Приказание это не было выполнено. Было ли сделано какое нибудь расследование по поводу неисполнения этого приказания?

Адм. КОЛЧАК. Нет, никакого расследования не было сделано, я считался только с фактами. Потом Гайда говорил мне, что он не мог иначе поступить, что это было требование Национального Совета, которому он до известной степени подчинялся.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Помимо Гайды никаких расследований относительно ареста и доставки Чернова в Омск Вы не делали ?

Адм. КОЛЧАК. Нет, не делал. Я был очень удивлен, почему Чернова направили через Челябинск, потом выяснилось, что это было требование Национального Совета.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Членов Учр. Собр., арестованных в Уфе, было приказано доставить также в Омск ?

Адм. КОЛЧАК. Одновременно с первой телеграммой я послал телеграмму Дитерихсу с приказанием арестовать Чл. Учр. Собр. и доставить в Омск. Когда я получил список арестованных лиц / их было около 20 чел/, то оказалось, что там не было ни одного лица, подписавшего телеграмму, за исключением Девятова. Список мне передал конвоирующий офицер.

К.А. ПОПОВ. Распоряжение об аресте членов Учр. Собр. было сделано по предложению Вологодского ?

Адм. КОЛЧАК. Было сделано мною совершенно самостоятельно после получения этой телеграммы.

К.А. ПОПОВ. В распоряжении Комиссии имеется копия телеграммы с надписью " произвести через Верховного Правителя арест членов Учредительного Собрания.

На 116-ой стр. - исправлено „Чернова" - Верно.

Тов. Пред. Чрезвычека

61

АДМИРАЛ КОЛЧАК Насколько помню, это было мое решение, когда я получил эту телеграмму с угрозой открыть фронт против меня. Может быть Вологодский, получив одновременно копию телеграммы, сделал резолюции, но во всяком случае в этом решении Вологодский никакого участия не принимал.

Членов Учредительного Собрания было арестовано около 20, и среди них тех лиц, которые подписали телеграмму не было, за исключением вашего их, Круглевского, и сказал, что я совершенно не знал этих лиц и что в телеграмме они по-видимому никакого участия не принимали и даже были какие-то лица, непринадлежавшие к составу комитета членов Учредительного Собрания, как например. Я спросил почему их арестовали. Мне ответили, что это было по приказанию местного командования; в виду того, что они действовали против командования и против Верховного Правителя, местным командованием было приказано арестовать их и отправить в Омск. Таким образом, от этого ареста получилось впечатление весьма неопределенное: тех лиц, которых имелось в виду арестовать, не было оказалось. Я вызвал вслед за этим Старынкевича и спросил его, что же делать с этими лицами. Определенных обвинений к этим лицам нет никаких, как же следует поступить в этом случае. Старынкевичъ говорит: "надо произвести следствие по этому делу. Затем помимо вызова, к торый был прошенъ членами Учредительнаго Собрания, есть еще одно очень серьезное обвинение, которое ложится на этот комитет членов Учредительнаго Собрания, а том, что они выпустили огромное количество Уфимских денег, при чем эти деньги расходовались главным образом на партийную работу. Надо выяснить, какое количество денег они напечатали и куда эти деньги дели". Я сказал: "хорошо, в таком случае возьмите этот вопрос на себя, так как мне лично эти лица не нужны". Когда я сказал Круглевскому, что он привез мне совершенно неизвестных лиц, то он сказал, что остальные были предупреждены чехами и скрылись. Я спросил, было ли со стороны частей Фортунатова какое нибудь сопротивление или противодействие обыскам и арестам, которые производились в Уфе, ~~со стороны частей Фортунатова~~. Он сказал, что никакого, и скорее было даже оказано содействие. При комитете членов Учредительного собрания была охрана человек в 200, они оставались в том же доме, где жили, и когда их окружили и потребовали выдачи оружия, то это было сделано немедленно. Их даже не арестовывали, а просто разоружили и отпустили. Они были привезены в Омск приблизительно числа 24-25.

К.А.ПОПОВ. Каким образом слодилась их судьба и под чьим давлением. Ведь вы знаете, что большинство их было разстреляно.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Их было разстреляно восемь или девять человек. Они были разстреляны во время бывшего в двадцатых числах декабря восстания.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Как относилось к перевороту Уральское правительство и другие правительства, существовавшие на Востоке и находившиеся в территориальной связи с нами, как наприм. Алаш-Орда и другие.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Они ни чем не заявляли о себе и первые дни о них ничего не было известно. Ни от Алаш-Орды, ни от Уральского правительства не поступало никаких заявлений.

117-ой стр.-зачеркнуто "что", вписано "в", вписано "со стороны частей Фортунатова", вычеркнуто "со стороны частей Фортунатова".
— Вчитан.

Пом. пред. Чрезвычайка Кпф

К.А.ПОПОВ. Известно ли Вам, что одновременно с членами Учредительнаго собрания были арестованы представители Уральской власти, как наприм. Кириенко в Челябинске.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Кириенко был доставлен вместе с остальными в Омск и арестован был вероятно местным начальником гарнизона. Также был арестован редактор местной газеты Маевский и отправлен в Омск.

К.А.ПОПОВ. В это время не отдавалось ли Вами определенных указаний об аресте членов Учредительнаго Собрания, как такового репрессий вообще по отношению к активным членам партии с.р.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Нет, таких определенных указаний я не давал; я только посылал телеграмму Дитерихсу и Жанжину, чтобы были приняты все меры для борьбы съ пропагандой на фронте.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. В числе деятелей того времени была целая группа представителей Правительства Урала. В связи с ними находилась Ек.Брешко-Брешковская, кот. до известной степени была также выслана из России.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Она уехала, вероятно, раньше меня, т.к. не слышал ни одного слова о ней.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Она приехала почти в одно время с Вами во Владивосток, как член Учредительнаго Собрания.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Я ничего о ней не слышал и считалъ ее находящейся вне России.

К.А.ПОПОВ. Вам было известно, что такие представители партийных течений, как Брешко-Брешковская должны были скрываться и перейти на нелегальное положение.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Я не могу ничего сказать, т.к. я о ней не слышал и не знал, что она находится в Сибири. От Уральского Правительства я ничего не получал и никаких распоряжений в этом направлении не делал. Имел место только единственный отклик и то не членов Уральскаго правительства, а каких то общественных деятелей. Когда в феврале месяце они были арестованы, я приказал их освободить.

К.А.ПОПОВ. Таким образом, этим арестом вы считали ликвидированным вопрос относительно членов Учредительнаго Собрания.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Да, считал совершенно ликвидированным.

АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Продолжите ваш разсказ о событиях, происходивших в Омске. Какие перемены Вы находили нужным сделать в системе управления страной.

АДМИРАЛ КОЛЧАК. Первый период, как вы увидите, я был лишен возможности заниматься этим делом. Главный вопрос, который занимал меня в это время, была подготовка и обеспечивание Пермской операции, кот. была сообщена мне Жанэн. Когда я виделся с ним. Она требовала быстрой подачи известнаго контингента комплектования из Центральной Сибири. Это было

на 118-й стр. – исправлено "определенных" "как такового", вписано "и активным членам", вместо "представлявшая" – вписано "о" – вырвать
Пом. нач. Иркутск. Кпом

62

связано с величайшими затруднениями в смысле снабжения, обмундирова- нно,
ния и т.д.. Это была главная моя задача, и я в это время употреблял
все усилия на то, чтобы ее обеспечить. Поэтому поводу мне пришлось та-
войти в связь и контакт с ген. Ноксом, который находился во Владивосто-
ке; я ему послал телеграмму о том, что в первую очередь необходимо
выслать на Урал патроны и снабжение в Екатеринбургскую армию срочным
порядком, так как во всем этом чувствуется громадный недостаток; ~~о~~
~~которых~~ Нокс писал, что они будут доставлены, и в это время шло очень
быстрое и непрерывное сношение с Владивостоком. Вслед затем, когда был
обнародован приказ о предании суду Волкова, Катанаева и Красильни-
кова, Семенов до сих пор молчавший, реагировал на этот приказ рез-
кой телеграммой, направленной непосредственно ко мне, в которой он
заявлял, что он требует выдачи этих лиц себе, что он считает, что пре-
дать их суду я не имею права, что деятельность этих лиц может быть су-
дима только впоследствии и что он требует их выдать в его распоря же-
ние. На нее я конечно не ответил, я отправил ее в Штаб и сказал, что
не стоит отвечать на нее. Вслед затем вечером, в то время, когда мы
потребовали прямой провод на Владивосток для переговоров с Ноксом,
мне доложили, что прямого провода нет, что Чита прервала сообщение.
Я предложил Начальнику Штаба выяснить этот вопрос. На это мне ответили
совершенно неопределенно, говорили, что никакого перерыва нет, а все-
таки мы не можем получить Владивосток и ясно, что перерыв находится в
Чите. Тогда я, чтобы что нибудь делать, приказал ~~зашифрованную телеграмму~~
~~ну~~ послать кружным путем - была возможность еще через Монголию послать
во Владивосток с перечислением ~~—~~ с уверенностью получить все, что
нужно для фронта, но все же я ~~ппппппп~~ приказал попытаться вызвать
Владивосток, потому что такие ~~ши~~рованные телеграммы не заменяют пе-
реговоров по прямому проводу. Затем я получил известие, которое ~~оказа-~~
~~лось, что это было~~ недоразумение, а это на меня произвело впечатление
чрезвычайно серьезное: это была первая угроза транспорту с оружием,
обувью и т.д., задержанному где то на Забайкальской ~~ж~~дороги. Впоследст-
вии оказалось, что это не было предумышленной задержкой, а задерж-
ка, благодаря непорядкам на линии, а мне доложили так, что я поставил
это в связь с перерывом сообщения, и решил, что дело становится очень
серьезным, что Семенов уже задерживает не только связь, но задерживает
и доставку запасов. Я просил Лебедева, который вступил в должность
Начальника Штаба, вызвать по прямому проводу или Семенова или его
Начальника Штаба и окончательно выяснить вопрос, делается ли это
умышленно или нет, и если это делается неумышленно, то я прошу со-
действия и облегчить мне возможность сношений и протолкнуть вне вся-
кой очереди поезда с припасами и предметами снабжения для фронта.
Лебедев получил такой ответ, что они просто не желают разговаривать.
Тогда я, обдумавши этот вопрос и пользуясь тем, что Волкова я послал
на Восток в Иркутск, я решил поручить Волкову организовать отряд
здесь в Иркутске и двинуться на Забайкальскую ж.д., для того чтобы
обеспечить нам провоз наших грузов. Словом создалася целый конфликт.
В отношении Семенова я тогда издал приказ: 4 или 5 дней задерживается
связь с Владивостоком, задерживается провоз боевых припасов, я считаю,
это актом предательства по отношению к армии со стороны Семенова и
отрешаю его от должности. Это был приказ, который знаменовал собою
перерыв всяких сношений с Семеновым. Насколько я был прав, трудно ска-
зать, но я рисую Вам ту обстановку и те мотивы, по которым я тогда
действовал. В ответ на это не последовало ничего, но иностранные пред-
ставители, которые тоже были оповещены об этой истории, спросили,
что я намерен делать. Я сказал, что такие случаи надо решать оружием,
я постараюсь собрать войска и двинуть их, для того чтобы обеспечить
Забайкальскую ж.д. и продвинуть по ней грузы. Насколько это мне
удастся я не знаю, но во всяком случае у меня другого выхода
нет, потому что я пытался войти в соглашение, но из этого ровно ничего
не вышло. Об этом событии стало известно Ноксу и Маннену, который в
это время приехал во Владивосток и был на пути в Омск. Из Читы я по-
лучил предложение от ген. Маннена подойти к прямому проводу, что я
и сделал, при чем он сообщил мне, что положение чрезвычайно осложняет-
ся в Забайкалье, и что он считает долгом мне сообщить следующее:
командующий японской дивизией ~~—~~ заявил, что он не допустит
никаких вооруженных действий на ж.д. линии и что в случае, если я

попробую вывести войска в Забайкалье, то японские войска вынуждены будут выступить против них. Почему это заявлено, я хорошо не знаю, но он действительно вызвал меня к прямому проводу и сказал, что он рекомендует мне быть очень осторожным, более спокойным и надеется, что этот конфликт может разрешиться благополучным путем, и что решение его вооруженной силой является совершенно невозможным. Тогда я оставил это распоряжение. Японцы сообщили, что они берут на себя гарантию, что связь будет действовать и что движение на линии ж. д. прекратиться не будет. Это мне в тот момент разрешало те сомнения и то затруднительное положение, в котором я находился в отношении доставки на фронт предметов снабжения, и я подчинился этому положению, разрешить которое я своими средствами иначе не мог.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Вы значит понимали, что за Семеновым стоят японцы ?

Адм. КОЛЧАК. Раз они заявляют, что они со своими войсками выступят, то я со своими жалкими средствами, что же мог сделать? Я примирился с этим, как с временным явлением, надеясь, что я со временем разрешу этот вопрос. В это время центр тяжести моей деятельности лежал в Пермской операции, и я стремился всеми силами ее обеспечить. И действительно связь после этого восстановилась, грузы, хотя с некоторым опозданием, все же были доставлены и с этой стороны подготовительная работа этой операции шла и это меня до известной степени устраивало.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. А Ваш приказ о лишении Семенова должности Вы не отменяли ?

Адм. КОЛЧАК. Нет, не отменил, а отменил его после работы Следственной комиссии, когда Катанаев вернулся и, произведя расследование, сказал, что факта и намерения со стороны Семенова прервать связь и ничего не доставлять на фронт не было, и что это было помимо его. Затем все время у меня уходило на работу в Ставке и в заседаниях Экономического Совещания, крупными же делами общегражданского порядка мне почти не приходилось заниматься. Я делал объезд войск Омского гарнизона и убедился в чрезвычайно положительном и сердечном отношении ко мне, как со стороны Омского гарнизона и казаков, так и со стороны офицеров и команд.

В середине декабря был случай, который в дальнейшем в значительной степени повлиял на мою работу. 9 декабря нового стиля был Георгиевский парад - я не имел никогда теплого пальто и всегда ходил в солдатской шинели - после этого парада я объезжал войска и в результате, так как я был легко одет, я заболел воспалением легких. Почти неделю я держался и продолжал ездить на службу, еще не зная хорошо своей болезни, так как я болеть не мог и должен был продолжать работу, и только 15 числа, когда я перебрался на квартиру в дом Батюшкина, был консилиум докторов, которые потребовали, чтобы я лег в постель. У меня сделалась запущенная тяжелая форма воспаления легких, так как я однажды уже болел воспалением легких, когда я был на Востоке. Эта болезнь прервала мою возможность ездить в Штаб, в Совет Министров и т.д., но я все время старался принимать всех, кто имел во мне нужду и просил только Волкова, что если нет особенно срочных вопросов, то чтобы меня не занимать что же касается фронта, то я два раза в день принимал доклады Лебедева о положении на фронте, принимал также иностранцев, которые ко мне являлись. В некоторых случаях я даже пытался одеваться, выходил и снова ложился в постель. Болезнь моя очень сильно повлияла на события, потому что я в это время не мог заниматься, я не был вполне в курсе всех дел, мне пришлось прекратить занятия в Экономическом Совещании. Первый мой выход из квартиры был день возобновления деятельности Сената в феврале месяце, - я болел шесть недель.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Значит этот период времени с половины декабря и до конца февраля управление гражданской стороною государственной жизни лежало на Совете Министров ?

Адм. КОЛЧАК. Да, конечно, я не мог в это время входить в дела.

На 119-ой стр. - зачеркнуто "о которых", зачеркнуто "зашифрованную телеграмму", надписано "зашифрованную телеграмму", зачеркнуто "показано, что это было" надписано "в последствии оказалось" зачеркнуто "и это" надписано "а когда" - в строке 6. - на 120-ой стр. - вписано "заявлено было", "тогда", "работ", исправлено "следственной", исправлено "как" зачеркнуто "мою", вписано "также" исправлено "декабря" - в подпись. Нрзб. под "голубчика К[олчак]".

63

как следовало бы, и принимал только экстренные доклады. Единственно, что я не оставлял, как бы плохо мне ни было, это распоряжений о фронте, за исключением лишь нескольких дней, когда у меня была такая высокая температура и такие боли, что я дышать не мог.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Во время Вашей болезни произошло известное выступление в Омске, как Вы к нему отнеслись ?

Адм. КОЛЧАК. Приблизительно около 20 числа Лебедев мне сообщил, что имеется агентурное, добытое контр-разведкой, сведение, что в Омске готовится выступление ж.д. рабочих на линии жд., что ожидается забастовка на линии ж.д. и т.д., что все это идет под лозунгом советской власти, но он большого значения не придает, что в Омске находится достаточное количество войск, что гарнизон вполне надежный и вряд ли может быть какое нибудь выступление.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Никаких особых указаний Вы по этому поводу ему не давали ?

Адм. КОЛЧАК. Нет, все делалось автоматически. На случай тревоги раз навсегда было составлено расписание войск, где какие части находятся, город был разбит на районы, все было принято во внимание, никаких неожиданностей быть не могло и мне не приходилось делать указаний. Накануне выступления вечером мне было сообщено Лебедевым по телефону или верное утром следующего дня, что накануне был арестован Штаб большевиков в числе 20 чел.- это было за сутки до выступления. Лебедев сказал: "я считаю это достаточным для того, чтобы все было исчерпано, и выступления не будет."

Пов. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ К.А. ПОПОВ. Что он доложил относительно судьбы арестованного Штаба ?

Адм. КОЛЧАК. Он сообщил только, что они арестованы.

Пов. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ К.А. ПОПОВ. А не сообщал он, что на месте были расстрелы ?

Адм. КОЛЧАК. Они были расстреляны на второй день после суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ К.А. ПОПОВ. Определенно известно из всего делопроизводства и всех данных по г. Омску, что весь Штаб был расстрелян при самом аресте на месте, часть его успела скрыться.

Адм. КОЛЧАК. Я помню они были расстреляны в день восстания.

Повтор ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Самый арест был произведен в ту же ночь, когда было восстание.

Адм. КОЛЧАК. Никак нет, я знаю, что они были арестованы по крайней мере за сутки до восстания, так что я думаю, что это сведение неверное. Я твердо помню, что арест Штаба был произведен гораздо раньше. В тот день, когда все было совершенно спокойно, там велось дознание, затем последовал день, который никаких решительно новостей не принес. Затем ночью в день восстания меня разбудил мой дежурный адъютант около пяти часов утра, заявив мне, что в городе происходят выступления красных, что занята восставшими тюрьма и освобождены все находящиеся в тюрьме арестованные, но что в самом городе спокойно, пока идет только редкая ружейная стрельба на окраинах. На вокзале все спокойно. Затем он мне доложил, что по тревоге войска заняли свои места, и по расписанию ко мне должна прибыть сотня казаков.

Повтор ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Вы распорядились, что-бы Вам была дана охрана?

Адм. КОЛЧАК. Нет, я не распоряжался, а согласно расписанию, выработанному командующим войсками Матковским и Начальником Штаба на случай боевой тревоги должна была прибыть конная сотня казаков.

1-ой стр - Вписано „что", „этому", зачеркнуто „все", исправлено „тревоге" - вторично.

Пом. пред. Иркутского Ком.

Он сказал, что Начальник Штаба еще сообщит подробности по телефону и просит меня не беспокоиться.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Как тогда Вы узнали о восстании, какие меры были приняты во время самого восстания и до его ликвидации?

Адм. КОЛЧАК. Вслед затем Лебедев сообщил по телефону следующее: в городе восстания никакого нет, кроме нападения на тюрьму никаких других действий со стороны повстанцев не было, были отдельные столкновения на окраинах города, но на вокзале все спокойно и благополучно, а что центр тяжести перенесся на Куломзино, где повидимому повстанцы концентрируются, где они действуют своими главными силами, но туда уже отправлены казачьи части, походная артиллерия и чехи также будто бы действуют. Тогда я был довольно спокоен по поводу того, что в Омске ничего не будет. Затем я спросил, есть ли связь с армией, на что он ответил, что связь прервана в Куломзино, но что он надеется, что она скоро будет восстановлена.

Тогда рассвело, часов около 10 утра я приказал отпустить казаков домой, потому что в городе было совершенно спокойно, и мне достаточно было обычного караула. Я попросил приехать Лебедева ко мне. Лебедев прибыл ко мне часов в 11 с докладом, что благодаря аресту этого Штаба, в Омске выступление не удалось, что все переносится в Куломзино, там идет стрельба, у восставших имеются пулеметы, но артиллерии нет, сейчас туда должна подойти из города артиллерия и он надеется ликвидировать это восстание. Затем Лебедев мне доложил, что вся тюрьма разбежалась, но что приняты меры, поставлены патрули на все дороги и бежавших удастся задержать. Я спросил: " Члены Учредительного Собрания тоже разбежались?" Он сказал: " Да, разбежались." Затем он мне заявил, что сегодня вечером должен начать функционировать полевой суд по назначению командующего войсками и что город объявлен на осадном положении. Матковский кажется утром тоже был и он тоже доложил, что все спокойно, в городе, никаких столкновений нет, что ночью было несколько столкновений небольших, серьезного же ничего не было, что центр тяжести перенесся в Куломзино. Действительно, вечером я получил извещение о том, что Куломзино охвачено со всех сторон войсками и что часть мятежников бежала. Бой был довольно упорный с нашей стороны есть небольшие потери, но что сейчас Куломзино все спокойно и сейчас будет восстановлено сообщение с фронтом.

с вопросом

Затем вечером мне была сообщена телеграмма от Гайды с тем - нужна ли какая нибудь помощь, двинуть ли войска, что у него чуть ли не готовы к посадке два полка, которые он немедленно, если потребуется, пошлет в Омск. Я ответил - пожалуйста никого не присылайте, с фронта никаких частей не снимайте, чтобы отнюдь не нарушить плана военных работ, которые ведутся на фронте, что здесь все спокойно и все ликвидировано. Затем мне кажется, что в этот же вечер часов в 9 или 10 примерно я получил совершенно неожиданно для меня записку от Вологодского, который сообщал, что предаются Военно-полевому суду Члены Учредительно Собрания, которые никакой связи с восстанием не имели, а просто находились в тюрьме и были освобождены и что он просит моего распоряжения о том, чтобы их суду не предавать. Я потребовал сейчас бланк и написал на нем, что Члены Учредительного Собрания полевому суду не подлежать и без моего ведома никакому суду их не предавать. Затем меня немножко удивило одно обстоятельство : как? мне доложили, что никого из Членов Учредительного Собрания нет, что они все разбежались, а потом вдруг они почему то предаются Полевому суду? Я, конечно, не мог быть в курсе дела тогда вообще и только потом узнал, что они добровольно явились, т.е. часть из них сама пришла. Свою записку я приказал отправить срочно Начальнику гарнизона, потому что полевой суд был при Начальнике гарнизона назначен Матковским. На

На 122-ой стр. - исправлено „как", вписано „что", исправлено „обычного", зачеркнуто „этого", зачеркнуто „о том", надписано „с вопросом", вписано „нет", „полевому", „чтобы" — в черне.

Нач. Упр. Центрархива Ктор.

чальником гарнизона был генерал-майор Бржезовский. Это было уже довольно поздно вечером, часов в 10 - 11 и после этого всю ночь меня никто не беспокоил, и никаких сведений я не получил. Мне было довольно скверно в это время, меня старались не беспокоить. Затем на утро часов, вероятно, около 10 ко мне приехали Вологодский, Тельберг и Старинкевич и просили принять их срочно по одному очень важному обстоятельству, и вслед затем мне пришла от Бржезовского записка с перечислением арестованных членов Учред. Собр., что приказание выполнено, и со списком членов Учред. Собр., находящихся в тюрьме, которые суду полевому не предаются. Меня поразило, что список этот был очень мал, около половины. Затем было указано " что неизвестно где некоторые находятся" Вологодский меня спросил: " Вы знаете, что часть членов Учред. Собрания вчера вечером расстреляна, Вы получили мою записку ?" - " Да, говорю я, я сделал распоряжение, чтобы их никакому суду не предавать и чтобы без моего разрешения ничего с ними не делать".- "Так вот я Вам должен сообщить об этом ужасном случае; кто это сделал, по чьему распоряжение, нам пока ничего неизвестно, но они ночью были кем то расстреляны и их тела найдены где то около Иртыша, - кажется 8 человек.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. А что Вы сделали для выяснения этого дела?

Адм. КОЛЧАК. Я призвал дежурного адъютанта и приказал ему вызвать к себе Главного Военного Прокурора полковника Кузнецова. Я попросил их подождать до его прибытия и попросил Вологодского : " выслушайте Вы, Петр Васильевич его доклад, мне поверить трудно и затем пусть приступят сейчас же к расследованию, кто виноват, по чьему приказанию и при каких обстоятельствах произошло это событие?"

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Что же дало расследование?

Адм. КОЛЧАК. Я помню короткий разговор и помню какое впечатление на меня произвело это событие; я тогда высказал Вологодскому, Тельбергу и Кузнецову. Я говорил, что этот акт направлен персонально против меня с целью дискредитировать мою власть в глазах иностранцев, которые относились ко мне чрезвычайно благожелательно. Затем я не мог поставить в связь это событие с тем обстоятельством, что за несколько дней перед этим выступлением у меня была депутация представителей социалистических партий - я с ними, конечно не мог беседовать, но я заставил себя одеться, вышел к ним - они меня приветствовали и сказали, что поскольку я буду держаться того пути, который я высказывал в своих речах и декларациях, то я могу рассчитывать на их полную поддержку.

В.П. ДЕНИКИН. Эта депутация неосоциалистических политических партий, а блок 14-ти куда вошли социалистическая партия " Единство" и кооператоры и т.д.

Адм. КОЛЧАК. Да, именно это. Это было мое первое впечатление и мне представлялось невозможным и не имеющим связи с этим восстанием; тем более, что я Старинкевичу раньше говорил; "чего Вы их держите, у меня нет в отношении их никаких обвинений, и я ничего им не предъявляю, все это люди не имеющие никакого общественного значения и держать их в тюрьме это только занимать место и их свободно можно бы всех отпустить, взяв с них подписку, чтобы они не вели борьбу против меня и жили где угодно, а следствие о них можно вести не держа их в тюрьме". Старинкевич имел в виду какие то формальности, которые несколько задержали и они должны были быть выпущены, так что против них со стороны властей военных и гражданских никаких обвинений решительно не было, и такой акт я мог рассматривать скорее с точки зрения, в которой я говорил, в ответ на ту депутацию, которая была у меня за несколько дней до этого.

Поручивши это дело Кузнецову, я отпустил его. Когда приехал Лебедев на очередной доклад, то оказалось, что для него это тоже было новостью. Он говорил, что их не по суду расстреляли, а их повели в суд, суд их будто бы не признал подсудными, согласно тому, что они никакого отношения к восстанию не имели, и был приказ отправить

На 123-ей стр. - Зачеркнуто "с перечислением арестованных членов Учред. Собр." надписано "с сообщением", зачеркнуто "ст" "ое", написано "членов", зачеркнуто "ес" "ое", надписано "тового", вписано "от события", "и" зачеркнуто, написано "и", вписано "жил", "ни" зачеркнуто, написано "не", "ставил" зачеркнуто, написано "поставить

их обратно в тюрьму, но по дороге конвоирующими офицерами они были расстреляны. Я спросил, выяснено ли кто были эти конвоирующие офицеры и где они находятся сейчас ? Я сказал, что я передал дело Кузнецову и прошу ему оказать всякую помощь, для того чтобы выяснить кем это было сделано, потому что очевидно какие-то причины были, для того чтобы это сделать. В дальнейшем я более не давал распоряжений и от Кузнецова через несколько времени я узнал фамилию офицера Бартошевского, который их конвоировал, привел в полевой суд, но в полевом суде их отказались судить. Тогда было приказано конвоировать обратно, и на этом обратном пути они были расстреляны, и что будто бы Бартошевский мотивировал этот расстрел попыткой их бежать, но я отлично знал, что всегда выставляется эта причина. На вопрос арестованы ли эти офицеры, он сказал, что Бартошевский уехал вместе с частью конвоя и что только один или два солдата этого конвоя были задержаны и опрошены. Помнится мне, что Кузнецову я говорил, что мне дело представляется не в Бартошевском, я считал, что это дело глубже, о всех подробностях мне значительно позже докладывали, а это было первое впечатление, которое у меня тогда осталось. Впоследствии Кузнецов и сенатор Висковатов, который производил расследование, мне дали другие сведения. Но тогда ясно, что Бартошевский и другие были только исполнители, а важно узнать, по чьему приказанию и с какими целями это было сделано. Я тогда сказал Кузнецову: " главная Ваша задача это узнать, кто был автором, я говорил ему что это идет не от Лебедева - я убежден, что это для него было неожиданностью, и не от Матковского - таких приказаний исходить не могло, и что начальник Гарнизона Ерашевский получил мое распоряжение, и следовательно к суду никак предавать не мог, [illegible] Когда было совершено это деяние, точно я сейчас сказать не могу.

А.Н. АЛЕКСИНСКИЙ. А в дальнейшем Вы выяснили? Какие меры Вами были приняты к тому, чтобы были разысканы виновные ?

Адм. КОЛЧАК. Все это дело велось военным прокурором, я в это дело не вмешивался, я его периодически спрашивал, в каком положении дело, он говорил, что оно ведется обычным судебным порядком.

А.Н. АЛЕКСИНСКИЙ. К чему пришло военно-судебное следствие?

Адм. КОЛЧАК. Кузнецову так и не удалось выяснить. Он выяснил так и лиц, которые участвовали в этом деле, но выяснить, кем была поставлена эта задача, от кого происходило это распоряжение, установить не удалось. Тогда я решил передать это дело в руки сенатора специалиста и просил его произвести самое расследование. Это было в феврале месяце. Следствие военное столь несовершенное, так медленно тянется, что я считал, что они просто не могут как следует разобраться.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Упоминали ли Вам фамилию Рубцова ?

Адм. КОЛЧАК. Я знаю, что Рубцов принимал какое то участие в исполнении приговоров суда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Из делопроизводства Совета Министров по поводу этого расстрела и из докладов Кузнецова с совершенной ясностью и определенностью выясняется, что Рубцов, приведши в тюрьму, потребовал меня, Девятова и еще кого то. Я был болен сыпным тифом, администрация тюрьмы отказалась меня выдать, а сами офицеры не решились очевидно в сыпнойбарак итти, [illegible] Тогда Рубцов взял Девятова и Кириенко. Затем появился Бортошевский, потребовал меня, Девятова и Кириенко, я на его требование выдан не был, Рубцов составил расписку, что он получил Кириенко и Девятова, - об этой записке говорится в докладе Коршунова и Кузнецова. Тем не менее никаких мер по отношению к Рубцову не было принято.

Адм. КОЛЧАК. Рубцов был в тюрьме для исполнения приговора, кажется, не участия в убийстве Членов Учредительного Собрания он не принимал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это по документам: он не исполнял приговора.

65

потому что приговора тогда не было. Он явился с определенным требованием трех лиц: Девятова, Кириенко и меня, сюда была присоединена находящаяся партия в 45 рабочих, ~~и~~ все ~~они~~ в Загородной роще были расстреляны, а Борташевский увел остальных.

Адм. КОЛЧАК. Против Рубцова обвинений в расстреле не было, а было обвинение в отношении Бартошевского.

Гл. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Что касается Бартошевского, то после того, как Кириенко и Девятов были уведены, он выбрал 8человек, не подлежащих военно-полевому суду, ~~и раньше~~ по данным дознания Кузнецова ~~они~~ были выданы еще 5 человек, ~~осужденных к бессрочной каторге~~, и они все были расстреляны на берегу Иртыша. Это подтвердилось Высказываниями Чрезвычайной Следственной Комиссии. Бартошевский почему-то был освобожден, как благонадежный человек, под надзор Красильникова.

Адм. КОЛЧАК. Ведь неизвестно, где он был.

Гл. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Бартошевский сидел два месяца в тюрьме и освобожден, как благонадежное лицо.

Адм. КОЛЧАК. Мне это неизвестно.

Гл. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Как Вы, ~~как~~ Верховный Правитель, считавший это актом, направленным лично против Вас, не поинтересовались судьбою ~~арестованного~~ виновника расстрелов?

Адм. КОЛЧАК. Бартошевский бежал, о его аресте мне ничего неизвестно.

Гл. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Было еще шесть офицеров этого конвоя из отряда Красильникова, фамилии их были ~~найдены~~ Следственной Чрезвычайной Комиссией (Высказаны) и никто не был арестован.

Адм. КОЛЧАК. Мне сообщали, что Бартошевский бежал, против Рубцова в то время никаких обвинений в убийстве не было, а ~~ни~~ членов говорил, что он не расстреливал никого из Членов Учредительного Собрания и против него никаких обвинений не было.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Девятов и Кириенко расстреляны им, это точно установлено данными Кузнецова.

Адм. КОЛЧАК. Да, это возможно, потому что это единственный материал.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Сенатское расследование также не обнаружило вдохновителей ?

Гл. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Знаете ли Вы, что Рубцов и Бартошевский ссылались на личное Ваше распоряжение ?

Адм. КОЛЧАК. Да, Кузнецов мне об этом докладывал.

Гл. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Разрешите занести в протокол, что Вам это известно было от Кузнецова.

Адм. КОЛЧАК. Я конечно таких распоряжений не мог давать.

Гл. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. О роли Рубцова Вы ничего не знали ?

Адм. КОЛЧАК. Потом из следствия Кузнецова выяснилось, что этот акт был выполнен Бартошевским.

В.Л. ДЕНИКИН. А Вы знали об участии в расстреле данных лиц Рубцова ?

5-ой стр. - вписано "и", зачеркнуто "они", исправлено "а ранее", зачеркнуто "осужденных к бессрочной каторге", вписано "Высказываниям", зачеркнуто "разосланного", вписано "Высказываниям", зачеркнуто "найдены", вписано "Высказаны", зачеркнуто "ни", вписано "никто", зачеркнуто "членов", вписано "членам", зачеркнуто "как", вписано "Высказываниям" - верить.

Гл. Прок. Иркутского К.Т.

Адм. КОЛЧАК. Нет, я считал, что это дело Бартошевского и что Рубцов в этом расстреле не участвовал. Потом я узнал, что и Рубцов и Бартошевский фигурируют в этом деле.

В.П. ДЕНИКИН. Но Вы сейчас изволили сказать, что Вы о Рубцове не знали?

Адм. КОЛЧАК. Я докладывал хронологически, как это дело мне представлялось, а следственный материал мне известен, как и Вам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А что Бартошевский был арестован Вы знаете ?

Адм. КОЛЧАК. Нет, я считал, что он скрылся и уехал куда нибудь на фронт и достать его будет невозможно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Но в то же время Вы говорите, что он пробрался куда нибудь на фронт, когда же он мог скрыться ?

Адм. КОЛЧАК. Да в первый день.

Тов. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Вы сказали, что он скрылся и не мог быть допрошен?

Адм. КОЛЧАК. Нет, он был допрошен, а потом скрылся.

Тов. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Почему он не был арестован при допросе?

Адм. КОЛЧАК. Кузнецов мне об этом ничего не говорил. Может быть он сделал такое распоряжение. Вы может быть помните, когда это было ?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я с делом Бартошевского ознакомился в делах Омской тюрьмы. Затем о Бартошевском было постановление Чрезвычайной Комиссии о предании его суду, а потом заключение той же Комиссии об освобождении его, как человека благонадежного по надзор. Это была Комиссия Висковатова.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. А Вам было известно, к какому отряду принадлежат Бартошевский и Рубцов ?

Адм. КОЛЧАК. Да, мне Кузнецов докладывал тогда. Все следствие было мне доложено.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Раз Вы назначили Главного Военного Прокурора для расследования, Вы видели в этом преступление, но это преступление должно было в известной степени бросить подозрение и на прямых начальников этих двух лиц, - не возникало ли у Вас сомнений по отношению к Начальникам этих двух офицеров ?

Адм. КОЛЧАК. Откровенно сказать, мне в этот период трудно вспомнить, какие возникали подозрения. У меня была высокая температура, я был болен и еле дышал, и мне в это время входить в эти тонкости и разговаривать было трудно. Я тогда говорить не мог, а только выслушивал доклады и мне было очень тяжело вдаваться в такие тонкости. Мое мнение и убеждение было такое, что это был акт, направленный против меня, совершенный такими кругами, которые меня начали обвинять в том, что я вхожу в соглашение с социалистическими группами. Я считал, что это было сделано для дискредитирования моей власти перед иностранцами и перед теми кругами, которые мне незадолго до этого выражали доверие и обещали помощь.

Тов. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Вы говорите, что Бартошевский был допрошен и после допроса скрылся, почему он тогда же не был после допроса арестован, Вы не знаете; Вы спрашивали Кузнецова, почему его не арестовали ?

Адм. КОЛЧАК. Может быть я и спрашивал, я не помню.

На 126-ой стр. - зач. „когда", зач. „чьему", исправлено „какой отряду", зач. „в этот период" исправлено „какие" - верить. Тов. пред. Чрезвычка Кт.

66

Тов. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Вы не придали значения тому, что он не был арестован? Вы говорите; что не знаете, почему он не был арестован, - Вы не поставили в вину Кузнецову это попустительство к явному разбою и убийству ?

Адм. КОЛЧАК. Может быть Кузнецов это и сделал, но каким образом Бартошевский удрал, я не знаю.

В.П. ДЕНИКИН. Какие личные распоряжения о расследовании дела Вами делались ? Вам делались доклады; мы знаем, что было поручено Кузнецову И Висковатому производить дознание; а кроме это делались какие нибудь распоряжения ?

Адм. КОЛЧАК. Нет, я это дело передал официальным лицам.

В.П. ДЕНИКИН. Может быть, Вы забывши об освобождении из под стражи того или иного лица, произведенном в порядке следственной работы ? Никаких докладов об аресте или освобождении Вам не делалось ?

Адм. КОЛЧАК. Не делалось.

В.П. ДЕНИКИН. Вы не предполагали, что наиболее важные акты этого следствия производились с Вашей санкции?

Адм. КОЛЧАК. Нет, я не мог этого взять на себя.

Тов. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Поручивши это дело Чрезвычайной Комиссии, интересовались Вы его дальнейшим ходом ?

Адм. КОЛЧАК. Висковатов мне несколько раз докладывал, когда находил это нужным. Поручивши Висковатову это дело, я совсем о нем забыл и я был уверен, что больше я ничего не могу сделать.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Вы находили, что этот акт совершен с целью дискредитировать Вас, и Вы находили, что это исходит от тех кругов, которые не желали Вашего сближения с социалистическими течениями?

Адм. КОЛЧАК. Да, я так себе объяснял.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. В числе лиц и групп, которые Вас окружали, Вы легко могли разобраться, от каких именно групп и лиц это должно было итти.

Адм. КОЛЧАК. Это довольно трудно мне было сказать.

А.Н. АЛЕКСЕЕВСКИЙ. Выражаясь принятой терминологией, крайние правые реакционные элементы были определенно известны? Например Красильникова Вы не могли смешать с Каппелем ?

Адм. КОЛЧАК. Обвинять Красильникова, зная его отношение ко мне, я не мог подозревать; чтобы Красильников мог сделать этот акт, направленный против меня.

Тов. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Каких виновников этого расстрела выяснила работа Чрезвычайной Следственной Комиссии?

Адм. КОЛЧАК. Она подтвердила указание на эти два лица, того же Бартошевского и Рубцова, но о лицах выше стоящих Висковатов не мог найти никаких следов.

Тов. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Вы судили по докладам Висковатова, а сами с делом не знакомились ?

Адм. КОЛЧАК. Нет, я считал Бартошевского исполнителем, он меня мало интересовал, я считал, что он действует по чьему то

На 127 оборотной стороне - исправлено карандашом тов. председателя "указание на" - вместо "указано на" - Бартошевский - вместо "Бартошевского" - "произведенном" - вместо "произведенном" - "Тов. председателя" - вместо "Тов. председателя" - "Тов. председателя" - вместо "Тов. председателя" - "Тов. председателя" - вместо "Тов. председателя

распоряжению, а кто был вдохновителем или организатором этого дела я не знаю.

В.П. ДЕНИКИН. Может быть у Вас в конце концов сложилось впечатление, почему это дело не осталось раскрытым до конца и истинные виновник не понесли никакой кары? Чем Вы это объясняли ?

Адм. КОЛЧАК. Я объяснял это недостатками того судебного аппарата, который был у меня в распоряжении, по массе аналогичных других дел, которые я поручал для расследования по вопросам злоупотреблений всяких интендантских поставок, я никогда не мог добиться от своего суда и следственной власти каких нибудь определенных результатов. Все время суд и следственная власть задавались широкими задачами распутать и раскрыть данное преступление во всем его объеме и в конце концов из этого ничего не выходило. Это недостаток организации нашей судебной власти. На это жаловался и Ц..знецов, что все стараются не давать определенных ответов, стараются только затруднить, и к кому он ни обращался , он не мог добиться совершенно ясных и определенных ответов на все те вопросы, которые он ставил. Он сам говорил, что чрезвычайно трудно было это дело расследовать в виду острого противодействия со стороны всех прикосновенных лиц, которых он опрашивал для выяснения этого дела. Целый ряд интендантских дел у меня был на фронте и в Омске в попытке захватить виновных в спекуляции, я всегда был бессилен, когда я обращался к легальной судебной власти. Это была одна из тяжелых сторон управления, потому что наладить судебный аппарат было совершенно невозможно. Раз я становился на точку зрения юридическую, призывал юристов и поручал им это дело вести, оно не давало результатов.

Тов. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Почему не был арестован Рубцов Вы тоже не знаете ?

Адм. КОЛЧАК. Я не помню, потому что в тот период, когда велось следствие, я передал это дело определенному лицу и не вмешивался в его распоряжения: это дело следствия, а я сам не давал каких либо распоряжений по этому поводу. Каким образом я мог приказать следователю арестовать то или иное лицо?

Тов ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Известно ли Вам, что при этом убийстве членов Учредительного Собрания были убиты ряд других лиц таким же порядком без суда и следствия, не являющихся Членами Учредительного Собрания ?

Адм. КОЛЧАК. Я знал этот список, который мне был представлен, я помню Маевского, Фомина.

Тов ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Расстрелы на Куломзино производились по чьей инициативе ?

Адм. КОЛЧАК. Полевым Судом, который был назначен после занятия Куломзино.

Тов ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Обстановка этого суда Вам известна и известно ли Вам, что по существу никакого суда не было ?

Адм. КОЛЧАК. Я знал, что это полевой суд, который назначался Начальником по подавлению восстания.

Товар ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Значит так: собралось три офицера и расстреливали. Велось какое нибудь делопроизводство ?

Адм. КОЛЧАК. Действовал Полевой Суд .

Товар ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Полевой Суд требует тоже формального производства. Известно ли Вам, что это производство соблюдалось или

На стр. 128 — "Тов. Председ." вместо "Товар" вписано карандашом и стерто; "тов." зачеркнуто и вписано "Тов. Председ."; "Товар" зачеркнуто и вписано "Тов. Председ."; "Тов" зачеркнуто и вписано "Тов. Председ."; "Товар" зачеркнуто и вписано "Тов. Председ."; "Товар" зачеркнуто и вписано "Тов. Председ."; "Товар

Вы сами, как Верховный Правитель, не интересовались этим ? Вы, как Верховный Правитель, должны были знать, что на самом деле никаких судов не происходило, что сидели два-три офицера, приводилось по 50 человек и расстреливались. Конечно, этих сведений у Вас не было ?

Адм. КОЛЧАК. Таких сведений у меня не было, я считал, что полевой суд действует так, как вообще действует полевой суд во время восстаний.

Тов ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это знал весь город. А после этого Вы узнали ?

Адм. КОЛЧАК. Я знаю, что собирался полевой суд, который разбирал вопрос о причастности тех или иных лиц и когда этот суд собирался, он выносил приговоры.

Тов. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Как Вы себе предоставляете приговор, как применялись эти военные суды ?

Адм. КОЛЧАК. Если повстанцы были захвачены с оружием в руках, то они подлежат полевому суду.

Тов. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Значит писалось, что такие и такие то лица подлежат военно-полевому суду? Вам докладывали об этом делопроизводстве, существует ли оно, сохранилось ли оно где нибудь ?

Адм. КОЛЧАК. Я его не спрашивал.

Тов. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы не интересовались ?

Адм. КОЛЧАК. В первый период я не мог интересоваться.

Тов ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А сколько челове было расстреляно в Куломзино?

Адм. КОЛЧАК. Человек 70 или 80.

В.П. ДЕНИКЕ. А не было ли Вам известно, что в Куломзино практиковалась массовая порка ?

Адм. КОЛЧАК. Про порку я ничего не знал, и вообще я запрещал какие бы то ни было телесные наказания, следовательно я не мог даже подразумевать, что порка могла где нибудь существовать, а там, где мне это становилось известным, я предавал суду, смещал, т.е. действовал карательным образом.

Тов. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Известно ли Вам, что лица, ~~на~~ которые арестовывались в связи с восстанием в декабре, впоследствии подвергались истязаниям в контр-разведке, и какой характер носили эти истязания? Что предпринималось военными властями и Вами, Верховным Правителем, против этих истязаний ?

Адм. КОЛЧАК. Мне никто этого не докладывал, и я считаю, что их не было.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я сам видел людей отправленных в Александровскую тюрьму, которые были буквально сплошь покрыты ранами и истерзаны шомполами. Это Вам известно ?

Адм. КОЛЧАК. Нет, мне никогда не докладывали, и если такие вещи делались известными, то виновные наказывались.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Известно ли Вам, что это делалось при Ставке Верховного Главнокомандующего Адмирала Колчака в контр-разведке при Ставке ?

Адм. КОЛЧАК. Нет, я не могу этого знать, потому что Ставка не могла этого делать.

129 - исправлено врод а Тов. председатель "лишнее" в, зачеркнуто "чай-Бур" КПов

Тов. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это производилось в контр-разведке при Ставке.

Адм. КОЛЧАК. Очевидно, что люди, которые совершали это, не могли мне докладывать, потому что они знали, что я все время стоял на законной почве. Если делались такие преступления, я не мог о них знать. Вы говорите, что при Ставке это делалось?

Тов. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я говорю в контр-разведке при Ставке. Возвращаюсь к производству военно-полевого суда в Куломзине.

Адм. КОЛЧАК. Я считаю, что было производство такое же, какое вообще полагается в военно-полевом суде.

Тов. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В Куломзино фактически было расстреляно около 500 человек, расстреливали целыми группами по 50-60 человек. Кроме того фактически в Куломзино никакого боя не было, ибо рабочие только вооруженные стали выходить на улицу, они хватались и расстреливались, - вот в чем состояло восстание в Куломзине.

Адм. КОЛЧАК. Эта точка зрения является для меня новой, потому что были раненые и убитые в моих войсках и были убиты даже чехи, семьям которых я выдавал пособия. Как же Вы говорите, что не были бои?

Тов. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Боя не было, может быть были какие нибудь стычки.

Адм. КОЛЧАК. То, что Вы сообщаете, было мне неизвестно, Я лично там не мог быть, но я верю тому, что мне докладывалось, мне докладывался список убитых и раненых. Эта точка зрения является для меня совершенно новой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это не точка зрения, а это факт.

Адм. КОЛЧАК. Вы были там?

Тов. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Нет, я сидел в тюрьме, и не был там точно так же, как и Вы, но я говорю со слов участников этого дела.

Адм. КОЛЧАК. Мне говорили, что в Куломзино за весь день боя было 250 человек потери, а в правительственных войсках было человек 20 убитых и раненых, кроме того 3-4 чеха, а сколько убито было в правительственных войсках я не помню.

Тов. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Значит вообще, помимо случаев в связи с восстанием избиений шомполами и пытками в Омской контр-разведке не существовало?

Адм. КОЛЧАК. Нет.

Тов. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Неизвестен Вам такой случай, когда один из расстрелянных по делу II коммунистов дал свои показания о том, что он является членом Комитета партии Коммунистов только потому, что он подвергался пыткам путем выворачивания рук и суставов, дыбкаго вытягиванию на дыбе и т.д.

Адм. КОЛЧАК. Нет, я в первый раз слышу.

В.П. ДЕНИКЕ. А относительно того, что полевого суда никакого не было, а протоколы суда составлялись уже после расстрелов, нам показывал никто иной, как Сыромятников.

Адм. КОЛЧАК. Сыромятников у меня не бывал с докладами, У меня бывал один только Виноградов, который мне говорил, что часть приговоров не Куломзинского, а Омского полевого суда была оделана заочно.

На стр. 130 - исправлено "Тов. председатель" "в", "при", "в" "Вписано" "при", "возвращаюсь" "к производству военно-полевого суда в Куломзине" "вообще" "Тов." "Вписано" "убит", "точка" "дыбкаго" - Стр.

Товарищ Сергеев

Тов. Председателя. - В Омской тюрьме сидело 5 человек Куломзинских Розанова, рабочих, заочно приговоренных к смертной казни.

Адмирал Колчак. - Что же их потом расстреляли?

Тов. Председателя - Они сидели потом еще несколько месяцев, когда я ушел, они еще остались, в конце концов они не были расстреляны, но от расстрела все еще не знали об отмене приговора и таким образом они сидели несколько месяцев под страхом смертной казни. Теперь может быть в связи с отменой расстрелами Вы скажете, известна ли Вам деятельность Розанова в Красноярске в качестве Вашего уполномоченного?

Адмирал Колчак. - Мне известен один прием, которого я ему запретил - это расстреливание заложников за убийство наших кого либо из членов охраны; он брал этих людей из тюрьмы.

Тов. Председателя. - Вы запретили, а не предали суду за убийства?

Адмирал Колчак. - Нет, потому что я считал, что в существе говоря он имел право бороться всеми способами, какие только возможны, что бывают известные положения и чрезвычайные обстоятельства, которые дают каждому начальнику такое право, но прибегать к таким к эту прием, как заложническому, я считал недопустимым, я считал, что от ответственности лиц, неприкасаемых к делу, недопустима, этом я говорил с министром Юстиции Тельберга, и Розанову было отправлено через Тельберга распоряжение заложников не V расстреливать.

Председатель Чудновский. - В каком месяце это было?

Адмирал Колчак. - Я думаю, что в апреле или марте.

Председатель Чудновский - Разрешите напомнить о том, что в мае и июне расстреливали целые партии.

Тов. Председателя К.А. Попов - В Омскую тюрьму в начале июня прибыл Стрипсак - Васильков и был расстрелян совершенно незаконно; так он говорил нам в тюрьме, что в Красноярске инспектор заложников действовал до самого последнего дня. Он говорил, что ни один вновь арестованный не доводился до тюрьмы и расстреливался по дороге - это во первых, во вторых, когда он был в тюрьме, то до самого последнего дня заложники расстреливались пачками по 8-10 человек.

Адмирал Колчак - В качестве кого были эти заложники?

На 131-ой стр. - вписано „приговора" и „эти" - вырвать.

Тов-Пред. Иркутска

Тов. Председателя. - Вероятно по поводу какого нибудь убийства на жел. дороге, за убийство чеха или кого нибудь другого.

В.П. Деникин. - Это известно из официальных источников, что в Красноярске за убийство чеха расстреливались 8-10 человек.

А.И. Алексеевский. В связи с этими мерами репрессий по Вашей инициативе Совет Министров принял два постановления, которые отменяют 16 и 18 апреля 1919 года №47, 48 и 52 секретным заседанием Совета: Вы предложили Совету обсудить вопрос о расширении прав командующих войсками в том смысле, что за преступления, которые раньше не наказывались смертной казнью, было повышено наказание до смертной казни.

Адмирал Колчак. - Да, такие были распоряжения.

Тов. Председателя. - Известно ли Вам, что Розанов давал распоряжения о сжигании сел и деревень для подавления якобы возмущений, при обнаружении оружия и т.п.?

Адмирал Колчак. - Я не думаю, чтобы Розанов такия распоряжения давал, потому что по этому поводу есть мои телеграммы, которые я посылал Артемьеву и Розанову, которые имеются даже в газетах в виде приказа Артемьеву, где я дал общия указания, как поступать в таких случаях борьбы с возстаниями, и где я указывал, что в случае если жители замешаны в том или ином деле, на них накладывается денежный штраф, а затем конфискация имущества и земли в пользу тех, кто подавляет возстание. Это указание мое, которое было сделано, конечно не указывало, как общую меру, сжигания деревень, но я считаю, что во время боев и подавления возстаний такая мера неизбежна и приходится прибегать к этому способу. Эта мера конечно не может быть применена в виде общих распоряжений, а только в виде меры, что во время столкновения, во время боя за деревню, весьма возможно, что деревня эта сжигается. Чтобы Розанов или Артемьев давали такия распоряжения - я не думаю, потому что есть распоряжения, которыя давал Артемьев, и в них о сжигании ничего. В случаях бывшего заложения сжигания его дома могло бы быть сделано, но только в отдельных случаях, но не как общая мера. У Вас вероятно есть данные о том, что Розанов давал такия приказания.

Тов. Председателя. - Да, показания Сыромятникова.

Адмирал Колчак. - Сколько мне известно из доклада того же Розанова, я знал два или три таких случая, где деревни были сожжены, и я признал это правильным, потому что эти случаи относились к деревне Степно-Баджейской, которая была занята повстанцами; это была укрепленная база повстанцев, следовательно она могла быть разрушена и уничтожена, как всякое укрепление. Второй случай - Кяйский и третий случай Тасеево, где то на северт, я точно не могу сказать, но эти случаи, как мне представлялось, носили военный характер, потому что это были укрепленные пункты, которые уничтожались в бою, это были базы повстанцев, и если база была взята; то она должна быть уничтожена, для того, чтобы его не могли воспользоваться впоследствии.

А.К. Алексеевский. Можно было оставить гарнизон.

Адмирал Колчак. - Деревня Степно-Баджейская была сожжена самими повстанцами, Тасеево был укрепленный пункт, который во время войны должен быть уничтожен. Я должен сказать, что такие случаи на большом западном фронте были очень редки, там могло быть два-три случая, когда деревни были сожжены в бою. Я недавно беседовал с одним из членов Революционного Комитета, он меня спрашивал, известны ли мне звверства, которые проделывались отдельными частями. Я сказал, что в виду общего правила это мне неизвестно. Но в отдельных случаях я допускаю. Далее он мне говорит: „когда я в одну деревню пришел повстанцами, я нашел несколько человек, у которых были отрезаны уши и нос Вашими войсками. Я ответил: „я наверно, такого случая не знаю, но допускаю, что такой случай был возможен". Он продолжал: „я на это реагировал так, что одному из них я отрубил ногу, привязал ее к концу деревни и пустил его к Вам в виду" ока за око, зуб за зуб". На это я ему мог только сказать: „в следующий раз - весьма возможно - люди, увидев своего человека с отрубленной ногой, сожгут и вырежут деревню. Это точно в войне и борьбе так делается.

Верно: Зам. Председ. Крайсуда Котов

Чрез 2 страницы стенограмма показаний б. адмирала Колчака сто тридцать три (133) скрепляю

Зам. Председ. Крайсуда Котов